

РАМОН МЕНЕНДЕС ПИДАЛЬ

СИД КАМПЕАДОР

Санкт-Петербург
ЕВРАЗИЯ
2004

Научный редактор:
к. и. н. Карачинский А. Ю.

Менендес Пидаль Рамон
М50 Сид Кампеадор. Пер. с испанского Некрасова М. Ю. — СПб.: Евразия,
2004. — 256 с.
ISBN 5-8071-0159-6

Книга знаменитого испанского филолога и историка Рамона Менендеса Пидалья посвящена национальному герою Испании - Родриго Диасу де Бивару по прозвищу Сид Кампеадор (XI век). Сид Кампеадор был испанским рыцарем, активно участвовавшим в Реконкисте - войнах между испанскими христианами и мусульманами за право жить на Пиренейском полуострове. Человек, познавший немилость королей, злобу и предательство соратников, долгие годы сражавшийся в одиночку, Сид вынес на себе основной груз военного конфликта, не изменив своим принципам, и войдя в легенду как благороднейший и храбрейший из испанцев. История Кампеадора - это история человека, ставшего символом испанского характера, гордого, благородного и несгибаемого. Рассказывая о Сиде, Менендес рисует противостояние двух Испании — христианской и мусульманской, сошедшихся в смертельном поединке, из которого суждено было выйти только одной стороне. Блестящий знаток средневековой испанской литературы. Менендес Пидаль создал интереснейшую биографию, выдержавшую рекордное число изданий в Испании и Западной Европе.

©Некрасов М. Ю., пер. с испанского, 2004
©Карачинский А. Ю.. предисловие, 2004
©Лосев П. П., обложка, 2004
© Евразия, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию

Рамон Менендес Пидаль

Пролог

Предпосылка

Глава I. Сид при кастильском дворе

1. Первые годы героя

2. Сид закладывает основы гегемонии Кастилии

3. Леонский король в Кастилии

4. Испания — патримоний святого Петра?

Глава II. Изгнание Сиды из Кастилии

1. Изгнание Сиды

2. Сид и сарагосские Бени-Худы

3. Неудавшееся примирение

4. Сид возвращается в Сарагосу

5. Император затмевает Сиду

Глава III. Вторжение альморавидов

1. Возрождение ислама

2. Примирение Сиды с Альфонсом

3. Сид возвращает Левант под власть Альфонса

4. Аледо и второе изгнание Сиды

5. Сид — хозяин Леванта

6. Альморавидская угроза растет

7. Сид затмевает императора

Глава IV. Сид против Эмира аль-муслимин

1. Альморавиды и Сид направляются к Валенсии

2. Сид бросает вызов Юсуфу

3. Сид подчиняет валенсийских альморавидистов

4. Первое поражение альморавидов

5. Возмездие за аль-Кадира

6. Сид укрепляет свою власть в Валенсии

7. Новые победы и завоевания

Глава V. Мой Сид — правитель Валенсии

1. Сид восстанавливает позиции христианства и европейской культуры

2. Двор Кампеадора

3. Частная жизнь

4. Конец валенсийской сеньории

Эпилог

Именной указатель

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Книга знаменитого испанского филолога и историка Рамона Менендеса Пидалья посвящена национальному герою Испании — Родриго Диасу де Бивару, прозванному Сидом Кампеадором. Кастильский рыцарь Родриго Диас был активным деятелем Реконквисты — войн, растянувшихся на столетия, в результате которых испанские христиане отвоевали Пиренейский полуостров у мусульман.

Начало этой истории было положено в 711 г., когда арабские войска, в середине VII в. двинувшиеся в победоносное шествие из глубин Аравии, переправились через Гибралтарский пролив и за несколько лет захватили вестготское королевство на Пиренейском полуострове. В завоеванной Испании арабы (мавры) основали сначала

эмират, а позже — Кордовский халифат. Уцелевшие христиане укрылись на севере, у самых Пиренеев, в Астурии и Кантабрийских горах. Со временем ситуация начала оборачиваться в их сторону. После ожесточенных боев им удалось отвоевать у захватчиков Порто, Брагу, Леон, Осму, Саламанку, Сеговию и Авила. Однако подлинный взлет христианской Испании начинается в XI в. Христианам, создавшим несколько независимых государств на севере королевства (Леон, Кастилия, Арагон, Наварра, графство Барселонское), удалось на время преодолеть период междоусобных распрей и неурядиц и начать массированное наступление на мусульман. Среди христианских государств особенно выделялось королевство Леон и Кастилия, во главе которого встал энергичный король Альфонс VI (1072-1109).

Немалую роль в успешном наступлении христиан на позиции испанских мусульман сыграло и то, что в 1031 г. некогда могущественный Кордовский халифат распался на несколько мелких эмиратов, которыми управляли представители знатных арабо-берберских фамилий, враждовавших между собой. Если с точки зрения культуры время независимых эмиратов было периодом расцвета мусульманской Испании, то в военной области позиции мавров значительно ослабли. Воюя между собой, эмиры часто нанимали к себе на службу христианских военачальников с дружинами, или же попросту вверяли себя покровительству христианских монархов, взамен выплачивая дань.

Именно в этот период и начинается деятельность Сиды. Скромный кастильский рыцарь, Сид рассорился со своим королем, Альфонсом VI, и был вынужден отправиться в изгнание. Вместе со своей дружиной, без помощи кого-либо из христианских правителей, Сиду удалось захватить важный стратегический пост на средиземноморском побережье Испании — Валенсию, и укрепиться там в то время, как силы христиан начали отступать под внезапным напором испанских мусульман и их союзников из Южной Африки — фанатичных берберов, «альморавидов». Став правителем Валенсии, Сид сдержал вражеское нашествие, приняв на себя основной удар. Благодаря своим подвигам Сид стал излюбленным героем испанского эпоса. Память о нем была запечатлена в блестящем произведении средневековой поэзии — «Песни о моем Сиде». Именно в этих произведениях литературного жанра особенно ярко прославляются неординарные качества Сиды, принесшие ему славу и популярность — верность своему государю, уважение к соратникам и врагам, справедливость и милосердие к простому люду.

Немало историков задавалось вопросом, насколько близко сходство между реальным Родриго Диасом де Биваром и легендарным Сидом, предстающим перед нами на страницах испанского героического эпоса. Именно на этот вопрос решил ответить Рамон Менендес Пидаль. Блестящий знаток средневековой испанской литературы, Менендес Пидаль (1869-1968) подробно проследил путь Сиды Кампеадора по историческим летописям и документам. Он создал интереснейшую биографию, выдержавшую рекордное число изданий в Испании и Западной Европе. Пришло время познакомиться с этой книгой и российскому читателю.

Карачинский А. Ю.

РАМОН МЕНЕНДЕС ПИДАЛЬ

Выдающийся испанский энциклопедист родился в Ла-Корунье 13 марта 1869 г. и умер в Мадриде 14 ноября 1968 г. В 1901 г. возглавил кафедру романской филологии Центрального университета. В качестве директора Испанской королевской академии языка, с чьим мнением не спорили, руководил нашей современной прославленной филологической школой. Наибольший авторитет приобрел как исследователь испанского языка. Его «Историческая грамматика», его критические издания испано-американских хроник, легенд и романсов, его исследования испанской и французской эпической поэзии открыли новые пути в трактовке ряда литературных и историко-филологических проблем. Оказал первостепенное влияние на испано-американскую культуру. Основание им

журнала «Ревиста де филолохиа эспаньола» и руководство работой над монументальной «Историей Испании», вышедшей в издательстве «Эспаса-Кальпе», стали вехами в истории нашей лингвистики. В серию «Колексьон Аустраль» вошли его следующие фундаментальные труды: «Литературные исследования», «„Американские романсы" и другие исследования», «Новое цветение старых романсов», «Антология испанской прозы», «О Сервантесе и Лопе де Веге», «Имперская идея Карла V», «Арабская поэзия и европейская поэзия», «Испанский язык раннего периода», «Язык Христофора Колумба», «Хуглары и их поэзия», «Кастилия. Традиция, язык», «Три поэта ранних времен», «О ранней испанской лирике и древнем эпосе», «Историко-литературная смесь», «Испанцы в истории», «„Католические короли" и другие исследования», «Испанцы в литературе», «Готы и испанская эпическая поэзия», «Испания: связующее звено между христианством и исламом», «„Лас Касас и Витория", а также другие работы по XVI и XVII вв.», «Вокруг баскского языка» и «Лингвистические исследования». К этому перечню мы добавляем еще один труд, обладающий исключительными достоинствами, краткий итог долгих лет трудов и исканий и их оправдание: «Сид Кампеадор». В этой работе дон Рамон создает самую полную и живую биографию «кастильского гордеца», прослеживая ее шаг за шагом, объясняя его поступки и освещая по-новому образ характерного испанского героя, каким в его изложении становится Сид.

ПРОЛОГ

Редакция «Колексьон Аустраль» настоятельно пожелала, чтобы тысячным томом этой серии стало мое произведение, предпочтительно «Сид Кампеадор». Я согласился на эту честь, сознавая, что обязан ею более теме, нежели достоинствам этой книги, где приложил немало усилий, чтобы постичь дух этого знаменитого героя и уловить характерные особенности его эпохи, имевшей столь большое значение для истории.

На счастье испанцев, их поэты создали не один образ, который может блестяще отражать выдающиеся качества национального характера, а с другой стороны, и реальная история Испании изобилует личностями, которых также можно считать воплощением этого характера. Среди всех них Родриго Диас де Бивар, Сид Кампеадор, безусловно заслуживает первого места: он уникален, поскольку является одновременно излюбленным персонажем поэтов и значительным историческим деятелем. Еще на заре испанской литературы его воспевали в традиционных эпических песнях, а позже в романсеро, в пьесах, романах и лирике всех веков, и литература зарубежных народов восприняла его как образец высоких человеческих качеств; в то же время на огромную значимость его реальных действий указывала историография — его жизнеописание было первым биографическим произведением в испано-латинской литературе, его упоминали французские и еврейские хронисты и особенно много внимания уделили ему арабские авторы. Таким образом, Сид в такой же полной мере принадлежит героическому эпосу, как самые известные герои мировой эпической поэзии, но в то же время на него падает столь яркий свет истории, как ни на кого из великих эпических персонажей других народов.

В настоящей книге автор предполагает рассмотреть именно исторический аспект жизни героя, чтобы очистить его биографию от современных искажений. Когда иные биографы изображают Сиду только в зловещем красноватом свете с резкими тенями, в каком его видели враги-мусульмане, — с точки зрения критики это совершенный абсурд. Разумеется, на арабскую историографию, в то время намного более развитую и умелую, чем латинская, необходимо обращать большое внимание и не игнорировать ничьих взглядов, сколь бы нелицеприятны они ни были; но в то же время объективный исследователь непременно должен замечать, помимо недоброго света мусульманских текстов, еще и лучики того бледного и ясного света, который могут бросить на наш предмет христианские источники, хоть бы и самые скудные, а также видеть неяркие

реалистичные проблески ранней поэзии, отражающей подлинное впечатление, какое герой производил на современников — на тех, кто жил рядом с ним, «кто пользовался плодами его подвигов», по словам автора «Песни о Кампеадоре»¹.

Фигура исторического Сиды, увиденная глазами обоих враждующих народов, бесспорно и определенно воплощает высочайшие человеческие качества, хотя он и жил среди военных бурь в одну из самых злосчастных эпох. Он выглядит олицетворением одного из самых критических моментов великой борьбы двух исторических миров — христианства и ислама и прежде всего олицетворением Испании, которая, отразив в этот период сокрушительное мусульманское нашествие, избежала грозной опасности, в тяжелой борьбе отстояв для себя возможность по-прежнему идти своим путем вместе с христианским Западом. Сид — герой Испании в полном смысле слова: ведь в его деяниях участвовали и кастильцы Альвара Сальвадореса и Альвара Аньеса, и астурийцы Муньо Густияса и братьев доньи Химены — графов Овьедских, и португало-галисийцы Мартина Муньоса — графа Коимбры, и арагонцы двух королей — Санчо Рамиреса и Педро I, и каталонцы Раймунда Беренгера Великого, сделавшего дочь Кампеадора графиней Барселонской. Поэтому Сид — герой-эпоним, *равновеликий Испании*, он прославил испанский народ, как и все испанские земли, которые, соединившись для свершения его дела, позже объединятся снова под скипетром Католических королей, чтобы ринуться на создание испано-вест-индской империи.

Такова биография, выбранная издателями как эссенция всего испанского и как часть той высокой культуры, которую достойная «Колексьон Аустраль» распространяет при помощи своей геройской тысячи избранных томиков, несущих в самые отдаленные школы и дома Испании и Америки самое возвышенное и прекрасное из созданного разумом человека во все времена и на всех широтах.

Р. М. П.

ПРЕДПОСЫЛКА

История и Поэзия

Сид — эпический герой особой природы. Об основных действующих лицах греческого, германского или французского эпоса История знает очень мало или ничего. Раскопки ученых убеждают нас, что Троянская война была реальным событием и действительно происходила на том месте, где мы теперь видим развалины, и уверяют в достоверности гомеровских поэм, коль скоро выкопанные объекты подтверждают их и служат им иллюстрацией; но об Ахилле мы никогда ничего не узнаем. Ничего не известно и о Зигфриде; можно только предполагать, что он был историческим персонажем, как бесспорно был таковым король бургундов Гунтер, при дворе которого, как говорит нам Поэзия, супруг Кримхильды встретил любовь и смерть. Исторические труды о Карле Великом уверяют нас, что был такой Роланд, бретонский граф; но, помимо факта его существования, мы о нем ничего не знаем, кроме описания его плачевной кончины. Рассказы о жизни этих героев навсегда останутся в области чистой Поэзии, недоступные для анализа любознательного историка. А вот Сид — герой совсем иного склада: он покидает свой высший, идеальный мир, чтобы твердым шагом спуститься в сферу Истории, и спокойно идет навстречу опасности более страшной, чем все, перенесенные им при жизни: позволить народу, за который он столько сражался, рассказывать о нем, а некоторым современным эрудитам, более беспощадным, чем враги, которых он покорил, — опошлить его образ. Дело в том, что Сид, в отличие от других героев, жил не в те древние времена, когда История еще не отделилась от Поэзии. Широкий поток

¹ Латинская поэма конца XI в., описывающая три сражения Сиды. — *Примеч. ред.*

художественного творчества, имеющего отношение к Ахиллу, Зигфриду или Роланду, возникает перед нами подобно загадочному Нилу — из неведомых и непознаваемых родников, тогда как реку эпоса о Сиде можно проследить до самого ее истока, расположенного на тех же вершинах, где раздельно пробиваются реки Поэзии и Истории, которые позже смешивают свои воды; литературная критика позволяет нам узнать первоначальную историю и вместе с тем выйти к поэзии современников героя, которую вдохновляла сама его жизнь или свежие воспоминания о ней. И эта современная поэзия, сохранившаяся для испанского героя, но не для остальных, может помочь нам, дополняя Историю, познакомиться с его характером, а также узнать детали, в которых поэтические тексты удовлетворительно согласуются с историческими.

История и Поэзия — то есть история, подтвержденная документами, и ранняя поэзия — здесь демонстрируют редкостное и характерное единство, и нет эпического героя, лучше освещенного светом Истории, нежели Сид. Более того: часто оказывается, что в реальности характер Сиды выглядит более поэтично, нежели в легенде. Последняя произвела на свет немало стихотворных строк, но оставила без внимания много других поэтических жил, какие создает для нас реальная жизнь в той естественной и незамутненной форме, в какой свою красоту являет природа.

Самая ранняя поэзия, обращенная к современникам, хорошо осведомленным о событиях и лицах, не могла не стремиться к правдивости, не могла не основываться на реальных фактах, известных всем; поэтому в дополнение к данным Истории мы в нашей биографии будем как вспомогательный источник постоянно использовать стихи, когда они заслуживают особого доверия.

Отрицание поэзии

Не сознавая древности этой поэзии, не догадываясь о причинах ее реалистичности, критика прошлого века противопоставила Сиду, созданному поэзией, реального Сиды и породила бурный поток тотального развенчания чтимой доселе исторической фигуры.

Эта «сидофобия» возникла естественно и почти неизбежно, когда наш арабист Хосе Антонио Конде в 1820г. написал биографию Сиды на основе арабских источников, поскольку они дают значительно более богатые сведения, чем источники латинские; а в этих арабских текстах то и дело поминается «Кампеадор, да проклянет его Аллах», «неверный галисийский пес», «проклятый главарь». Позже голландский арабист Р. Дози развил этот тип исламизированной биографии, наслаждаясь резким контрастом, когда в его описании традиционный герой испанского народа превращался в беглого преступника без родины, без веры, без чести; чтобы создать такой образ, автор совершенно оставил без внимания редкие похвалы, прорывающиеся у Ибн Алькамы и Ибн Бассама по адресу Сиды, зато перенял все обвинения, найденные у этих и у других арабских авторов, не только повторив их без должной осмотрительности, но преувеличив и даже присочинив там, где их не было.

В настоящее время использование еще большего количества арабских источников и более полная разработка источников латинских позволило опровергнуть выводы Дози. Тем не менее «сидофобия», одиножды возникнув, по-прежнему остается легким соблазном: разумеется, не для нового изучения источников, как это сделал эрудит Дози (ведь для этого надо много работать), а для безответственной эссеистики, легкой геростратовской известности поджигателя храма, без риска понести ответственность. Больше уже не скажут, что Сид-де был наемником, клятвопреступником и т. п., однако «сидофобия» принимает новые формы, более или менее скрытые, и проявляется это именно в том, что ее сторонники не желают, чтобы Сид был окончательно признан героем, олицетворяющим Испанию.

Две характерные черты Сиды

Единодушные подлинной истории и самой ранней поэзии, о котором мы говорили, относится не только к поразительным деталям, но и к общему смыслу жизненного подвига Сиды, который находят и подчеркивают та и другая: это победа на двух разных поприщах — над внутренним врагом и над внешним, причем обе победы были крайне трудными. Интерес историков и поэтов к главному действующему лицу нашей книги демонстрируют, с одной стороны, «История Родриго (Historia Roderici)», с другой — «Песнь о Кампеадоре (Carmen Campidoctoris)», «Песнь о моем Сиде» и «Песнь о завоевании Альмерии». Здесь описаны его победа над страшной мощью «местурерос», то есть злопыхателей, «завистливых графов», и победа над маврами, над чудовищно превосходящими силами «моавитян», над «заморскими маврами» (*moros d'allend mar*) — алъморавидами.

Завистливость, сугубо испанский порок, сильно замедляла действия Сиды, не говоря уже о том, какой вред всей войне против ислама нанесло изгнание лучшего воина Испании; это типично испанский изъян, который в аналогичной форме в XV в. обличали автор «Хроники дона Аль-варо де Луны» и дон Педро Белее де Гевара, видевшие, как «*invidia*» (зависть) затягивает и парализует Гранадскую войну, ссоря между собой тех людей, которым следовало бы продвигать Реконкисту вперед.

Короли Арагона и графы Барселоны долгое время были заклятыми врагами Кампеадора; Кастилия, официальная Кастилия, слепая к необычайным дарованиям своего героя, изгоняла его, мешала ему, когда только могла, желая свести на нет все его военные и политические успехи: «Именно Кастилия порождает этих людей и губит их». Но Сид, неумолимо возвращаясь к своим военным замыслам, победил всех своих завистников и сумел сделать их своими помощниками; своими победами он внушил уважение более родовой знати, ранее презиравшей его.

Эта завистливость, так изводившая Сиды при жизни, покушалась и на его посмертную репутацию, не считая ущерба, который понесла из-за нее здравомыслящая историография: это опять-таки типично испанская особенность. Ни один народ так не умалял славу своего героя, как это делала Испания работами Конде и его позднейших последователей, порой договаривавшихся до изумительных нелепостей — всех превзошел Масдеу, отрицавший само существование Кампеадора. Но такие опровержения долго не живут: Сид, если игнорировать домыслы завистников при его жизни и после его смерти, остается Сидом, самым подлинным испанским героем.

С другой стороны, Сид является национальным героем и благодаря своим чудесным, уникальным победам над непобедимыми войсками Юсуфа в самый опасный момент истории. В атмосфере общих бедствий европейской Испании, вызванных захватом мусульманской Испании африканцами, он один умел защищаться, побеждать и завоевывать, ведя непримиримую борьбу с альморавидами, которые несли на Полуостров варварский исламский фанатизм, насаждали религиозную нетерпимость, депортируя моса-рабов в массовом порядке на другой берег Гибралтарского пролива, разрушали блистательную культуру андалусских таифских дворов. Не соглашаясь заключать мир с валенсийскими маврами, пока они не разорвут всякие связи с альморавидами, Кампеадор добился, чтобы во имя давнего и плодотворного сосуществования обеих испанских цивилизаций всякое объединение андалусских мавров с африканскими было отвергнуто как недопустимое.

История и Поэзия согласны и в том, что военные победы Сиды имели особый, решительный характер, потому что это были победы немногих над подавляющим большинством, победы всегда уверенные. Поразительным образом это подтверждает и арабская историография. Ибн Бассам пишет: «Знаменам Родриго — прокляни его Бог! — благоприятствовала победа, и с небольшим числом воинов он истреблял многочисленные армии». Таким образом, военный гений Сиды безусловно превосходил талант обычного победоносного полководца.

Эта двойная победа — над завистниками и над альморавидами — составляет суть всей жизни Сиды, который в исторические моменты глубоких перемен заложил основы гегемонии Кастилии над прочими испанскими королевствами и утвердил преобладание христианства над исламом.

Глава I СИД ПРИ КАСТИЛЬСКОМ ДВОРЕ

1. ПЕРВЫЕ ГОДЫ ГЕРОЯ

Воспитание Родриго. Сражение при Граусе

Родриго Диас предположительно родился в 1043 г. По матери он принадлежал к очень родовитой знати, занимавшей высокое положение при дворе; знатный род его отца был из самых славных, но не из княжеских, и его представители вели довольно уединенную жизнь в своем родовом гнезде в Биваре, местечке к северу от Бургоса.

В это время в Леоне и Кастилии правил Фернандо I; это был король-император, то есть король, занимавший в иерархии более высокое положение, чем короли Арагона и Наварры.

Старший сын короля Фернандо, инфант Санчо, воспитан при своем дворе юного Родриго де Бивара, посвятил его в рыцари и взял с собой в свой первый военный поход.

Из таифских мавританских эмиратов Сарагоса менее всех могла избежать выплаты дани (*parias*) какому-нибудь христианскому государю, который бы эффективно ее защищал. Дело в том, что Сарагоса была единственным мусульманским государством, граничащим только с христианскими государствами, и короли Кастилии, Наварры, Арагона, а также разные графы Каталонской марки зарились на земли города на Эбро либо на возможность брать с него дань.

Дядя инфанта Санчо, Рамиро I Арагонский, давно и страстно желал захватить Граус и весной 1063 г. напал на эту крепость, благодаря которой земли Сарагосского эмирата опасно вклинивались в арагонскую территорию Рибаторсы.

Чтобы помочь осажденным, Муктадир выступил из Сарагосы с большой мусульманской армией и двинулся к своей северной границе. Его сопровождал инфант Санчо с войском кастильских рыцарей, в числе которых находился и Родриго де Бивар, в то время двадцатилетний юноша; инфант собирался напасть на дядю, потому что тот атаковал Сарагосу — данницу Кастилии. Они подошли к Граусу, под которым стояли лагерем арагонцы, и завязался бой, где король Рамиро нашел свою смерть (это было в четверг, 8 мая 1063 г.).

Это первое военное предприятие, где участвовал юный рыцарь из Бивара, продемонстрировало ему во всей своей сложности политику христианских государей, ожесточенно оспаривавших друг у друга возможность брать дань с сарацин. Такое экономическое угнетение таифских эмиратов было в то время обычным приемом Реконквисты в отношении территорий, которые невозможно было занять из-за нехватки христианского населения, бежавшего с них.

Фернандо I производит раздел своих королевств

Сарагоса, сохранившая свои земли благодаря Граус-ской кампании, осталась данницей короля Фернандо. Тот как император Испании мечтал покорить все таифские государства, и действительно главные из них были его вассалами, когда за два года до смерти, в декабре 1063 г., он разделил все свои владения между тремя сыновьями.

Альфонсу, который был его вторым, но любимым сыном, он отдал имперское королевство Леон вместе с Готскими полями до Писуэрги. Кроме того, в качестве зоны

для реконквисты или сферы влияния он передал ему мавританский Толедский эмират, правитель которого Мамун платил ему ежегодную дань.

Санчо, старший сын, получил королевство Кастилию с его старинной зоной влияния — мусульманским Сарагосским эмиратом, где дань должен был платить Муктадир.

Гарсия, третий сын, получил королевство Галисию и небольшую территорию Португалии с двумя эмиратами — Севильей и Бадахосом, эмиры которых были данниками.

Обеим дочерям, Урраке и Эльвире, император не дал никакой земли, а лишь власть над всеми монастырями, которые находились в трех новых королевствах, поставив им при этом условие, чтобы никогда не выходили замуж.

Согласно поэтическим жестам хугларов, переработанным в XIII в., дон Санчо был очень обижен этим разделом и сказал отцу, что тот не вправе был так поступать, «ибо готы установили, чтобы Испанская империя никогда не делилась, а принадлежала вся одному господину». Хуглары-поэты рассказывали также, что король препоручил своих сыновей Сиду, чтобы тот примирил их, и взял с них клятву признать раздел его королевств; эту клятву дали все, кроме дон Санчо, не пожелавшего соглашаться ни на что из сделанного отцом.

То, что приписывается Сиду в этом рассказе, неправдоподобно. Он был слишком молод, чтобы император сделал его советчиком трех королей; но, как бы то ни было, он должен был разделять любое мнение дон Санчо — ведь через два года он стал альфересом этого короля и принимал очень существенное участие в войнах, затеянных для передела власти в этих королевствах. Что касается мнений и слов дон Санчо на этих леонских кортесах², то они, несомненно, были такими, как их передают хуглары: для него был неприемлем этот раздел, противоречивший политическим обычаям готов.

Расчленение королевства было очень древним обычаем, порожденным франкской концепцией королевской власти как владения личной вотчиной и вместе с тем следствием слабости государства как политического организма. Готские монархи, излишне романизованные, никогда не делили королевство, как верно заметили хуглары: такое новшество, как раздел, ввели меровингские короли. Последние в 511, 561, 628 гг. и т. д., а вслед за ними разные каролингские короли в 806, 817, 855 гг. делили свое королевство, при жизни или посмертно, между двумя или четырьмя сыновьями; в Испании этот обычай ввел отец Фернандо I, король Наварры Санчо Великий, а потом его примеру последовало много других государей полуострова, как христианских, так и мусульманских.

В этих семейных разделах королевства есть кое-что общее. Карл Великий оставил дочерей незамужними, как и Фернандо I запретил выходить замуж своим, несомненно, с тем, чтобы у их сыновей не появилось соперников. Это стало еще одной причиной для падения нравов: дочери Карла Великого вызвали серьезный скандал при дворе их брата Людовика³, и не похоже, чтобы дочери Фернандо безропотно согласились на безбрачие. Мы знаем, что ряд монастырей, которыми владела Эльвира, она осквернила мирской жизнью. Конечно, «История Силоса (*Historia silense*)» (в конечном счете придворная история) превозносит другую сестру, Урраку, как женщину истинно монашеского духа; но вольнодумные (*liberrimos*) хронисты из народа, хуглары, приписывают Урраке очень непристойные речи, и даже шли слухи, которые в XIII в. воспроизвел брат Хиль из Саморы и которые подтверждает один арабский историк, что Уррака любила кровосмесительной любовью своего брата Альфонса и, когда тот вернулся из толедского изгнания, вынудила его жениться на ней, чтобы иметь возможность передать ему Самору. Другие хроники и документы того времени открывают нам, что пылкая любовь, которую

² Кортесы — собрание сословий в государствах Пиренейского п-ва. — *Примеч. ред.*

³ Дочери Карла, лишённые возможности выйти замуж, жили при дворе отца со своими любовниками. После смерти Карла Великого его сын Людовик Благочестивый (814—840) сослал сестер в монастырь. — *Примеч. ред.*

Уррака питала к Альфонсу, побуждала ее расставлять жестокие ловушки другим братьям и готовить братоубийство.

Еще одним роковым результатом раздела государства становятся измены, убийства и братоубийственные войны с целью воссоединить расчлененное королевство. После раздела, который произвел Фернандо I, все это и началось. Король умер в 1065 г., и его сыновья считались с отцовской волей, пока была жива королева-мать донья Санча. Но за ее смертью в 1067 г. последовали пять лет гражданских войн.

2. СИД ЗАКЛАДЫВАЕТ ОСНОВЫ ГЕГЕМОНИИ КАСТИЛИИ

Родриго — альферес Кастилии

После смерти императора Фернандо Кастилия немедленно дала понять, что ее притязания простираются крайне далеко, и Родриго де Бивар сыграл в этом деле выдающуюся роль, какой прежде у него не было.

Санчо II, новый король Кастилии, отличил Родриго, сделав его «принцепсом» всего королевского войска и дав ему чин знаменосца, что по-латыни звучит как *armiger*, а на романском языке передается арабским словом «альферес» (*alferez*).

Альферес был первым из всех придворных чинов. Тот, кто носил королевский штандарт, именовался «верховным предводителем над людьми короля в сражениях»; так же было и в других европейских странах, где королевский оруженосец одновременно был главнокомандующим войска. Альферес также носил перед собой королевский меч в знак того, что как заместитель короля уполномочен защищать все королевство, а также отстаивать права вдов и сирот идальго и приговаривать к казни знатных преступников.

Любопытно, что в Кастилии альферес, несмотря на исключительный характер его должности, обычно избирался из молодых рыцарей, и на этом посту долго не задерживались. Тем не менее Родриго Диас сохранял его в течение всей жизни Санчо, и, таким образом, это он будет руководить многочисленными войнами, которые скоро затеет Кастилия, алчущая расширения и власти.

Родриго — «Кампеадор»

Занимая пост альфереса, Родриго Диас должен был принять участие в одном единоборстве. Это был поединок по типу Божьего суда ради разрешения одного спора с Наваррой из-за нескольких пограничных замков, основным из которых был замок Пасуэнгос на границе между Кастилией и Риохой, южной областью старинного Наваррского королевства.

Со стороны Наварры сражался Химено Гарсес, один из лучших рыцарей Памштоны, много раз упомянутый в документах наваррского короля Санчо Гарсии Пеньяленского⁴ как сеньор и комендант важных крепостей. Против этого человека выступил молодой альферес Кастилии, Родриго де Бивар, которому исполнилось лишь двадцать три года и чье имя еще только начало появляться в грамотах. Но судебный поединок в соответствии с кастильским правом, как оно формулируется в «Партидах»⁵, был личной обязанностью альфереса, который как защитник прав королевской власти, «когда некто посягает на наследное владение короля, либо город, либо замок, и из-за сего должен произойти поединок, должен учинить его и выступить перед истцом в качестве

⁴ Король Наварры Санчо Гарсия IV (1038-1076) был в лесу Пеньялен сброшен со скалы своим незаконнорожденным братом Рамоном, почему историки его и называют Сброшенным-со-Скалы или Пеньяленским, — *Примеч. ред.*

⁵ Так с XVI в. называлась «Книга законов», разработанная в середине XIII в. при Альфонсе X Кастильском. — *Примеч. ред.*

ответчика». Таким образом, Родриго, сражаясь с Химено Гарсесом, лишь выполнял долг, связанный со своим высоким постом.

Юный Родриго победил наваррского рыцаря и был за это осыпан самыми громкими похвалами. «Песнь о Кампеадоре» передает эмоции, которые у всех вызвала великолепная ловкость героя в первом его единоборстве: «Тогда, — говорится там, — устами всех знатных людей Родриго был назван *Campidoctor*⁶; эта победа уже предвещала те подвиги, которые ему еще предстояло совершить, когда он победит в поединках графов, когда станет попирать своей ногой власть королей и овладеет ею с помощью меча».

Сид покоряет Сарагосу

Вскоре после этого первого успеха Родриго добился другого, более значительного. В соответствии с отцовским разделом королевства Санчо II должен был получать дань с Сарагосы, но этот источник был очень ненадежным — Фернандо I потому и предпринял свою последнюю кампанию, что эмир Муктадир не платил обязательной дани. Санчо на второй год своего царствования (1067) тоже вынужден был воевать с Муктадиром и в боевом настроении явился под стены его столицы.

Санчо окружил мощнейшие стены города боевыми машинами и своими воинами. Королевским войском командовал Сид.

Очень скоро Муктадиру, несмотря на превосходные укрепления, стало не хватать средств для сопротивления, и он, посоветовавшись с городским руководством, отправил в лагерь дон Санчо послов (*trujimanes*), предлагая огромный выкуп за прекращение войны. Но Санчо ответил, что, кроме этого, Муктадир и городские старшины должны признать свою вассальную зависимость и поручиться, что каждый год будут платить дань, в противном случае он сравняет город с землей и уведет всех в плен; пусть подумают — если бы они не платили дани ему, им все равно пришлось бы платить другому христианскому или мавританскому государю, чтобы он защищал их.

Послы сообщили тем, кто находился в городе, о суровости короля и о великой силе осаждающего войска, и Муктадир отдал в качестве выкупа золото, серебро, драгоценные камни, жемчуг и дорогие ткани; он подписал вассальный договор и выдал заложников в обмен на то, чтобы кастильский король защищал его от христиан и мавров при любой опасности.

При осаде этого города молодой Родриго де Бивар так отличился, что еврейская хроника Иосифа ибн Цаддика из Арвало приписывает ему весь успех этого предприятия: «Сарагоса была завоевана Сиди Ру Диасом в году 4827 от сотворения мира, что соответствует 1067 году у христиан». Еврейское «Сиди» равноценно уважительному титулованию «мой Сид», то есть «мой господин», выражению полуиспанскому, полумавританскому, которым попросту называли героя его вассалы на границах.

Нам недостает точных данных об участии Сида в политике и войнах первых лет царствования Санчо, но эта короткая фраза из еврейской хроники, где опущено имя короля и названо лишь имя его альфереса, говорит о многом. Молодой Кампеадор, которому было не более двадцати четырех лет, назван — не христианами, а людьми иной веры — главным действующим лицом войны с исламом.

С первых же моментов он отличился личной отвагой в поединке и удачливостью как командир — двумя качествами, благодаря которым он выделился среди стольких окружающих его воинов и стал героем для Поэзии и для Истории.

Через несколько месяцев после успеха, достигнутого Кампеадором при подчинении Сарагосы, в ноябре 1067 г., умерла королева-мать донья Санча, и ее сыновья очень скоро начали с оружием в руках оспаривать раздел, произведенный отцом.

⁶ Победитель. — *Примеч. ред.*

Санчо II Кастильский и Альфонс VI Леонский пока еще сохраняли доброе согласие и встретились в Бургосе, когда Санчо восстановил епископство Ока. В грамоте об этом восстановлении от 18 марта 1068 г. среди дворян кастильского короля, подтверждающих этот документ, фигурируют Родриго Диас в первой колонке и Гарсия Ордоньес в четвертой: положение обоих будущих соперников при дворе тогда было прямо противоположным тому, какое они займут позже.

Но согласие обоих братьев не могло продлиться долго.

Причины войны между Кастилией и Леоном

Старший сын дона Фернандо, унаследовав Кастилию, унаследовал и кастильские амбиции. Вспомним, что Кастилия с давних времен Ордоньо II, с X века, крайне неохотно признавала Леон в качестве центра империи, была областью строптивой и, даже покорившись императору, проявляла типично иберийский порок сепаратизма и феодальную тенденцию к обособлению. Но потом родоначальник наварро-кастильской династии Санчо Великий из Памплоны изменил эту антилеонскую политику. Он нашел более конструктивный и смелый выход, отобрав титул императора у астурийской династии. И хотя наваррский король очень рано умер, он успел начать перемещение политического центра Испании из западных ее областей в центральную. Его намерение тут же подхватила Кастилия, чтобы уже никогда не отказываться от притязаний на главенство.

Так что кастильский король Санчо Сильный получил войну с Леоном в качестве рокового фамильного наследия: и его дед — Санчо Великий, и отец — Фернандо I в свое время по очереди завоевали Леон, Королевский город. Санчо, старший сын Фернандо, не мог потерпеть, чтобы Леонское королевство, королевство имперское, принадлежало второму сыну; идею вестготов о единстве государства, попорченную Фернандо при разделе королевства, следовало восстановить в правах, однако приняв за центр Кастилию. Воинственный дух Санчо Сильного и высокий престиж его альфереса — Кампеадора с небывалой силой воскресили старые притязания Кастилии, и война с Леоном разразилась — правда, мы даже не знаем как.

Сражение при Льянтаде

Война началась через три месяца после дружеской встречи обоих братьев-королей в Бургосе в присутствии Сида. Санчо и Альфонс договорились, когда и где сойдутся в бою их армии: сражение было назначено на 19 июля 1068 г. на границе обоих королевств — Кастилии и Леона, на полях Льянтады близ реки Писуэрги.

Битва там действительно состоялась, и в результате Санчо и его альферес Кампеадор обратили леонцев в бегство.

Перед сражением братья условились, что король-победитель получит королевство брата без дальнейшей борьбы; но Альфонс бежал в Леон и не подумал выполнять договоренности. Видимо, такое соглашение, придававшее бою, согласно германским обычаям, значение Божьего суда, определявшего, на чьей стороне правда, оказалось слишком архаичным, и в реальности сражение при Льян-таде не стало решающим. Альфонса оно отнюдь не сломило.

В том же 1068 г. Альфонс поссорился со своим братом Гарсией, королем Галисии, напав на мавританского эмира Бадахоса, который согласно разделу, произведенному Фернандо, был данником Галисийского королевства. Через три года, в 1071 г., Санчо и Альфонс, забыв на время о вражде, заключили соглашение и, низложив Гарсию, разделили королевство Галисию между собой.

Гольпехера. Бени-Гомесы

Это эгоистическое согласие между Санчо и Альфонсом продлилось очень недолго. Если верить одному из замечаний в кодексе Силоса, причиной нового разрыва стала завистливость Альфонса (в которой мы еще неоднократно убедимся, рассматривая его отношения с Сидом). Прежняя распря, не разрешенная при Льянтаде, разгорелась вновь, и оба брата снова назначили сражение — на первые дни января 1072 г., на полях Гольпехеры.

Поля Гольпехеры, где должна была решиться судьба обоих братьев-соперников, простираются близ обширной долины реки Каррион; тремя лигами выше поднимался укрепленный город Санта-Мария-де-Каррион, столица графства, управляемого знатнейшим родом Бени-Гомесов.

Бени-Гомесами, то есть детьми Гомеса, мусульмане называли потомков и родичей знаменитого Гомеса Диаса, графа Салданы, который был зятем прославленного графа Кастилии Фернана Гонсалеса и его альфересом приблизительно в 932 г. Потом эти Бени-Гомесы стали графами и правили, вероятно, территориями не только Салданы, Льебаны и Карриона, но и другими; во все времена из этого рода выходили очень почитаемые графы. Эту семью, известную среди христиан под тем же арабским именем, хуглар — автор «Песни о моем Сиде» назвал знаменитой, говоря об «инфантах Карриона», которые через некоторое время коварно опозорят дочерей Сиды:

Из рода они Вани-Гомес, правда.
Было в нем много достойных графов...
(*Стих 3443*)⁷

Дядей этих «инфантов», то есть знатных юношей, был Педро Ансурес⁸, воспитатель Альфонса VI. С 1068 г. он упоминается как глава рода Бени-Гомесов, граф — так же как его предки и родичи — Карриона, Салданы и Льебаны, а также Саморы. При леонском дворе это был очень влиятельный рико омбре⁹, и он еще лет пятьдесят будет очень сильно влиять на действия Альфонса VI, а также его дочери и наследницы. Воспитатель Альфонса был так же близок к леонскому монарху, как Сид — к кастильскому.

Таким образом, Бени-Гомесы отправлялись сражаться на земле собственного графства за судьбу Леонского королевства. Впервые в жизни Кампеадора они становились у него на пути.

В схватку с ними как альферес короля Санчо и вступил Сид, отличившийся на полях Гольпехеры больше всех прочих рыцарей, как говорит «История Родриго». О участии, которое принял альферес в этом сражении, у нас есть два сообщения; более достоверным мы считаем более раннее.

Сражение при Гольпехере. Кастильская версия

Первый сравнительно подробный рассказ об этом сражении мы находим в «Нахерской хронике (*Cronica Najerense*)», и составлен он лет через девяносто после описываемых событий. Он выдержан в поэтическом тоне и сообщает, что, когда в ночь перед схваткой войска встали лагерем при Гольпехере, король Санчо и крупнейшие его вассалы беседовали о леонской армии, намного более многочисленной. «Если их больше, — пошутил Санчо с юношеским бахвальством, — то мы лучше и сильнее; мое копьё будет стоять тысячи рыцарей, копьё Родриго Кампеадора — сотни». Но Родриго прервал

⁷ Цит. по: Песнь о Сиде/ пер. Ю. Корнеева// *Западноевропейский эпос*. Л.: Лениздат. 1977. С. 698. (Далее ссылка только на номер стиха).

⁸ Педро Ансурес (ок. 1037-1117/1118) — граф Вальядолида с 1074 г. — *Примеч. ред.*

⁹ Рико омбре (мн. ч. рикос омбрес) — дословно «богатый человек», представитель высшей знати христианской Испании. — *Примеч. ред.*

эту фанфаронаду: «Что до меня, я утверждаю только, что сражусь с одним рыцарем, а дальше будь что будет». Напрасно король снова и снова пытался разжечь тщеславие Кампеадора, прося его пообещать схватиться с пятьюдесятью рыцарями, с сорока, с тридцатью, ну хотя бы с десятью: он так и не смог вырвать у Родриго других слов, кроме «Вступлю в бой с одним, и будь что будет». Когда рассвело, войска сошлись, потери были огромными, и случилось так, что Альфонс попал в плен к кастильцам, тогда как Санчо был захвачен леонцами. Оружие Родриго было сломано в битве, когда он увидел группу из четырнадцати леонских рыцарей, которые вели пленного дон Санчо, и закричал им: «Куда вы ведете нашего государя, когда ваш тоже в плену? Давайте отпустим того и другого королей». Но они, не зная о пленении дон Альфонса, отнеслись к Кампеадору с презрением. «Зачем ты, глупец, следуешь за своим пленным королем? Думаешь, ты в одиночку освободишь его из наших рук?» Родриго подзадорил леонцев, попросив у них копье, и они пренебрежительно воткнули в землю пику и двинулись дальше. Но Родриго схватил это оружие, пришпорил коня, чтобы догнать леонцев, с ходу поверг одного, мгновенно развернулся и свалил другого, ранил еще нескольких, освободил Санчо, дал ему трофейное оружие, и оба, уже вместе, обратили в бегство остальных, в результате чего вся битва вскоре завершилась в пользу кастильцев.

В основе этой истории, несомненно, лежит рассказ хуглара, на что явственно указывает использование диалога — прием, чуждый хроникам той эпохи, и что проявляется также в том, как искусно в рассказе расположены два отдельных эпизода описанного сражения: один из них переходит в другой, и их компоновка подчеркивает скромность и энергию героя, контрастирующих с высокомерием и неудачливостью его короля. Конечно, это один из эпизодов «Песни о Саморе», и он целиком рассчитан на то, чтобы прославить отвагу Сиды и кастильцев, победивших леонцев, которые имели численное преимущество.

Позднейшая леонская версия

Вариант этого рассказа, где леонцы показаны в благоприятном свете, можно найти в хронике леонца Лукаса Туйского, написанной более чем через полтора века после сражения. Епископ Туйский не говорит, что леонцев было больше, а лишь о том, что битва была чрезвычайно жестокой и с обеих сторон в ней пало столько народа, что об этом нельзя вспомнить без скорби; наконец король Санчо и кастильцы бежали, покинув свой лагерь, но король Альфонс запретил своим преследовать беглецов. Тогда Родриго Диас воодушевил своего короля: «Галисийцы, — сказал он, — с твоим братом, королем Альфонсом, после победы спокойно спят в наших же шатрах; нападём же на них на рассвете и победим их». Санчо принял это предложение и, собрав, как мог, свое рассеянное войско, с первыми лучами солнца внезапно напал на беззаботных леонцев; те, будучи безоружными, потерпели поражение, и их король Альфонс был взят в плен в церкви Санта-Мария-де-Каррион.

Ни один из этих рассказов не приписывает Сиде предосудительных действий в сражении; тем не менее «сидо-фобы», упорно не желая читать исторических свидетельств, постоянно твердят, что Сид убедил короля Санчо Кастильского прибегнуть к низкой измене, чтобы овладеть Леонским королевством.

Санчо коронуется в Леоне. Альфонс и Бени-Гомесы изгнаны

Согласно любому из этих рассказов именно благодаря Кампеадору леонцы потерпели разгром под городом Бени-Гомесов; именно из-за него был низложен Альфонс.

Санчо провел своего брата в цепях по нескольким леонским городам и замкам, чтобы добиться покорности побежденного королевства, и сам, следуя древнему готскому обычаю, был помазан и коронован в Леоне 12 января 1072 г. Владыка Кастилии в третий

раз завоевал королевский и императорский город: Санчо Великий, Фернандо Великий и Санчо Сильный один за другим утвердили падение леонской гегемонии и победоносное возникновение кастильской.

Альфонс, бывший король Леона, был отправлен братом в Бургосский замок, где к тому времени уже год томился в плену другой брат, Гарсия. Но инфанта Уррака, увидев, что ее брат, которого она любила без памяти, оказался в опасности, поспешила в Бургос, чтобы ходатайствовать перед Санчо, дабы тот отпустил его и позволил уехать в землю мавров.

Так и было сделано. Санчо взял с Альфонса клятву верности и, оказав королевские почести, отправил его в изгнание в Толедо, ко двору эмира Мамуна — большого друга и данника Альфонса.

Уррака с согласия Санчо распорядилась, чтобы Альфонса в ссылку сопровождали его воспитатель Педро Ансурес со своими братьями Гонсало и Фернандо Ансуре-сами. Бени-Ромесы, по наущению Кампеадора, оказались в такой же немилости, как и король. Следует полагать, что Санчо передал графство Каррион какому-нибудь знатному кастильцу.

Альфонс в Толедо

Мамун, предварительно получив гарантии безопасности, принял побежденного короля с почетом и поселил его в самом эмирском алькасар, поднимающемся над городскими укреплениями напротив Алькантарского моста.

Согласно монаху — автору «Истории Силоса», изгнание Альфонса к этому прославленному двору было ниспослано провидением. Тут бывший леонский король близко познакомился с маврами, сам лично обошел хорошо защищенный город и обдумал, как потом можно захватить его.

В изгнании, на службе у Мамуна, Альфонс провел девять месяцев — с января по октябрь 1072 г. В то время он обо всем советовался с соперником Сиды, графом Педро Ансуресом, слушаясь его, как школьник учителя.

И настало время, когда Педро Ансурес стал проявлять озабоченность и настороженность; он каждый день выезжал верхом в окрестности Толедо, проезжал три-четыре мили по одной из дорог, ведущих на север, и, как говорят арабы, старался поскорей выведать вести из христианской земли, расспрашивая идущих от границ путников.

Что же происходило в Леоне, вызывая у Педро Ансуреса такое беспокойство? Дело в том, что он из Толедо затевал там нечто весьма серьезное.

Восстание в Леоне. Самора на стороне доньи Урраки

Санчо титуловал себя королем Леона с января; тем не менее не все знатные леонцы признавали его, и отдельные официальные грамоты по-прежнему датировались «В царствование в Леоне короля Альфонса», как будто и не было толедского изгнания. Людям, которые кичились имперским величием Леона, было слишком горько подчиняться такому кастильцу до мозга костей, как Санчо. Если другой король Кастилии, Фернандо I, тридцать пять лет тому назад также захватил Леон, то он сделал это под предлогом защиты наследных прав жены¹⁰, что для леонцев было достаточной гарантией: королеве хватало влияния, чтобы «леонизировать» мужа. Но теперь господство Кастилии стало полным. Для знатнейшего рода Бени-Гомесов особенно унижительным был тот факт,

¹⁰ Фернандо I Кастильский в 1032 г. женился на Санче, старшей сестре леонского короля Бермудо III, в то время несовершеннолетнего. Достигнув совершеннолетия, Бермудо попытался заявить права на земли, взятые Фернандо в качестве приданого жены; началась война, которую Бермудо проиграл и сам погиб в битве под Тамароном. — *Примеч. пер.*

что их славу затмила слава Кампеадора, хотя тот даже не принадлежал к высшей кастильской знати, будучи простым инфансоном, дворянином второй категории, тогда как они были рикос омбрес.

Граф Педро Ансурес не смирился со своей опалой: то от двора Мамуна, то выезжая на несколько дней в Самору, он поддерживал связь с инфантой Урракой, женщиной очень умной, и оба организовали в Леоне сопротивление, сделав Самору его военной базой. Этот город, хоть он и находился на территории графства Педро Ансуреса, был пожалован Альфонсом своей сестре, которую король любил и которой повиновался как матери, так что близкие называли Урраку «королевой Саморы». Итак, рыцари Педро Ансуреса и другие дворяне Альфонса, собравшись вокруг доньи Урраки, открыто восстали в Саморе в пользу инфанты и свергнутого короля. В Кастилии даже ходили слухи, что сам Альфонс покинул Толедо, нарушив данную клятву, и дерзко объявился в Саморе, чтобы воодушевлять мятежников.

Осада Саморы

Поэты-хуглары¹¹ XII и XIII вв. рассказывали, что Санчо хотел отнять Самору у Урраки, которая при помощи своего воспитателя Ариаса Гонсало правила этим городом. Встав лагерем близ города, Санчо был поражен видом Саморы, которая возвышалась на отвесной скале, была опоясана крепкими стенами с массивными башнями и большей частью защищена рекой Дуэро, текущей у подножия скалы; увидев такую крепость, Санчо решил, что, если не овладеет ею, никогда не сможет называться повелителем Испании, и отправил к Урраке Сиду с предложением уступить Самору в обмен на другие города. Хуглары также говорят, что инфанта приняла Сиду, усадила его рядом с собой, удрученно выслушала послание, которое он передал, и разжалобила его, напомнив о временах детства, когда он воспитывался здесь, в Саморе, вместе с нею, в доме Ариаса Гонсало, по приказу короля Фернандо. Добавлялось, что Уррака, посоветовавшись в церкви святого Сальвадора с Ариасом Гонсало и другими рыцарями и соседями, решила дать Сиду отрицательный ответ, что Санчо был этим разгневан, сочтя, что Сид слишком сочувствует инфанте, и в конечном итоге осадил город.

Все эти сообщения не могут быть точными. Санчо пришел со своей армией к Саморе не повинуюсь импульсивному решению, а с тем, чтобы подавить сопротивление тех, кто укрылся за стенами этой сильной крепости.

Исторические источники сообщают нам, что во время осады снова отличился Кампеадор, особенно благодаря одному необычайному приключению, в результате которого громкая молва о его личной отваге, возникшая после нескольких поединков вроде того, какой он провел с наварр-ским рыцарем, распространилась еще шире. Однажды, когда он был один, на него внезапно напало пятнадцать саморских рыцарей, причем семеро в кольчугах. Биварец убил одного, ранил и поверг еще двоих и обратил остальных в бегство. Надо думать, эти саморцы рассчитывали захватить врасплох главного кастильского рыцаря, королевского альфереса, который был душой всего осаждающего войска.

Смерть Санчо II

Леонцы, окруженные, уже страдающие от голода, не имея возможности отделаться от Сиды, задумали отчаянный, но самый эффективный удар — по самому дону Санчо. Они поручили это одному чрезвычайно смелому рыцарю по имени Бельидо Адольфо (или Дольфос), который неузнанным проник в лагерь осаждающих, застиг короля безоружным и пронзил ему грудь копьем. Это произошло в воскресенье, 7 октября 1072 г.

¹¹ Хуглары — певцы и исполнители героического эпоса и народной поэзии в средневековой Испании. — *Примеч. ред.*

Бельидо, пустив своего исключительно быстрого коня в галоп, во весь опор вылетел из лагеря и достиг городских стен, где, как было условлено, ему открыли ворота, и он невредимым вернулся в город.

Римские историки превознесли бы Бельидо как второго Муция Сцеволу, который не промахнулся, нанося удар. Средневековые историки, даже наиболее симпатизирующие Альфонсу, будучи проникнуты представлениями о рыцарской чести, единодушно квалифицировали убийство Санчо как злонамеренное, предательское или мошенническое: так называют его «История Силоса», Пелагий Овьедский и «Компостелльская хроника».

Хуглары, излагавшие свои истории лет через девяносто после этого царубийства, утверждали, что Бельидо Адольфо действовал под влиянием безумной любви к инфанте Урраке, что его потрясли горестные сетования этой дамы на своего брата; они также рассказывали, что, когда Бельидо, убив короля и скача через лагерь, проезжал мимо палатки Родриго Диаса, тот выбежал, почуяв неладное; Сид в спешке, без седла и без шпор, вскочил на своего коня, которого как раз чистили оруженосцы, но погоня оказалась безуспешной, и он сумел только ранить коня изменника копьём сквозь уже закрывавшиеся створки ворот Саморы, через которые проскакал беглец. «Нахерская хроника» не забывает изобразить, как Сид возвращается и едет между шатров лагеря осаждающих, громко выражая свою скорбь, которая у этих людей прошлого обычно переполняла душу, как он рвет на себе волосы и бьет себе в лицо кулаками, перемежая стоны самыми отчаянными сетованиями на смерть своего повелителя.

Когда разнеслась весть об убийстве, то по всему лагерю, согласно «Истории Силоса», поднялся крик, выразивший отчаяние и уныние в связи с непоправимым несчастьем. Делать было нечего — брат-король, оставшийся в живых, должен был воцариться на престоле вновь, и всех пугала злопамятность нового монарха. Могучее войско, недавно исполненное радости и благородной гордости, начало в панике таять: многие, забыв о всяком воинском долге, беспорядочными толпами побежали по домам, не давая себе отдыха ни днем, ни ночью, и лишь несколько дружин самых стойких кастильских рыцарей взяли тело короля и, хорошо вооружившись, будучи настороже во время всего перехода по вражеской земле, со всеми возможными почестями доставили труп в Кастилию. Верные вассальному долгу они похоронили его во внутреннем дворе монастыря Онья, выполняя волю покойного. Сид подтвердил обе грамоты от 1066 и от 1070 гг., согласно которым Санчо вверял свое тело и душу монастырю Онья; несомненно, именно Сид вел войско, которое привезло труп к месту погребения, избранному безвременно погибшим монархом.

Санчо умер на вершине славы. Умер он во цвете лет — ему было тридцать четыре года. Его удивительная физическая красота усиливала скорбь, испытанную Кастилией в связи с его трагической гибелью. Теперь все политическое верховенство Кастилии, благодаря столь быстро достигнутым успехам на миг вознесшейся выше Леона и других государств полуострова, развеялось как дым.

Рассмотрим одно из проявлений этих чувств кастильцев, свидетельство о котором дошло до нас.

Жестокосердая инфанта

Один монах из Оньи составил эпитафию в память этого события, повергшего в печаль все население Кастилии. Он питал пристрастие к легендам о Троянской войне, которые были в то время в школах очень модными; уподобив Санчо красотой Парису, а доблестью — Гектору, он написал леонинским стихом следующие строки:

Санчо, обличьем Парис и отважный Гектор в сражениях,
Заклучен в этой могиле, став отныне прахом и тенью.

Далее он не побоялся нарушить потусторонний покой гробницы, написав над ней резкое обвинение в адрес сестры покойного, инфанты Урраки — мол, это она лишила Санчо жизни, и она, жестокосердая женщина, не плакала по умершему брату:

Женщина жестокой души, сестра, отобрала эту жизнь
Без всякого права и не плакала, что брат убит.

И для большей ясности наш монах приписал еще несколько строк в прозе, в которых обличал предательское наущение Урраки:

Этот король убит предателем по наущению своей сестры Урраки.

Пером этого монаха из Оньи словно управляла ненависть всей Кастилии. Авторы хроник тоже изобличали донью Урраку, и хуглары в свою очередь разносили в песнях это обвинение по всем градам и весям, рассказывая так: мол, когда Сид был в Саморе, чтобы передать послание доня Санчо, инфанта обронила по адресу брата такие слова: «Я женщина, и он хорошо знает, что я не сражусь с ним в бою; но по моей воле он будет убит — скрытно или при свете дня». Серьезнее всего, что даже в такой официальный документ, как фуэро¹² города Кастрохериса, документ, который предназначался для прочтения перед доном Альфонсом, любимым братом Урраки, лет через тридцать после его возвращения из Толедо, составители не побоялись среди исторических записей о разных королях включить и запись о короле Санчо Сильном, гласившую: «Он был убит по совету госпожи Урраки, его сестры, в городе, каковой называют Саморой», и столь отчаянно смелое утверждение мужей города не помешало Альфонсу утвердить фуэро: «И я, император Альфонс, одобряю эти фуэро и утверждаю».

Конечно, те пламенные похвалы, какие придворный автор «Истории Силоса» расточает Урраке, «каковая хоть внешне и принадлежала к миру, нося нарядные платья, внутренне блюла монашеский устав, будучи соединена с Христом как с единственным супругом», во многом преувеличены. Не подлежит сомнению, что инфанта была благочестива, что она украшала алтари и священные облачения богатейшими драгоценностями, как и то, что она была чрезвычайно ласкова со своим братом Альфонсом, которого в детстве кормила и одевала, как мать. Но если своего избранника она любила всей душой («*medullitus*», как говорится в «Истории Силоса»), то по отношению к другим братьям вела себя как хищный зверь. Мы уже видели, что эта женщина, одаренная и энергичная, но жестокосердая («*femina mente dura*»), смогла сделать с доном Санчо; через год она дала Альфонсу коварный совет заключить в тюрьму младшего брата, Гарсию, и тот так и умер в заточении в замке Луна.

Великодушие Мамуна

Сид и кастильцы за пять или шесть переходов доставили тело Санчо в Онью, а тем временем в Саморе полностью изменилась судьба Испании.

Как только Бельидо Адольфо совершил царубийство, инфанта Уррака отправила гонцов в Толедо, чтобы известить Альфонса; им было велено соблюдать величайшую скрытность, чтобы эту новость не узнали мавры.

Однако в пограничных районах жила каста шпионов, по-латыни называемых *initiatos*, а по-романски — *enaciados*¹³, «ложные христиане», как называл их епископ Туйский — несомненно, обращенные мавры, которые наживались, сообщая вести тому и другому лагерю. Кое-кто из них успел прибыть с потрясающей новостью в Толедо раньше гонцов доньи Урраки.

¹² Фуэро — собрание законов, привилегий, вольностей в христианской Испании. — *Примеч. ред.*

¹³ Буквально «люди без отечества». — *Примеч. ред.*

По счастью, граф Педро Ансурес, тревожась, еще активней, чем обычно, следил за дорогами к северу от Толедо и однажды к вечеру заметил двоих из этих «энасыядос», у которых дознался, что они едут к Мамуну сообщить о смерти короля Санчо. Однако Ансурес под предлогом, что хочет их тайно предупредить о чем-то, отвел их в сторону от дороги и отрубил им головы; вновь выехав на дорогу, он встретил гонцов Урраки, у которых узнал обо всем, и вернулся вместе с ними в город, чтобы уведомить Альфонса. На следующий день в Толедо тайно прибыл еще один гонец от некоторых кастильцев, которые немедленно признали Альфонса королем.

Изгнанники были в большом затруднении, не зная, как уйти от Мамуна: они опасались, что, если откроют ему новость, он схватит Альфонса, чтобы навязать ему какой-нибудь кабальный договор. Но Альфонс, напомнив, с каким незабываемым радушием их приняли в Толедо, не пожелал проявлять никакого двуличия и, хоть пылкое желание царствовать наполняло его страхом перед Ма-муном, направился к мавру, чтобы сообщить о великой удаче, которую ему только что ниспослал Бог.

Мамун улыбнулся, воскликнув: «Благодарение Богу, который избавил меня от бесчестья, а тебя от опасности! Ведь я уже все знаю и на случай, если бы ты захотел бежать тайно, перекрыл все дороги, велел взять тебя живым или мертвым. Теперь отправляйся в добрый час и получай свое королевство, а я дам тебе оружие и золото, когда захочешь, чтобы ты мог умиротворить сердца своих подданных». И, продолжая дружескую беседу, они заново дали клятву о взаимопомощи, какую уже некогда давали друг другу (клятва распространялась и на ее старшего сына Мамуна).

После этого Альфонс в сопровождении Бени-Гомесов выехал в направлении Саморы. Так в тридцать два года он дождался, чтобы все его надежды исполнились. Несколько счастливых случайностей даровали ему без всяких усилий королевство, ради объединения которого его брат дон Санчо приложил все силы и принял смерть.

Едва прибыв в Самору, Альфонс собрал на тайный совет Урраку и знатнейших дворян, чтобы посоветоваться, как закрепить свою власть над королевством.

После этого все леонские, астурийские, галисийские и португальские магнаты и епископы поспешили в город на Дуэро, чтобы приветствовать своего прежнего короля. Прибыли и некоторые кастильцы, сразу же признав его своим сеньором; это они отправили гонца к Альфонсу в Толедо, и главным в этой оппортунистской партии был Гонсало Сальвадорес, граф Лары, который, быстро забыв о своем покойном короле доне Санчо, сопровождал Альфонса и Педро Ансуреса, когда все они отправились из Саморы в королевский город Леон.

С самого начала царствования Альфонс пожаловал Урраке почести и титул королевы, какие по обычаю были положены старшим сестрам. На следующий месяц после убийства в Саморе, 17 ноября 1072 г., Альфонс в городе Леоне с согласия Урраки обнародовал грамоту, где, почитая свое изгнание как наказание божье, благодарил небо, что оно возвратило ему королевство, когда он меньше всего мог этого ожидать, «безо всяких возражений, без опустошения земли, без пролития крови врагов...». И ни слова о молитве, какой требовал обычай, — за упокой души брата, кровь которого обагрила землю Саморы пять недель тому назад!

Не теряя времени, Альфонс и Уррака вместе со знатнейшими леонскими рикос омбрес и епископами, а также с Гонсало Сальвадоресом и другими кастильскими магнатами двинулись в Бургос, чтобы принять власть над Кастилией.

3. ЛЕОНСКИЙ КОРОЛЬ В КАСТИЛИИ

Сид в партии, враждебной Альфонсу

В противоположность графу Лары, Гонсало Сальвадоресу, очень рано ставшему вассалом нового монарха, в противоположность прочим кастильским оппортунистам,

поспешившим в Самору, в Кастилии была и другая партия, относившаяся к Альфонсу с глубоким недоверием; хуглары говорят нам, что во главе этой партии стоял Сид, альферес убитого короля.

Недовольство в Кастилии было очень широким. Большинство кастильцев не осмеливалось на большее, чем открыто ставить смерть Санчо в вину Урраке, официальной советнице Альфонса, и изливать неприязнь в ней в эпитафиях, хрониках и грамотах; но другие, похрабрей, обвиняли самого Альфонса. Уже упоминавшийся исторический комментарий монаха из Силоса сообщает нам, что в Кастилии сразу после цареубийства (мы это уже говорили) считали, будто Альфонс находился в это время в Саморе, и добавляли, что низложенный король сговорился с самор-цами погубить Санчо.

Естественно, враждебная партия, единомышленники монаха из Силоса, должны были требовать, чтобы новый король очистился клятвой, «спасся» (*se salvara*), как говорили тогда. Обычай и законы всех времен не одобряют тех, кто пытается захватить трон путем насилия. «Фуэро Хузго»¹⁴ в первой статье — после неоднократных проклятий по адресу того, кто покусится на жизнь короля или подготовит заговор с целью такого покушения, — требует от того, кто взойдет на трон, отомстить за смерть своего предшественника, если он сам не желает быть обвинен как соучастник преступления. Пример очищения посредством клятвы, применения обычая, столь распространенного в Средние века, можно найти и в римской истории, и он был хорошо известен авторам «Всеобщей хроники Испании»: после того как Нумериан был насильственно умерщвлен, Диоклетиан, избранный императором, поклялся перед военным трибуналом, что не принимал в убийстве никакого участия.

XI век, век разделов королевств между братьями и век братоубийств, дает нам примеры, недалеко отстоящие по времени от описываемых событий, когда вассалы отказывались признать королем королевского брата, обвиняемого или подозреваемого в цареубийстве. Через четыре года после убийства Санчо в Саморе его двоюродный брат, Сан-чо Наваррский, был также убит в результате заговора, руководимого его братом Рамоном, который объявил себя королем; но наваррцы, не пожелав подчиниться изменнику, выбрали вместо узурпатора своим монархом короля Арагона. Другой пример: в 1082 г. был убит граф Барселонский Раймунд Голова-из-Пакли; когда же сын убитого достиг совершеннолетия, то Беренгер, в то время как брат Раймунда и опекун сироты носивший титул графа Барселонского, был перед судом Альфонса VI обвинен несколькими знатными каталонцами в братоубийстве и, когда его виновность была доказана, в 1096 г. лишен титула графа и отправился в Иерусалим, где закончил свои дни.

Альфонс, младший брат убитого короля, не мог, конечно, воцариться в Кастилии, не преодолев неприязни верных вассалов покойного. Этого не допускали юридические обычаи той эпохи.

Кроме того, самыми непримиримыми (во главе которых стоял Сид, молодой человек лет двадцати девяти), видимо, двигало не столько чувство вассальной верности, сколько желание и далее воплощать в жизнь гегемонистские устремления Кастилии. Они рассчитывали на то, что, может быть, угрызения совести не позволят Альфонсу принести клятву или со временем выявится, что он виновен. Тогда кастильцы отказали бы в повиновении леонскому королю и поискали другого, который бы вновь повел их на борьбу, как в аналогичном случае, уже упомянутом, искали себе короля наваррцы. Кастильцы могли иметь в виду третьего брата — Гарсию, бывшего короля Галисии, или королей Наварры либо Арагона, двоюродных братьев убитого Санчо.

Клятва в Санта-Гадеа

¹⁴ Испанское название вестготского кодекса законов короля Реккесвинта — «Книги судей», действовавшего на полуострове до середины XIII в. — *Примеч. ред.*

Епископ Туйский пишет, что кастильцы, не найдя более подходящей особы королевской крови, чтобы занять вакантный трон, договорились между собой признать повелителем Альфонса при условии, что он прежде поклянется, что не замешан в убийстве дон Санчо; а так как никто не отважился потребовать такой клятвы от нового короля, ее взял с него Родриго Диас, из-за чего стал навсегда неугоден Альфонсу.

Это сообщение, конечно, позднее (епископ Туйский писал около 1236 г.) и, помимо того, как мне кажется, опирается на рассказы хугларов, но, как я полагаю, источник его достаточно давний, а значит — достоверный, поскольку ранние кастильские хуглары были в большей мере хронистами и в меньшей поэтами, чем их французские коллеги — жонглеры.

Наши хуглары XIII в. рассказывали, что Сид также явился к Альфонсу вместе с прочими кастильцами, но отказался целовать руку новому королю и в ответ на его вопрос заявил: «Сеньор, все люди, коих вы видите перед собой, хоть никто вам этого и не говорит, подозревают, что король дон Санчо, ваш брат, был умерщвлен по вашему наущению; и посему я вам говорю: пока вы не снимете с себя это обвинение, как предписывает закон, я никогда не поцелую вам руки и не признаю вас государем».

Наличие этого подозрения, о котором у хугларов объявляет Сид, как нам известно, история полностью подтверждает. В Кастилии оно охватило всех и с яростью звучало даже в монастырских кельях: в Онье обвиняли советчицу Альфонса, в Силосе, монастыре, во главе которого стоял престарелый святой Доминик, — самого Альфонса. Таким образом, по законам того времени королю было необходимо оправдаться, а значит, рассказ хугларов мы можем в некотором приближении считать истиной. Поэтическая неточность, которую могли допустить хуглары, состоит, вероятно, только в том, что они оставляют Сида одного лицом к лицу с Альфонсом. Реальный Сид как аль-ферес и близкий друг покойного короля стоял во главе партии, стоящей на страже кастильских законов, но был не единственным законопослушным кастильцем.

Король, по словам хугларов, пообещал оправдаться в той форме, в какой пожелают высшие представители кастильской знати, и те решили, чтобы король дал клятву вместе с двенадцатью своими вассалами, которые назывались «соприсяжниками» (*conjuradores*) или «совместно очищающимися» (*compurgadores*); кодекс «Фуэро Хузго» не знает такого установления, однако оно, как и многие другие германские нравы, распространилось с тех пор, как на этот романизованный вестготский кодекс наложились местные обычаи¹⁵. Количество очищающихся совместно обычно варьировалось от двух до двенадцати, в зависимости от важности клятвы; число двенадцать встречалось чаще всего.

Кастильцы, согласно рассказу хугларов, потребовали также, чтобы Альфонс поклялся в Бургосе, в церкви Санта-Гадеа. Дело в том, что для клятвы тех или иных лиц предназначались определенные церкви.

В бургосской Санта-Гадеа, где присягали идальго, Там Сид принял клятву кастильского короля.

Эта Санта-Гадеа — отнюдь не главная церковь Бургоса, а маленькая приходская церковь в очень отдаленном районе; напрашивается мысль, что святая Гадеа (Агадеа, Агеда, то есть Агата, Агафья) была святой, которой обычно адресовались клятвы: мы знаем, например, что власти города Наве-де-Альбура в 1012 г. присягали вольностям (фуэро) города не в местной церкви, а в церкви Санта-Гадеа-де-Термино, в поселке, расположенном километрах в десяти к северо-востоку от Наве.

Альфонс дал клятву в Санта-Гадеа, согласно бесхитростному рассказу хугларов, таким образом: на алтарь положили Евангелие, и король возложил на него обе руки, — ведь для того, чтобы клятва была действительной, клянущийся должен касаться какого-нибудь священного предмета. Сид потребовал у короля клятвы, что тот не замешан в

¹⁵ Это старинный германский обычай, в основе которого лежала солидарная ответственность семьи за преступление каждого ее члена; так, подобные клятвы предусматривала «Бургундская правда». — *Примеч. ред.*

смерти короля дона Санчо, и Альфонс вместе с двенадцатью «совместно очищающимися» ответили традиционным «Да, клянемся». После этого Сид произнес то, что называлось юридическим термином «confusion»: «Итак, если вы поклялись ложно, пусть по воле Бога вас убьет предатель, который был бы вашим вассалом, каким был Вельид Адольфо для короля дона Санчо». Альфонс и его двенадцать рыцарей вынуждены были принять это проклятие, ответив «Аминь»; но, произнося это торжественное слово, король побледнел.

После того как Сид трижды потребовал одной и той же клятвы, как предписывал закон, и трижды услышал ее, он хотел поцеловать королю руку, но тот ее не дал.

Подобная досада Альфонса — явный поэтический вымысел, как и эмоциональная бледность при произнесении слова «Аминь». Альфонс не должен был публично раздражаться на того, кто участвовал вместе с ним в одном торжественном акте, пусть и питая подозрения, в акте, который в конечном счете был юридическим ритуалом и который по своему чину вполне мог проводить альферес покойного монарха. Надо полагать, король не очень любезно смотрел на Сиду — победителя при Гольпехере, но не отказал ему в руке для поцелуя и даже, как утверждает История, сразу же принял его в вассалы и оказал особые почести, чем привлек партию непримиримых на свою сторону.

Сид — вассал Альфонса

Тем не менее положение Сиды в королевстве совершенно изменилось. Раньше, как альферес Санчо, он был первым лицом в Кастилии и уничтожил мощь Бени-Гомесов. Теперь Бени-Гомесам вернули их титулы; Педро Ансурес, вновь получив свои графства Каррион и Самору, приехал в Бургос в свите нового короля как крупнейший магнат; Альфонс не давал понять, что за чем-либо нуждается в особых талантах Кампеадора, слава которого сводилась для него к крайне неприятному воспоминанию о Гольпехере. Родриго Диас, будучи предпочтительным вассалом (*vassallo praeferido*), теперь находился на положении вассала из многих (*vassallo de tantos*) и более того — вассала, которого терпят (*vassallo tolerado*), хоть и получал почести за свои высокие заслуги.

8 декабря 1072 г. Альфонс, уже признанный король Кастилии, предоставляет одно пожалование монастырю Серденья, как всегда, с позволения своей сестры Урраки. Акт подписывают леонские и галисийские епископы вместе с леонским альфересом и графами, прибывшими, чтобы торжественно принять полномочия в Кастилии; среди кастильских персон — покладистый Гонсало Сальвадорес, подписывающийся первым из кастильцев, далее — молодой Гарсия Ордоньес, который вскоре получит от Альфонса совсем особое отличие, и наконец в числе последних подписывается Родриго Диас. При новом короле его положение при дворе резко понизилось.

Гарсия Ордоньес — альферес Кастилии

В 1074 г. два двоюродных брата — короли Кастилии и Наварры — поссорились. Причиной тому, возможно, была дань, выплачиваемая Сарагосой.

В июне Альфонс Кастильский захватил Риоху, в качестве альфереса взяв с собой графа Гарсию Ордоньеса, который понемногу приобретал видное положение при дворе. Этот молодой человек в то время занял при Альфонсе ту должность, которая при Санчо принадлежала Сиду; таким образом, он уже проявил себя как соперник Кампеадора в Кастилии.

В войске, вступившем в Риоху, мы обнаруживаем также графа Гонсало Сальвадореса и Родриго Диаса, пониженного до положения одного из многих.

Но захват Риохы оказался непрочным: Гарсии Ордоньесу не удалось добиться успеха в походе, в котором он был альфересом. Вскоре кастильское войско оставило страну, и в декабре король Наварры уже находился в монастыре Сан-Мильян.

Гарсия Ордоньес, всегда выказывавший себя столь же честолюбивым, сколь и бездарным, сразу же после неудачи с завоеванием Риохи снял с себя должность альфереса, получив в награду графство.

Донья Химена, астурийка. Примирение Сиды с леонцами

Выполняя долг сеньора по отношению к вассалу, Альфонс нашел для Сиды самую почетную партию. Он женил Сиду на донье Химене Диас, женщине из королевского рода: она была племянницей самого Альфонса VI и правнучкой короля Альфонса V Леонского.

У нас сохранилось письмо о приданом жениха, переданное Кампеадором Химене 19 июля 1074 г., в день, когда, несомненно, сыграли свадьбу. Тогда Сиду был приблизительно тридцать один год.

Приданое жениха (*las arras*) — так назывался подарок, который молодой супруг делал супруге. Иногда он рассматривался как покупка тела невесты, «*comparatio corporis*». Обычно ему придавалось какое-нибудь значение, связанное с чувствами: подарок в честь чистоты новобрачной, «*propter honorem virginittatis tue*», подарок из любви к ее красоте и нежности — «*propter honorem et amorem pulchritudinis tue*», «*dulcedinis tue*». В письме Сиды к Химене содержатся два выражения: «ради украшения твоей красоты» и «ради непорочного брачного союза».

Кастилец Кампеадор принимал в свою семью женщину из рода леонских идалго, поэтому приданое донье Химене он предоставлял «по обычаю Леона». В Леоне муж обычно давал в приданое половину своего имущества и доходов, тогда как в Кастилии — только треть наследственного имения.

Принадлежность доньи Химены к королевскому роду ясно указывает, что, несмотря на Льянтаде и Гольпехере, Альфонс высоко оценил бывшего альфереса короля Санчо. Родителями новобрачной были бывший граф Овьедский Диего Родригес и внучка упомянутого леонского короля Альфонса V по имени Кристина. Братья невесты, Родриго Диас и Фернандо Диас, также по очереди были графами Овьедскими. Таким образом, она принадлежала к самой родовитой астурийской знати, и ее замужество было составной частью ловкой политики Альфонса, добивавшегося, чтобы чувства и интересы его подданных были бы сходными. Брак Сиды и Химены как бы олицетворял примирение кастильцев и леонцев; бургосский герой оставался по характеру кастильцем, но приданое уже предоставлял «по обычаю Леона».

Письмо о приданом и в другом смысле демонстрирует характер политического примирения, который король придавал этому браку: ведь поручителями для свадебного подарка были как раз те два графа, Педро Ансурес и Гарсия Ордоньес, первый из которых был противником Сиды в Леоне, а второй — соперником в Кастилии. Оба этих графа собственноручно подписали письмо, торжественно врученное в присутствии всего двора; его утвердили король Альфонс, энергичная инфанта Уррака (которой романсы приписывают любовь к Сиде и озлобленную ревность к Химене), инфанта Эльвира, которой никогда не придавали значения, покладистый и любезный со всеми Гонсало Сальвадорес, граф Лары, и другие графы и рыцари, среди которых мы обнаруживаем лишь двоих из тех, кого «Песнь о моем Сиде» позже назовет в числе дружинников Кампеадора: Альвара Сальвадореса, брата графа Лары, и Альвара Аньеса, которого Сид в тексте того же письма о приданом называет своим племянником и который вскоре будет считаться самым влиятельным военачальником Реконквисты после Сиды, своего дяди.

Сид в Овьедо

Альфонс, надо полагать, активно старался смешать кастильцев и леонцев: ведь в реальности оба королевства были не очень едины. Поэтому, начав их примирение с брака доньи Химены, он рассчитывал упрочить его, взяв Сиду с собой в поездку в Астурию.

Альфонс VI отправлялся в Овьедо почтить знаменитые реликвии, которым поклонялись в соборе и которые были заключены в ковчег; теперь, в Великий пост 1075 г., предполагалось в присутствии короля открыть этот ковчег и проверить его содержимое.

Вместе с Альфонсом ехали только важные кастильцы: епископ Оки или Бургоса и Родриго Диас, который благодаря этой милости собирался через шесть месяцев после свадьбы посетить землю доньи Химены — возможно, в ее обществе. В Овьедо направлялись также инфанты Уррака и Эльвира, граф-мосараб Сиснандо — алуазир, или визирь, Коимбры и многие другие прелаты и магнаты.

В последние дни Великого поста король рассмотрел несколько любопытных судебных дел, одно из которых нас интересует особо.

26 марта двор собрался на заседание суда в монастыре Сан-Пелайо. На этот раз судьями король назначил дону Сиснандо, алуазира Коимбры, и «кастильца» Родриго Диаса. Оба показали себя весьма сведущими в законах. В присутствии двора они рассмотрели акты, на которые ссылались стороны, и вынесли решение, что эти документы не идентичны тем, которые предъявила одна из сторон. Потом они обратились к «Фуэро Хузго», подробно процитировав ряд его статей.

Следует отметить, что для заслушивания дел, представляемых на рассмотрение королевской курии, король обычно назначал графов, потому что те по своей должности были верховными судьями на территории, которой управляли, а также мэринов и других чиновников; тем не менее здесь наряду с одним графом судьей был назначен Сид, не имеющий официальной должности и не достигший почтенного возраста, дающего авторитет: ему было всего тридцать два года. Это значит, что его выделяли как знатока законов. И не похоже, чтобы он просто из практики хорошо знал юридические обычаи своей земли: ведь он, кастильский рыцарь, рассматривал астурийскую тяжбу, опираясь на законы «Фуэро Хузго», в то время как кастильцы, в отличие от леонцев, руководствовались не вестготским кодексом, а скорее обычным германским и испано-римским правом.

Альфонс отличает Сиду в Кастилии

По окончании великого поста, в пасхальное воскресенье 5 апреля 1075 г., двор вернулся из Овьедо в Кастилию. 1 мая Альфонс уже был в Бургосе.

Тем временем, должно быть, у Сиды родился первый сын, Диего, и, вероятно, по случаю рождения первенца Альфонс VI 28 июля 1075 г. пожаловал Сиду, «наивернейшему Родриго Диасу (*fidelissimo Roderico Didaz*)», привилегию: отныне всего наследственные имения Кампеадора становились *ingenuas*¹⁶, или вольными, то есть ни в Бивар, ни в какое другое владение Сиды отныне был не вправе вступить ни сайон, ни мэрии для сбора каких бы то ни было налогов и штрафов в королевскую казну, будь то фонсадо¹⁷, штраф за мелкую кражу, за изнасилование, кастильерия, анутеба¹⁸; теперь Родриго Диас, равно как его дети и внуки, мог владеть своими землями как полновластный хозяин, не платя с них никакой подати.

В нескольких документах за 1076 г. в списках свиты Альфонса VI мы встречаем имена Сиды и его племянника Альвара Аньеса, тогда как имен представителей враждебной партии поблизости нет. Похоже, Химена удачно пристроила бывшего альфереса короля Санчо при дворе своего дяди Альфонса.

¹⁶ Это слово буквально значит «свободнорожденный»; привилегия под названием «*carta de ingenuidad*», которую король жаловал подданному, означала, что тот не обязан платить податей никому, «кроме как Богу». — *Примеч. ред.*

¹⁷ *Фонсадо (фонсадера)* — откупные деньги за неучастие в войне. — *Примеч. ред.*

¹⁸ *Кастильерия (кастельерия)* и *анутеба (анубда)* — виды откупных выплат за неучастие в строительстве и ремонте замков и укреплений. — *Примеч. ред.*

Но в то же время усиливались и позиции Гарсии Ордоньеса, что угрожало положению Химены и ее мужа при короле.

Присоединение Риохи

4 июня 1076 г. в Пеньялене был предательски убит король Санчо Наваррский, пав жертвой заговора своего младшего брата Рамона и своей сестры, а также нескольких придворных. Это было второе братоубийство, пошедшее на пользу Альфонсу, великому любимцу фортуны.

Наваррцы не признали братоубийцу королем и не приняли, в расчет ни маленького сына покойного, ни еще одного брата, инфанта Рамиро; они решили не выбирать нового короля, а присоединить свое королевство к уже существующему. Памплону вместе с Северной Наваррой признали своим королем Санчо Рамиреса Арагонского, Юг, то есть Риоха, пошел под руку Альфонса VI.

Гарсия Ордоньес — граф Нахеры

После присоединения Риохи Альфонс вновь подтвердил свою милость к Гарсии Ордоньесу.

Мы видели, что в юности, при кастильском дворе Санчо Сильного, Гарсия Ордоньес занимал не столь блестящее положение, как Сид. Видимо, они были почти ровесниками, но, принадлежа к знатнейшему роду, Гарсия был призван занимать более высокие посты. Свою административную карьеру он начал в 1067-1070 гг. в качестве коменданта крепости Панкорво на наваррской границе; потом, во время второй экспедиции 1074 г. в Риоху, он был альфересом Альфонса; таким образом, он постоянно действовал именно в этой области на Эбро, и теперь Альфонс, сделавший его два года назад графом, отдал под его управление Нахеру. Король оказал ему и большую честь, выбрав самую блестящую партию, какую мог, то есть женив его на инфанте — сестре убитого наваррского короля, которую звали донья Уррака и которой принадлежали Альберите и другие поселения в той же Риохе; этот новый политический брак, как и брак Сида, был направлен на «кастилизацию» недавно присоединенной области.

Оба супруга — кастильский граф и наваррская инфанта — любили с устаревшей помпезностью титуловать себя в актах Риохи так: «Прославленный, почитаемый Богом и людьми, милостью Бога и короля Альфонса сеньор граф Гарсия и знатнейшая из самого знатного рода графиня донья Уррака, правящие в Нахере».

Таким образом Гарсия Ордоньес не только намного затмил Сида блеском своего положения, но и занял первое место при дворе среди всех кастильских рикос омбрес. Тем не менее крайне тщеславный граф не мог похвалиться, что приобрел расположение Альфонса за какое-либо выдающееся деяние, сравнимое с деяниями Сида, и далее в продолжение его долгой жизни его будут преследовать одни неудачи.

4. ИСПАНИЯ - ПАТРИМОНИЙ СВЯТОГО ПЕТРА?

Рим и испанская церковь

В XI в. престол римского понтифика, в то время блиставший благодаря тому, что его занимали папы высоких нравственных и интеллектуальных достоинств, старался сделать более реальной свою власть над всем католическим миром, в то время достаточно раздробленным. Испания, например, дошла до того, что во времена ученых отцов вестготской церкви разработала себе литургию, отличную от литургии в других западных церквях, и связи ее прелатов и королей с Римом были очень слабыми. Но центра-

лизаторские устремления римских понтификов не ограничивались вопросами чисто духовного характера.

Теократические и имперские притязания Рима в отношении Испании

Как папа Александр II, так и самый выдающийся деятель тогдашней церкви — Гильдебранд, монах из Клуни, были озабочены тем, чтобы утвердить реальное и суверенное главенство апостолического престола над всеми земными властями, как духовными, так и светскими. С 1059 г. Гильдебранд для обоснования этого тезиса выпустил в свет ряд канонических текстов. К ним он присовокуплял исторические доводы и, перетряхивая архивы римской церкви в поисках документов, подтверждающих право на верховенство, отыскивал различные причины, по которым каждая страна, от Испании до Польши и Руси, должна была повиноваться или платить дань апостолическому престолу, а тот при случае мог бы диктовать свою волю государям не только при помощи отлучения или интердикта, но и низлагая монархов и даже устраивая военные экспедиции против них. Всеобщая религиозная экзальтация, характерная для той эпохи, очень причудливо смешивала в папах аскетическую самоотверженность с неистовым стремлением властвовать над людьми; тот же XI век, который начался примечательным распространением духа аскетизма среди светских государей, развѣет жажду власти в римских папах. Религиозная мысль, не допуская возражений, бестрепетно доводила свою логику до последних пределов. «Непосредственная власть», доверенная Богом святому Петру и его преемникам, выше преходящей власти королей; власть священника имеет божественное происхождение, тогда как королевская власть придумана людьми и создана еще в языческом мире; следовательно, все христианские народы должны соединиться под верховной властью понтифика; это был грандиозный замысел политического объединения Европы на базе духовного единства.

Мечты о такой универсальной монархии питало не только папство, но и Римско-германская империя, союзница папы. Около 1065 г., когда король Германии Генрих IV достиг совершеннолетия, один итальянский аноним, желая, чтобы дело юного монарха поддержали вся Северная Италия, римляне и нормандцы Юга, написал сочинение «Воззвание к знатым людям королевства», где предрекал, что благодаря прочному союзу магнатов в недалеком будущем возникнет всемирная Империя, быстро будут покорены Галлия, Британия, а также Испания:

Почтительно покорится вам могучая Иберия, Римские законы примет кантабр...

Возродится империя Цезаря и Карла Великого; весь мир подпадет под справедливую и уравновешенную власть ключей святого Петра.

Александр II и Григорий VII; поход Эбля де Руси

В Испании эти централизаторские чаяния начали осуществляться почти одновременно на религиозной и на политической почве.

Король Арагона Санчо Рамирес раньше всех пошел навстречу папе Александру II и отказался от вестготской литургии. Во второй вторник Великого поста, 22 марта 1071 г., в монастыре Сан-Хуан-де-ла-Пенья приму и терцию в последний раз прочитали по-толедски, а сексту отслужили уже по римскому обряду; при этом торжественном отречении от традиции присутствовал король, а также папский легат, кардинал Гуго Простодушный — вдохновитель реформы.

Но, когда Гуго Простодушный вернулся в Рим, этот триумфальный успех его миссии, должно быть, показался ему довольно незначительным. Вопрос литургии в папской курии уже считали второстепенным. В то время одним из исторических аргументов, которыми оперировали в Латеранском дворце, стало утверждение, что в древние времена

Испания входила в состав патримония святого Петра — несомненно, она была частью мифического дара императора Константина святому папе Сильвестру.

Так что вскоре после возвращения Гуго в Рим Александр II организовал военный поход против Испании, командовать которым он поручил известному в то время капитану Эблю де Руси, брату королевы Арагона Фелиции, дочери Гильдуина, графа Мондидье и Руси в Шампани.

Пока тщеславный шампанский барон собирал большое войско, чтобы вести его на мавританский эмират Сарагосы, умер папа. Римский народ и кардиналы 22 апреля 1073 г. провозгласили папой брата Гильдебранда, и новый понтифик, приняв имя Григория VII, через восемь дней после избрания обратился «ко всем государям, которые бы пожелали направиться в испанские земли», предуведомляя, что не намерен от них скрывать следующего: «Королевство Испания в давние времена по законному праву принадлежало святому Петру, и поныне, хоть и захваченное язычниками, оно не принадлежит никому из смертных, а лишь апостолическому престолу»; всем, что граф Эбль де Руси или кто-либо другой захватит у язычников, они будут владеть от имени святого Петра и на определенных условиях; кардинал Гуго Простодушный будет передавать всем, кто отправится в этот поход, волю папы. Таким образом, верховное руководство Реконкистой брал на себя понтифик.

Надо полагать, новая историческая версия статуса Испании, которую теперь вез с собой легат Гуго Простодушный, была здесь воспринята явно не столь благосклонно, как воззрения на литургию, изложенные им во время предыдущего приезда. Арагонский король Санчо Рамирес, хоть он и оставался по-прежнему покорным слугой Святого престола, не мог благосклонно смотреть на то, что его шурина Эбль де Руси собирается захватывать в Арагоне земли, которые после этого будут зависеть только от преемника святого Петра. Конечно, атаковав в мае границы владений сарагосского эмира, Санчо Рамирес рассчитывал на иностранную помощь; но великий поход Эбля, столь громогласно объявленный во Франции, для Испании не имел никаких последствий. Еще до этого Арагон признал определенную зависимость от Святого престола; Санчо Рамирес платил папе ежегодный чинш в пятьсот золотых эскудо, и это был единственный и лучший вид подчинения светской апостолической власти, какой могло предложить Арагонское королевство.

Новые притязания Григория VII

Перенесемся на четыре года после окончания неудачного похода Эбля и Гуго Простодушного. В распре, которую вызвал недавний декрет папы, направленный против светской инвеституры епископов¹⁹, только что миновал один из самых ярких моментов, когда германский император пошел на временное унижение — речь идет о знаменитой встрече в Каноссе. Теперь Григорий VII вернулся к испанскому вопросу; Гуго Простодушный к тому времени уже покинул понтифика, примкнув к мятежникам Вормсского собора²⁰. 28 июня 1077 г. папа обратился напрямую к королям, графам и прочим государям Испании, доводя до их сведения то, что четыре года назад уже было провозглашено во Франции: «Хочу известить вас, — писал он, — что королевство Испания, согласно старинным установлениям (о подложном Константиновом даре впрямую не говорится), было передано святому Петру и святой римской Церкви в

¹⁹ Инвеститура — церемония пожалования сана, полномочий или земельного владения. В германской империи император притязал сам назначать епископов и давать им инвеституру. Папа Римский Григорий VII начал реформы, признанные ограничить влияние светской власти на церковь. — *Примеч. ред.*

²⁰ Вормсский собор прелатов Германии, созванный в 1076 г. по инициативе императора Генриха IV, объявил о низложении Григория VII. Кардинал Гуго Простодушный, снятый с должности легата за покровительство симонии и примкнувший к сторонникам императора, также выступил на этом соборе с обвинениями в адрес Григория. — *Примеч. ред.*

управление и владение. По причине как сарацинского нашествия, так и небрежения моих предшественников служение святому Петру, обычное следствие таковой передачи, в Испании прекратилось, и сама память о его правах была утрачена. Теперь, когда вы отобрали у неверных свои земли обратно, даю вам знать: негоже, чтобы из-за моего молчания или вашего неведения Церковь теряла свое право. Что надлежит вам делать, судите сами, взыскав своего спасения и памятуя о своей христианской вере».

Альфонс — император всей Испании

Понятно, что Альфонс VI не мог допустить, чтобы Испания стала патримонием святого Петра; пока что он отказался платить чинш, который уже платили король Арагона, граф Бесалу и другие европейские князья, а Арагон и Португалия будут платить еще в XIII веке. Более того, он тогда же начал активно упоминать о старинном императорском сане, причитавшемся ему как королю Леона; при этом он не довольствовался по-прежнему, как его отец Фернандо I, тем, чтобы его лишь именовали императором, а сам стал использовать этот титул и включать его во все свои грамоты с того самого 1077 г., когда Григорий VII сообщил Испании о притязаниях, заявленных четыре года назад; притом избранный Альфонсом титул был более определенным, чем у предшественников, словно он намеренно пресекал притязания церкви: «Я, Альфонс, император всей Испании». В то время впервые было ясно осознано все значение имперской идеи, значение того факта, что она распространяется как на всю христианскую Испанию, так и на ее неосвобожденные от мусульман земли. Со своей стороны, другие королевства полуострова вынуждены были, как делали это издревле, признать иерархическое верховенство короля Леона; так, некоторые арагонские грамоты имеют следующую датировку: «В царствование благочестивого государя короля Санчо в Арагоне и Памплоне; в царствование государя императора Альфонса в Леоне»; это превосходство в свою очередь отмечали и арабские историки, объясняя, что Альфонс VI «пользовался титулом *imperator*, что означает „царь царей“». Через несколько лет Альфонс сделал особый упор на таком толковании, объявив себя «императором, поставленным над всеми народами Испании (*constitutes imperator super omnes Hispaniae nationes*)».

Сид и национальный протест

Притязания Григория VII должны были всколыхнуть национальное чувство испанцев, побудить их выразить протест и в других формах, кроме принятия Альфонсом нового императорского титула. О других, более непосредственных формах неприятия папских претензий вспоминали хуглары, народные источники информации, и сообщили о них нам, хотя и исказив в ходе передачи. Еще через сто тридцать лет после смерти Сила, как сообщает нам епископ Туйский, была очень распространена традиционная хугларская песня, вновь упомянутая в «Хронике 1344 года» и в поэме «Юность Родриго». Согласно этому рассказу, папа, германский император и французский король потребовали от испанского короля дани, угрожая устроить против него крестовый поход (воспоминание об Эбле де Руси); именно Родриго Диас посоветовал не подчиняться папе и ответить, что Реконкиста — дело испанцев, а не иностранцев; наконец, он возглавил сопротивление и напал на Францию. В поэме «Юность Родриго» Руй Диас вызывающе обращается к папе и германскому императору:

Видно, помутил Господь твой разум, о папа римский,
Раз ты послал требовать ежегодной дани!
Привез вам ее добрый король дон Фернандо:
Завтра он вам ее передаст в доброй схватке на поле боя.

Так простонародные поэты Испании ответили на стих латино-итальянского поэта «почтительно покорится вам могучая Иберия».

И это единственный дошедший до нас невнятный, но определенный отголосок той реакции, которую вызвали в Испании как французский поход 1073 г., порожденный желанием папы отвоевать Испанию, так и послание 1077 г., в котором Григорий VII провозглашал свои суверенные права на испанские королевства. Официальные хроники того времени не говорят ни слова ни о походе Эбля, ни о поползновениях папы; тогдашними политическими проблемами были озабочены одни хуглары.

Зато в этих латинских, то есть церковных, хрониках осталась память о протесте националистического характера против другого требования папы — о службе по римскому обряду, меньше волновавшего народ, но ближе касавшегося национального духовенства, которое и писало хроники. Из записей хронистов-клириков мы знаем, что в 1077—1078 гг., несмотря на сильное сопротивление, в королевствах Леон и Кастилия был принят римский обряд. В те же годы Альфонс VI принял императорский титул.

Глава II

ИЗГНАНИЕ СИДА ИЗ КАСТИЛИИ

1. ИЗГНАНИЕ СИДА

В то же время, когда Альфонс стал титуловать себя «императором всей Испании», он решил сделать более эффективной свою власть над таифскими мавританскими эмиратами.

Отец Мутамида Севильского платил дань Фернандо I. Мутамид платил ее Альфонсу, и тот ежегодно отправлял в Севилью посольство, чтобы забрать эту дань. Именно для этого он к концу 1079 г. послал Родриго Диаса. Император в то время провел ряд походов против эмира Бадахоса и Толедо, но, насколько нам известно, не дал в них развернуться военному гению Сиды. Ему было не по душе использовать своего крупного вассала в иных качествах, кроме судьи и посла.

Родриго де Бивар прибыл в Севилью не в лучшее время. Мутамиду в этот момент грозила опасность со стороны его врага Абдаллаха Музаффара, эмира Гранады.

Мутамид и Абдаллах были наследственными врагами, и их вражда носила этнический характер. Севильские Бени-Аббады были йеменскими арабами, прибывшими в Испанию в 741 г. и целиком испанизированными, тогда как гранадские Зириды были потомками берберских племен, недавно перешедших под руку сына Альмансора, а отношения между Аббадидами и берберами всегда были очень враждебными. Этническую ненависть усиливало культурное неравенство. Зириды, чьим родным языком был берберский, плохо понимали литературный арабский язык и оставались в значительной мере чужды исламской культуре; в Гранадском дворце не принимали ученых, литераторов и певцов. Напротив, Мутамид Севильский был превосходным поэтом, и благодаря щедрости эмира его литературный двор блистал среди прочих. Поэтом был первый министр Севильи, незаурядной поэтессой — любимая жена Мутамида, султанша Румайкия, прославившаяся своими стихотворными импровизациями в местах отдыха на берегах Гвадалквивира, импровизациями, которыми она завоевала сердце монарха, и еще более прославившаяся безудержными и несуразными причудами, подвергавшими суровым испытаниям любовную галантность и изобретательную щедрость любящего супруга, как сообщает нам наш дон Хуан Мануэль.

Когда Аббадиды и Зириды начали соперничать, они владели государствами, равными по площади, но постепенно положение Зиридов становилось все хуже. В 1073 г., когда Абдаллах воцарился в Гранаде, ему уже принадлежала лишь территория столицы. Зато Мутамид, захватив в 1070 г. Кордову, а в 1078 г. Мурсию, добился того, что его

эмират стал самым богатым мавританским государством Испании, и обеспечил верховенство старинной андалусской знати над невежественными берберскими пришельцами.

Молодой Зирид Абдаллах, поддавшись на уговоры покойного толедского эмира Мамуна, приверженца имперской политики Альфонса, согласился платить дань императору. Несомненно, для получения этой дани и оказались в Гранаде четверо крупных вассалов Альфонса, главным из которых был граф Нахеры Гарсия Ордоньес.

Следуя императорской политике натравливания андалусских эмиров друг на друга, они организовали набег на севильскую территорию. Возможно, императору было не по вкусу чрезмерное усиление Мутамида. Но Гарсия Ордоньес поступил очень неосмотрительно, начав враждебные действия против Мутамида как раз в момент, когда тот, собираясь выплачивать дань, мог потребовать помощи от Кампеадора.

Сид, уполномоченный принять севильскую дань, счел своим долгом защитить данника и написал эмиру Гранады и кастильским рикос омбрес, умоляя из уважения к императору Альфонсу отказаться от мысли напасть на эмира Севильи. Но те, рассчитывая на многочисленность своего войска, не только пренебрегли просьбой Сиды, но и подняли его на смех; они вступили на земли Мутамида, разорив их вплоть до пограничного замка Кабры.

Столкновение Сиды и Гарсии Ордоньеса

Родриго, которому Альфонс семь лет не давал возможности для подвигов, увидел, что его час настал. Возглавив маленький отряд, взятый им с собой в качестве эскорта, он двинулся навстречу захватчикам и вступил с ними в тяжелый и длительный бой.

Воины гранадского эмира — как мавры, так и христиане — понесли тяжелые потери и наконец в беспорядке бежали, а сам Гарсия Ордоньес и многие другие рыцари попали в плен.

Старая поэма о Сиде, вероятно, сгущает краски, сообщая, что Кампеадор обидел графа Нахеры, схватив его за бороду и вырвав из нее большой клочок — тяжелейшее оскорбление, которое фуэрос признавали основанием для пожизненной вражды. Но пусть до этого и не дошло, самого факта пленения было достаточно, чтобы высокомерный граф Нахеры был уязвлен до глубины души. История говорит нам только, что Сид продержал пленников три дня, чтобы удостовериться в окончательности своей победы, а потом отпустил, оставив себе, однако, шатры и оружие побежденных.

Эта победа, одержанная Сидом с небольшим числом рыцарей над многочисленным вражеским войском, имела широкий резонанс. Арабские историки называли ее не обыкновенной, а христианский народ, хуглары и хронисты, в память о ней дали графу Нахеры унижительное прозвище — дон Гарсия Кабрский, прочно связав с его именем место его знаменитого поражения. Дону Гарсии, несмотря на его родовитость и брак с самой высокородной принцессой, не хватало личного благородства и подходила обидная кличка; христиане звали его также «Курчавый Граньонец» (*el Crespo de Granon*), а маврам он был известен как «Косоротый».

Кампеадор с победой вернулся в Севилью; он получил от Мутамида дань вместе со множеством даров для короля Альфонса и честно двинулся обратно в Кастилию, к своему королю. В мае 1080 г. он был в Бургосе, где находился и Гарсия Ордоньес; оба присутствовали на совете, на котором было утверждено принятие римской литургии и где, кроме обоих соперников, были также леонские графы Педро Ансурес Каррионский и Родриго Диас Овьедский, брат Химены.

Однако если населению Бургоса и могло понравиться унижение Гарсии Ордоньеса, то королю, очень расположенному к графу Нахеры, это было весьма неприятно. Кроме того, победа Родриго де Бивара возбудила у многих чувство зависти — не только у чужих и у группировки Ордоньесов, но даже у некоторых родичей самого Сиды, и многие стали

возводить на него перед королем ложные обвинения, которые «История Родриго» не стесняется приводить. По старой поэме мы знаем, что обвинители утверждали, будто Сид был неверным посланником, присвоившим бóльшую часть дани мавританского эмира (отметим мимоходом еще раз, с какой очевидной точностью это сообщение хугларов укладывается в лагуну, оставленную Историей). Возможно, оттенок правдоподобия этим обвинениям придало какое-то роковое обстоятельство. Признательный Мутамид мог вознаградить своего избавителя завидными подарками или, что менее вероятно, сделать Сиду жертвой какого-то обмана наподобие задуманного им в 1082 г., когда он попытался выплатить дань монетами низкой пробы. Во всяком случае, в душе Альфонса стали нарастать недоверие и неприязнь к Сиду, а в результате новой инициативы героя эта антипатия резко выплеснулась наружу.

Начало Толедской войны

Мамун, великодушный эмир Толедо и Валенсии, приютивший низложенного Альфонса, в 1075 г. умер от яда. Ему наследовал его внук аль-Кадир, юноша трусливый и малоспособный, который, будучи воспитан в среде наложниц гарема, среди евнухов и рабов, постоянно находился под влиянием женщин и евнухов.

При его слабой власти обострилась борьба группировок. Основных из них было две: *мудехары*, или данники, искавшие гарантий мира и порядка в защите со стороны христиан, и *непримиримые*, которым была ненавистна любая связь с людьми иной религии. Аль-Кадир, сознавая, что не в состоянии прекратить мятежи и войны, обратился за помощью к Альфонсу, продолжая политику своего деда Мамуна. Такой политики он придерживался всю жизнь: позже он будет жить под охраной Сиды.

Альфонс — несомненно с целью помочь аль-Кадиру в борьбе с непримиримыми — в 1079 г. предпринял поход в толедскую землю, с которого начался ряд непрерывных войн, продолжавшийся шесть лет; арабские и христианские историки рассматривают их как наступление на Толедо, приведшее к завоеванию этого города.

Триумф врагов Сиды

Однажды, когда император отправился в один из этих походов — возможно, в апреле—мае 1081 г., — Сид по болезни остался в Кастилии. В это время мавры напали на замок Гормас, крупнейшую кастильскую крепость на рубеже Дуэро, и взяли во время налетов немалую добычу.

Услышав такие вести, Сид, вознегодовав, собрал всех своих рыцарей, раздал им оружие и устроил вместе с ними набег на Толедский эмират, опустошив в наказание его земли и взяв пленных числом до семи тысяч — мужчин и женщин, много скота, одежды и прочих богатств; все это он привез к себе домой.

Этот, второй, успех Кампеадора тоже был плохо воспринят придворными магнатами. Завистники говорили Альфонсу: мол, Родриго организовал этот набег лишь ради того, чтобы король и те, кто вместе с ним сражался в мавританских землях, погибли от рук сарацинов.

Так говорит «История Родриго», и чтобы понять это высказывание, надо вспомнить, что, хоть Альфонс и воевал с Толедо, однако боролся он только с врагами аль-Кадир, и в том же эмирате имелась также дружественная территория — северо-восток, где находились Сантавер, родовое владение семьи Мамуна, и долина Тахуньи, в которой Мамун и аль-Кадир передали Альфонсу поселения Бриузга, Ольмос и Каналес, где во время военных операций на толедской земле король оставлял своих раненых. А эта территория как раз прилегала к Гормасу, который отстоял Сид. Может быть, Кампеадор во время своего набега нападал без разбора на мятежные земли и на земли, жители

которых сохраняли верность аль-Кадиру, рискуя вызвать раздражение дружественных мавров, чем и объясняется обвинение, выдвинутое придворными.

Однако обвинителям вовсе не обязательно было ощущать особую правоту. «История Родриго» объясняет изгнание Сиды лишь одной завистью и сообщает, что у Родриго были завистники даже среди его собственных родственников. Эти скрытые враги усиливали врагов открытых, среди которых было много знатных рикос омбрес, униженных Сидом при Кабре. Самый оскорбленный из всех, Гарсия Ордоньес, был самым заклятым «врагом моего Сиды, всегда искавшим ему зла», как говорит «Песнь», а рядом с графом Нахеры были его могущественные родственники: брат — Родриго Ордоньес, в то время альферес короля, и шурин — Альвар Диас, названный в «Песни» явным врагом Кампеадора, сеньор Оки. К ним можно добавить самых старых противников Сиды — леонцев Педро Ансуреса и всех Бени-Гомесов. В целом двор был враждебен Сиде, и завистники восторжествовали.

Завистливое злословие в тогдашней общественной жизни было чрезвычайно могучей силой. В некоторые периоды XI и XII вв. королевские наушники приобретали немаловажное влияние; эти так называемые *местурерос* или *мескладерос*²¹, то есть склочники, представляли собой настоящий бич и наносили большой вред управлению страной, когда при слабом или недоверчивом короле государственная власть слабела. Нам известно, что некоторые короли того времени держали целый штат шпионов, как в недоброй памяти времена римских императоров Тиберия или Домициана, и на основе доносов преследовали или обирали знатнейших магнатов. При дворе Леона доносы были в особой чести, и, возможно, Альфонс как леонский король по происхождению поощрял их и в Кастилии; во всяком случае, и тогда и позже Сид был прекрасной мишенью для «злых местурерос», как именует их «Песнь».

Теперь монарх прислушивался к уверениям завистливых придворных, потому что сам был не чужд этого порока — «затронутый завистью сердца (*tactus zelo cordis*)», как говорит «Песнь о Кампеадоре». Альфонс не посылал Сиды военные походы, не желая, чтобы победу приписывали Рую Диасу, как ее приписывали ему еврейские и латинские хронисты во времена короля Санчо; он терпеть не мог инициатив своего вассала, направленных против мавров Гранады или Толедо, и, *несправедливо* разгневавшись, как уверяет «История Родриго», изгнал его.

Дружина изгнанника

В соответствии с германским правом вассальная связь могла быть разорвана по инициативе любой из сторон: вассал был вправе уйти от сеньора, прекратив ему служить; король, со своей стороны, мог лишиться вассала своей любви или милости, прогнать его из своего королевства, причем тот терял все должности и владения, полученные короля.

Такой каре, как изгнание, обычно подвергали инфансонов и рикос омбрес. Как правило, оно не сопровождалось конфискацией и изгнанник, владея своими вотчинами, по-прежнему оставался подданным короля, изгнавшего его, — разрывались лишь особые вассальные узы. Но статус изгнанника влек за собой и другие серьезные осложнения в его жизни: ведь изгнанник в свою очередь имел вассалов, которых обязан был поддерживать и для которых узы личной вассальной связи были прочнее уз, соединяющих их с королем в качестве обычных подданных. Таким образом, эти вассалы тоже должны были утратить родину вместе с сеньором, служить ему в изгнании, как гласило «Старое фуэро Кастилии» (XIII в.), и даже «добывать ему хлеб» или «добывать ему сеньора, который бы благоволил ему», и во всем помогать изгнанному сеньору, пока король не примет его обратно ко двору.

²¹ От испанского слова тегс/й, устар. *теМига*, буквально означающего «смесь» или «смешивание». — *Примеч. пер.*

Мы уже видели, что у Сиды было достаточно вассалов, чтобы совершить масштабный набег, навлекший на него гнев короля; это была его *дружина* (*mesnada*), то есть люди его дома.

В первую очередь дружина состояла из «воспитанников» (*criados*), то есть людей, которых сеньор растил, посвящал в рыцари, женил, получал в наследство и которые были обязаны ему более тесным обетом верности, чем все остальные вассалы. Так, в дружине Бивара мы видим Муньоса Густияса, выросшего при дворе Сиды и женатого на сестре доньи Химены, а также «многих других, кого вскормил Кампеадор», как говорит старинная поэма.

Кроме того, дружину составляли родичи, которые со времен германцев составляли костяк военных отрядов. В дружине Сиды нам известны четыре его племянника; два упомянуты в письме о приданом для доньи Химены, а именно Альвар Альварес и знаменитый Альвар Аньес, который, когда Сид отправлялся в изгнание, уже занимал видное положение при дворе короля и вот-вот собирался начать самостоятельную военную карьеру; кроме этих двоих, старинная поэма в качестве племянников упоминает Фелеса Муньоса и заику Педро Бермудеса, альфереса (знаменосца) героя в походах периода изгнания.

Дружина в таком составе равно являлась и частным советом сеньора, на котором могли обсуждаться семейные и военные дела. Согласно «Песни», Сид всегда выносил планы вылазок и сражений на обсуждение своих людей: «Слушайте, дружинники...»; «Скажите мне, рыцари, как вам угодно поступить».

Кроме дружины, сеньору служили друзья и посторонние рыцари, целовавшие ему руку в поисках покровительства и жалованья. К Сиду примкнуло много таких: теперь — чтобы следовать за ним в изгнание, а после — чтобы сопровождать его в походах.

Когда изгнанный Сид должен был покинуть дом и «добывать хлеб» в чужих землях (согласно выражению из «Старого фуэро», которое использовал и хуглар, первым воспевший Сиды), все его дружинники, его вассалы оставили родину, чтобы помочь ему жить за пределами Кастилии; все они выполнили вассальный долг.

Прощание с Кастилией в изложении хугларов

Старинный певец Сиды, обращавший больше внимания на конкретные ситуации в жизни героя, чем автор «Истории Родриго», описывает нам беду, которую изгнание навлекло на семью Кампеадора.

Сид выезжает из Бивара со своими людьми, оставляя свои дворцы пустыми и заброшенными; двери открыты, без замков; на перекладинах — ни одежд, ни соколов. Прибыв в Бургос, он видит новые признаки королевского гнева: дон Альфонс запретил, чтобы кто-либо давал изгнанному Сиду приют или продавал пищу — крайняя суровость, которую в последующие века смягчили, сочтя ее излишним монаршим произволом; тому, кто приютит биварца или поможет ему, королевские указы грозили конфискацией имущества и ослеплением — так карали тех, кто пренебрегал приказами короля.

Дон Родриго, видя, что никто не рискует открыть ему дверь, вынужден разбить лагерь на каменистом берегу реки Арлансон, словно находится в безлюдном месте. Только добрый бургосский рыцарь Мартин Антолинес, «копейщик ловкий», снабжает Сиды и его рыцарей хлебом и вином: он хорошо знает, что навлечет на себя гнев короля, но с радостью покидает дом и вотчины в Бургосе, чтобы следовать за Кампеадором в изгнание; он же добывается от нескольких городских евреев, чтобы те ссудили изгнаннику определенную сумму денег — ведь тот вовсе не нажил за счет дани севильского эмира, как утверждали обвинители-«местурерос», он был беден и не имел средств на содержание дружины.

Собравшись уезжать, Сид свернул свой шатер. С берега Арлансона он смотрит вверх на раскинувшийся город, увенчанный замком, на романтический собор святой Ма-

рии, который поднимается над деревенскими домами и выделяется среди них, словно торжественно прощаясь с изгнанником. Повернул Кампеадор коня к отдаленному храму, поднял правую руку, перекрестил лицо: «Я покидаю Кастилию, ибо на меня прогневался король; не знаю, вернусь ли когда-нибудь сюда. Если ты, Святая Дева, поможешь мне в изгнании, я принесу на твой алтарь богатые дары и закажу в твою честь мессы».

Ночью Сид и его рыцари поспешили в направлении обители Сан-Педро-де-Карденья, где укрылась с детьми донья Химена, чтобы жить там в печали, на которую ее обрекало изгнание. Когда путники подъехали к воротам монастыря, уже пробивались первые лучи солнца и петухи торопливо вторили друг другу песней; в церкви при мерцающем свете восковых свечей монахи служили заутреню, и донья Химена с пятью дуэньями-компаньонками молилась за удачу Кампеадора. Аббат и монахи со свечами вышли к воротам; вышла и Химена с детьми Диего, Кристиной и Марией, которых взяли с собой их няньки-дуэньи: старшему было шесть лет, а младшую еще носили на руках. Донья Химена упала на колени перед Сидом и поцеловала ему руки: «Спасибо, Кампеадор; ты родился в добрый час; из-за злых лжецов ты изгнанником покидаешь королевство. Ясно вижу, настал час: нам при жизни, словно по смерти, придется расстаться». Мой Сид обнимает ее, берет детей и прижимает к сердцу; рыцарь, обреченный гневом короля на бедность, высказывает главное желание: «Дай Бог, чтобы я мог своими руками выдать замуж дочерей и чтобы для всех вас пришли счастливые дни».

Колокола Карденьи разнесли погребальный звон, и глашатаи объявили по всей Кастилии, что Кампеадор покидает страну, что ему нужны люди и пусть те, кто пожелает примкнуть к нему, собираются у моста через реку Арлансон. Одни пренебрегли пожалованиями и оставили земли, полученные от короля, другие покинули собственный дом и вотчины, рискуя обречь их на конфискацию, и поспешили к указанному мосту, где скопилось до ста пятнадцати рыцарей; все они направились в Карденью и поцеловали Сиду руку, став его вассалами.

Девятидневный срок, данный королем Сиду на то, чтобы покинуть королевство, уже истекал. Кампеадор прощается с женой и детьми, и расставаться с ними ему так больно, словно ему с пальца срывают ноготь. Изгнанник и его вассалы отъезжают; он едет последним, поминутно оглядываясь, и Альвар Аньес его ободряет: «Сид, где ваше мужество? Мать родила вас в добрый час! Едем же своим путем, чтобы и все эти страдания обернулись радостью. Господь, давший нам души, непременно окажет нам помощь».

В пути к ним присоединяются и другие. Согласно «Песни», Сид покинул Кастилию, проехав той же землей Гормас, которая упомянута в «Истории Родриго»; он пересек хребет Мьедес и у его подножия, в виду мавританской крепости Атьенса, сделал смотр своим рыцарям и насчитал их триста копий, все с флажками.

Сид отказывается от своего права вести войну с Альфонсом

Согласно старинному поэту, Сид с этим небольшим отрядом устраивает набег на толедские земли, граничащие с Гормасом, — на долину Энареса до Гвадалахары и Алькала. Но далее он уходит отсюда, потому что здешние мавры живут в мире с Кастилией, а войны со своим королем он не хочет:

Король — мой сеньор: с ним грех враждовать.
(*Стих 538*)

Этот стих полностью достоверен с исторической точки зрения. Традиционное фуэро (приведенное в «Старом фуэро Кастилии» и в «Партидах») давало идальго, безвинно изгнанному из страны, право сражаться с королем, грабить его землю или земли его подданных, а вассалам, которых изгнанник воспитал и вооружил, предписывало помогать ему в войне с королем. Это была своего рода компенсация за произвол короля,

который мог безо всякого суда изгнать любого, кто возбудил его гнев. Но исторический Сид, в полном соответствии с процитированным стихом из «Песни», в течение своего долгого изгнания ни разу не пожелал воевать с Альфонсом.

Старинный поэт утверждает, что Сид, удалившись из земель мавров — союзников Кастилии, вступил в мавританский Сарагосский эмират. Брат Хиль из Саморы рассказывает об этих первых тягостных днях изгнания, что в это время Кампеадор проезжал по враждебным поселениям трех королевств — Сарагосы, Арагона и Кастилии. Однажды утром он приказал сворачивать палатки, чтобы снять лагерь; пока его люди выполняли приказ, он, случайно услышав из чьего-то разговора, что жена его повара этой ночью родила, спросил: «Сколько дней кастильские сеньоры обычно лежат в постели после родов, прежде чем смогут встать?» Когда ему ответили, он продолжил: «Значит, еще столько дней здесь простоят наши палатки». И, как учтивый и решительный сеньор, приказал вновь установить свернутые было палатки, невзирая на угрозу нападения врагов, пока добрая женщина не восстановила силы в полном комфорте, по-барски. Так приветил герой этого бедного ребенка, рожденного на вражеской земле. О короле Хайме Завоевателе рассказывают, что он запретил снимать свой шатер, пока ласточки, свившие в нем гнездо, не поставят на крыло своих птенчиков. Смелое выражение солидарности с простыми людьми, проявленное рыцарем-изгнанником, созвучно с утонченной чувствительностью удачливого короля. Конечно, этот анекдот о Сиде поздний — нам известна его запись только от XIII в., — но следует отметить, что он хорошо соответствует привычке Кампеадора, засвидетельствованной в «Истории Родриго», разбивать лагерь в самых опасных местах; значит, анекдот в какой-то мере может соответствовать реальности и отражать особые воззрения героя, за которые ему были так беззаветно преданы люди, решившие последовать за ним в изгнание.

2. СИД И САРАГОССКИЕ БЕНИ-ХУДЫ

Кампеадор в Барселоне

Чтобы «заработать на хлеб», любой изгнанный испанский рыцарь обычно селился на земле мавров. Тем не менее Сид направился в Барселону, где правили два брата-графа — Раймунд II, прозванный Голова-из-Пакли за густую светлую шевелюру, и Беренгер II, прозванный «Братоубийцей» за то, что немногим более чем через год после того, как Сид появился у них при дворе, он убьет своего брата. История нам не сообщает, что делал Кампеадор при дворе обоих братьев, но об этом нетрудно догадаться.

Войны, в которых возмужал Сид, — битва при Граусе, взятие Сарагосы и, возможно, поход Фернандо I на Валенсию — приучили его к давнишним притязаниям Кастилии на протекторат над восточным мусульманским регионом; теперь же Кастилия отказалась от этих намерений. Альфонс, направив свою активность в другую сторону, усиленно добивался дани от Севильи, воевал с Бадахосом и Толедо, вмешивался в дела Гранады; поэтому Сид не хотел направляться ни в какую из этих областей, коль скоро от права войны с изгнавшим его королем он отказался, и единственно возможное прибежище увидел в Леванте²², честолюбиво решив в одиночку продолжать прежнюю кастильскую политику в отношении Сарагосы. Сарагосе грозили амбиции и владык Наварро-Арагонского королевства, и графов Каталонской марки; если Сид тогда принял во внимание, что с начала века самыми активными эксплуататорами таифских государств были барселонцы и кастильцы, он как кастилец мог объединиться с барселонцами ради эксплуатации эмирата Муктадира I ибн Худа.

Но, направляясь в Барселону, Кампеадор проявил излишнюю доверчивость и, возможно, возомнил о себе слишком много. Слух о его подвигах (бой с наваррским

²² Так назывались в Испании земли средиземноморского побережья. — *Примеч. ред.*

рыцарем, осады Сарагосы и Саморы, сражения при Гольпехере и Льянтаде, сражение при Кабре) еще не распространился широко, за пределы Кастилии. Должно быть, барселонские магнаты сочли кастильского изгнанника пустым хвастуном.

Из двух графов Барселонских в проведении военных операций на границе был больше заинтересован Беренгер. В 1078 г. его брат Раймунд уступил ему дань, которую отцу обоих платил эмир Лериды; теперь Лерида вошла в состав Сарагосского эмирата. Нуждался ли Беренгер в кастильском изгнаннике для осуществления своих планов относительно этих земель?

Сид далеко не нашел у Беренгера приема, которого ожидал, а наткнулся на нестерпимое пренебрежение. «История Родриго» не приводит никаких подробностей переговоров, которые изгнанник вел при барселонском дворе, но ранний хуглар (правда по другому поводу) заставляет графа Барселонского обронить такую фразу:

Обиды мой Сид чинит мне давно.
Оскорбил он меня — свидетель весь двор! —
Племянника ранил, а пеню не внес.
(*Стихи 961-963*)

Должно быть, племянник Беренгера какой-то мальчишеской дерзостью разгневал Кампеадора, и тот, поссорившись с графским двором, удалился. Хуглар демонстрирует весьма хорошую осведомленность, поскольку не только знает о кратком визите Сиды в Барселону, но и добавляет к этому примечательное и совершенно особое историческое обстоятельство: при графе был племянник, а не сын, который больше бы подошел для вольного поэтического вымысла. Этот племянник, достаточно сведущий в делах мавров, чтобы бесцеремонно вмешаться в переговоры, которые вел Сид, нам знаком по грамотам, а прежде всего по рассказам арабских историков, упоминающих племянника Беренгера, который в 1078 г. был заложником у Мута-мида Севильского в качестве гаранта его соглашения с барселонцами относительно захвата Мурсии. Это хорошее подтверждение в дополнение к прочим известным нам, что рассказы самых ранних хугларов достоверны.

Поскольку Сид не мог рассчитывать на добрый прием у других христианских князей, он вынужден был договариваться с маврами и вступил в контакт с эмиром Сарагосы. Надменный маркграф Беренгер не знал, что, отвергая помощь изгнанника, он толкает его в стан своих противников и это обойдется ему очень дорого.

При дворе Бени-Худов

Жизнь среди мавров была уделом любого изгнанника: даже свергнутые короли, Гарсия Галисийский и Альфонс Леонский, вынуждены были служить таифским эмирам Севильи или Толедо. Игнорируя это, «сидофобы» совершают большую глупость, порицая Сиду как врага родины за то, что, наткнувшись на отказ в Барселоне, он поступил на службу к мавританским эмирам.

Кампеадор со своими рыцарями направился ко двору Бени-Худов, в Сарагосу, город с крепкими стенами, который он атаковал четырнадцать лет назад.

Здесь с 1046 г. царствовал Муктадир ибн Худ, блестящий эмир, по преномену которого — Абу Джафар — мы и поныне называем прекрасный дворец, построенный им в окрестностях Сарагосы, Альхаферией; он жил там в окружении мусульманских и иудейских мудрецов и сам писал ученые труды по философии, астрономии и математике.

Как и большинство таифских эмиров, Муктадир не мог править, не опираясь на христианских солдат или армию какого-то христианского князя. Сначала он платил дань Фернандо I и Санчо Сильному, потом, в 1069 г., пошел под защиту короля Наварры, а когда в 1076 г. того убили в Пеньялене, он принял у себя в Сарагосе убийцу, инфанта Рамона, и объявил себя свободным от всякой дани. Но он ясно понимал, что его эмирату

на Эбро неминуемо будут грозить амбиции многих христиан: на него издавна имели виды графы Марки, на него притязал король Арагона и Наварры Санчо Рамирес как преемник короля, убитого в Пеньялене, да и Альфонс Леонский рано или поздно должен был вспомнить о дани, которую ранее получали его отец и брат. Таким образом, Муктадиру следовало принять меры предосторожности, и он, чем опираться на кого-либо из прежних суверенов, предпочел помощь бургосского изгнанника и поэтому принял его чрезвычайно радушно — он слишком хорошо знал Сиду еще с тех пор, как тот в качестве альфереса короля Санчо II Сильного напал на Сарагосу и вынудил ее платить дань.

Но вскорости после приезда Кампеадора, в октябре 1081 г., Муктадир умер, разделив свое государство, до того объединенное благодаря его коварству²³, между двумя сыновьями: старшему сыну, Мутамину, он оставил Сарагосу, а младшему, аль-Хаджибу Мундзиру, отдал Лериду, Тортосу и Дению.

Семя братоубийственных раздоров, зароненное дедом, который произвел похожий раздел, теперь дало ростки — внуки начали между собой войну при поддержке христиан, заинтересованных в разжигании раздора.

Почему Сиды возвысили в Сарагосе

Мутамин чрезвычайно возвысил Родриго: он препоручил кастильцу все дела управления и советовался с ним по любому вопросу, так что тот, как выразился автор латинской «Истории», стал «протектором» Сарагосского эмирата («охранял и защищал царство (regnum) его»). Будучи философом, как и отец, Мутамин относился к мусульманской ортодоксии достаточно вольно и не испытывал ни малейших угрызений совести, отдавая свой эмират под власть Кампеадора.

Отголосок политических представлений, царивших при этом мавританском дворе, можно найти в теории Туртуши — ученого, жившего в Сарагосе в тот самый период, когда здесь возвысился Родриго. В своей работе «Сирадж аль-мулук»²⁴ (представляющей собой трактат «О управлении государя (de regimine Principum)» этот автор утверждает, что силу государства во все времена составляли только военные отряды, получавшие ежемесячное жалованье. Такой мыслитель, как Ибн Хальдун, счел необходимым отвергнуть подобную теорию как пригодную лишь для династий, переживающих упадок и объяснил образ мыслей Туртуши так: в то время, когда тот проживал в Сарагосе, Бени-Худы уже не могли опереться ни на одну реальную общественную силу, так как арабский народ к тому времени давно утратил национальный дух. Согласно Ибн Хальдуну, лишь национальный дух делает царствование великим и только он обеспечивает победу войскам. А Бени-Худы и Туртуши считали, что, напротив, победу приносит лишь присутствие в войске нескольких витязей, знаменитых своей храбростью, шести-восьми храбрецов, известных всем; армия, в которой на одного такого героя больше, непременно добьется успеха.

Вот почему Мутамин так высоко ценил Кампеадора. К тому же он просто шел по стопам предшественников. Воинов из Наварры или Кастилии, которых использовал его отец, он заменил изгнанниками; однако во главе последних стоял исключительный человек — из числа тех, кто, по мнению Бени-Худов, определяет судьбы государств.

Коалиция против Сиды

Сарагоса под руководством Сиды явно сделалась опасной, и, чтобы противостоять ей, аль-Хаджиб, правитель Тортосы и Лериды, стал искать поддержки у традиционных

²³ Отец аль-Муктадира, Абу Айюб Сулейман ибн Мухаммед аль-Мустаин I (ум. 1046), разделил свои владения между пятью сыновьями; аль-Муктадир вновь объединил эти земли под своей властью. — *Примеч. ред.*

²⁴ Светоч государей (*арабск.*).

покровителей этих земель — у графа Барселонского и у Санчо Рамиреса, короля Наварры и Арагона. А оба христианина завидовали положению Кампеадора и искали способа его подорвать.

Услышав, что Родриго намерен выйти из Сарагосы и двинуться на Монсон, король Санчо Рамирес с угрозой поклялся, что изгнанник никогда не дерзнет таким образом пересечь границы Лериды. Но Сид, узнав о клятве арагонского короля, лишь подтвердил свою решимость. Он выступил из Сарагосы со всем своим войском и разбил свои палатки в Перальта-де-Алькофея (на расстоянии короткого перехода до Монсона), на виду у всего войска аль-Хаджиба и Санчо Рамиреса. На другой день он направился к Монсону и по соглашению с защитниками замка занял его, а присутствовавший при этом король Санчо не посмел сделать и шага, чтобы помешать ему.

Сид, уверенный в своих силах, двинулся дальше к востоку и занял Тамарите, где еще раз получил возможность проверить свое гениальное воинское искусство, столь важное в те опасные времена. Когда он как-то раз выехал из Тамарите всего с дюжиной рыцарей, на него внезапно напало сто пятьдесят рыцарей арагонского короля, однако он всех обратил в бегство, взяв в плен семерых вместе с конями. Своих врагов он поразил не только отвагой, но и великодушием: когда пленники взмолились о милосердии, он не только отпустил их без выкупа, но и отдал им коней.

Углубившись на территорию противника, Мутамин и Родриго отстроили и снабдили припасами старинную крепость Альменар, расположенную не более чем в двадцати километрах от Лериды. Увидев, как близка опасность, аль-Хаджиб в спешке стал готовиться к войне и сколотил широкую коалицию. Он вступил в союз не только с Беренге-ром Барселонским, но и с Гильомом — графом Сердани, с братом графа Урхельского, с правителями и магнатами Бе-салу, Руссильона, Ампурдана и даже Каркассона, в то время принадлежавшего графам Барселонским. Таким образом, на помощь аль-Хаджибу поспешили графы или правители из всех каталонских графств, кроме Пальярса, и даже из Франции. Эмир Лериды со своими союзниками подступил к крепости Альменар и так плотно блокировал ее, что защитникам стало недоставать воды.

Сид, продолжая завоевание Лериды, в то время находился в Эскарпе — завоеванном им поселении и замке у места слияния рек Сегре и Синки. Прослышав здесь, что силы гарнизона Альменара на исходе, он послал несколько гонцов в Сарагосу с просьбой о помощи, и эмир Мутамин поспешил в Тамарите, где соединился с Кампеадором.

Пленение графа Беренгера Барселонского

В замке Тамарите был созван совет. Мутамин убеждал Родриго атаковать осаждающих, но Сид предпочитал более сдержанное поведение: «Тебе лучше было бы заплатить брату выкуп и не воевать за этот замок, чем давать бой, потому что он привел с собой огромные войска». И когда Мутамин, как всегда, согласился, Родриго послал гонца к графам и аль-Хаджибу, предлагая получить деньги за уход от замка. Но союзники отклонили это предложение, уверенные, что отобьют Альменар.

Получив от союзников отрицательный ответ, Кампеадор велел своим рыцарям готовиться к бою. Поэма «Песнь о Кампеадоре», созданная через недолгое время после этих событий, описывает вооружение Сиды: прежде всего он надел кольчугу непревзойденного качества, поверх нее опоясался мечом с золотой насечкой, выкованным рукой большого мастера, взял ясеневое копьё с прочным наконечником, укрепил на голове блестящий шлем, плакированный серебром и украшенный золотистой диадемой из электрума; взял в левую руку щит, весь покрытый золотым узором, с изображением дракона в угрожающей позе; потом сел на своего коня, которого один сарацин привез из Африки — этого коня он не отдал бы и за тысячу солидов, потому что мчался тот быстрее

ветра, а прыгал лучше оленя. При таком оружии и коне он выглядел не хуже, чем Парис или Гектор во время Троянской войны:

Когда он так вооружился и сел на своего коня,
Даже Парис иль Гектор
Не могли бы сравниться с ним.

Со своими воинами Сид вышел из Тамарите и двигался, пока не показалось осаждающее войско. Обе армии выстроились к бою и с громким боевым кличем ринулись друг на друга. Но и в крупном сражении Кампеадор был столь же непобедимым, как в одиночных боях, так что вскоре аль-Хаджиб и каталонские графы пустились в бегство, оставив в лагере все богатства; за ними бросились в погоню, и большая часть беглецов погибла. Сам Беренгер со многими своими воинами попал в плен.

Кампеадор привел всех в замок Тамарите и передал Мутамину, но через пять дней освободил и позволил вернуться в свои земли.

Возвышение Сида в Сарагосе

Родриго вернулся в Сарагосу вместе с Мутамином, и его торжественный въезд в город стал наглядным свидетельством народного почитания победителя.

Со своей стороны Мутамин вознес Родриго выше всех знатных мусульман своей земли и даже выше наследного принца, так что изгнанник уже выглядел завоевателем эмирата. Кроме того, Мутамин его щедро осыпал драгоценными подарками и бесчисленными золотыми и серебряными изделиями — под защитой прочных кольчуг и больших щитов дружинников Сида он чувствовал себя очень уверенно; невероятная победа над прославленными барселонскими войсками означала, что одержавший ее — полководец исключительных качеств, оправдывающих любые чрезмерное почести, оказываемые ему Мутамином.

Кастильский изгнанник со своей дружиной осуществлял над эмиратом Бени-Худов настоящий «протекторат», о котором издревле мечтали короли Наварры и Кастилии и графы Барселоны. О том, что Сид не забывал об интересах Кастилии в чужих землях, а не просто был наемником (как иные утверждают сегодня), свидетельствует авантюра императора Альфонса в замке Руэда. Она продемонстрировала, как внимательно изгнанник всегда относился к интересам императора.

3. НЕУДАВШЕЕСЯ ПРИМИРЕНИЕ

Предательство в Руэде

Руэда была владением эмиров Сарагосы в тридцати пяти километрах от столицы, в орошаемой долине реки Халон. Здесь на отвесном холме и поныне возвышаются руины замка, защищенного высокими обрывами и двойным рядом стен, спускающихся до самой поймы. Поскольку эта крепость была хорошо защищенной, Бени-Худы не раз использовали ее как убежище, когда в городе они не чувствовали себя в безопасности. Уже несколько лет в этом замке томился бывший эмир Лериды Музаффар, дядя Мутамина, ставший, как мы уже говорили, жертвой таких же амбиций брата, какие привели бывшего короля Гарсию к заточению в замке Луна.

Вскоре после смерти Муктадира каид Руэды Абульфалак, сговорившись со своим царственным узником, восстал против племянника последнего, эмира Мутамина, и стал настоятельно просить императора Альфонса прийти на помощь восставшим. Император счел это удачным поводом для возобновления вмешательства Кастилии в сарагосские дела, которое он было прекратил и которое собственными силами осуществлял Сид, и

поспешил отправить в Руэду многочисленное войско, куда входило много сановников королевства, под командованием двух полководцев родом из кастильских земель на Эбро, граничащих с Сарагосским эмиратом: одним из них был инфант Рамиро Наваррский, двоюродный брат Альфонса и сеньор Ка-лаорры со времен царствования своего брата Санчо Гарсии Пеньяленского, вторым — знакомый нам Гонсало Сальвадорес, граф Буреды и Старой Кастилии, за свою прославленную храбрость получивший прозвище «Четыре Руки».

Подготовка похода завершилась летом 1082 г. Пятого сентября того же года граф Гонсало Сальвадорес приехал в обитель Онья, чтобы попрощаться с этим монастырем, который он особо чтит, и оставить по обычаю того времени свое завещание *in procinctu*²⁵: «Готовясь к смерти, я, граф Гонсало, получивший от своего государя повеление идти на войну с маврами, передаю Богу и монастырю Онья, где покоятся мои предки, дабы память обо мне сохранилась здесь на века, поселения Андино, Вильядевео, Паласуэло... и то, чем владею в Эрмосилье и Бусто... Все это я передаю независимо от того, вернусь с войны живым или нет. Если умру среди мавров, да примет мою душу Христос, а тело пусть привезут в Онью и похоронят с моими праотцами, пожертвовав на алтарь шестьсот метикалей²⁶, трех из моих лучших коней и двух мулиц и мой гардероб с двумя бриальями²⁷ из сиглатона²⁸, тремя пурпурными мантиями и двумя серебряными сосудами. Если же я умру там и мои вассалы не перевезут меня сюда, да будет всякий из них опозорен как предатель, убивший своего сеньора, ибо я сделал их богачами и магнатами».

Кастильские воины спустились по долине Эбро и, прибыв в Руэду, договорились с Музаффаром отправить гонца к самому императору, чтобы просить его лично явиться сюда; тот согласился и прибыл в замок со своим войском, но пробыл здесь всего несколько дней.

Таким образом, восстание против Мутамина получило поддержку, когда бывший эмир Музаффар неожиданно скончался. Когда представитель царствующего дома, наличие которого оправдывало бы мятеж, умер, каид Абуль-фалак понял, что его дело обречено на неудачу, и несомненно уже думал лишь о том, как вернуть милость Мутамина. Ради этого он решил нанести коварный удар, который бы получил широкий резонанс. Заявив инфанту Рамиро, что, коль скоро Музаффар умер, он желает передать замок Руэда императору, Абуль-фалак сам отправился с визитом к монарху, чтобы просить его лично принять крепость во владение. Альфонс дал себя убедить и явился со своим войском под стены Руэды. Но он не направился в замок первым — впереди пошли несколько его рикос омбрес, и когда они переступили порог, на них изнутри напали мавры и обрушили целый град камней сверху. Это произошло 6 января 1083 г. Тогда погибли инфант Рамиро, граф Гонсало Сальвадорес и многие другие магнаты. Но главная цель, ради которой каид Абуль-фалак пошел на предательство, достигнута не была — император в ловушку не попал.

Сид рядом с Альфонсом

Исполненный скорби, Альфонс вернулся к себе в лагерь, не имея возможности отомстить.

Тем временем Родриго, находившийся в Туделе, услышав весть о столь прискорбном событии, поспешил со своими рыцарями к императору. Это был удобный случай вернуться из изгнания: если изгнанник приходит с войском на помощь королю и тот принимает его службу, король должен отменить ссылку и вернуть изгнаннику свое

²⁵ Перед сражением, букв. препоясавшись (к бою) (*лат.*).

²⁶ Старинная испанская золотая или серебряная монета, весом около 4,5 г. — *Примеч. ред.*

²⁷ Бриаль (*brial*) — камзол, длинная верхняя одежда; возможно, аналог французского бльо. — *Примеч. ред.*

²⁸ Сиглатон (*ciglaton, ciclaton*) — вид шелковой ткани, обычно шитой золотом. — *Примеч. ред.*

расположение. И Альфонс на самом деле, оправдав надежды Кампеадора, принял его с большим почетом и велел возвращаться вместе с ним в Кастилию.

Рядом со своим королем Сид начал долгожданный путь на родину, отказавшись от завидного положения, которое имел при дворе Мутамина. Но едва у императора прошел всплеск эмоций, вызванный катастрофой и приездом изгнанника, Альфонс вновь вернулся к прежним завистливым козням и уже подумывал, как бы снова отделаться от Кампеадора. Тот, ясно поняв, в каком сложном положении оказался, вынужден был отказаться от мысли вернуться в Кастилию и расстался с монархом.

И императорское войско, больше напоминавшее похоронную процессию, на его глазах удалилось. Ведь кастильцы выкупили у мавров тела предательски убитых рыцарей. Из завещания Гонсало Сальвадореса мы знаем, что возвращение останков сеньора на родину было священной обязанностью всякого вассала; поэтому «верные» каждого из магнатов, погибших в Руэде, положили тело своего сеньора в гроб, который прикрепили на вьючного осла, чтобы похоронить в монастыре, который сеньор предпочитал при жизни: граф Гонсало Сальвадорес был согласно его последней воле отведен в Онью, и вместе с ним погребли других его родственников и друзей, павших в тот злополучный день. Инфант Рамиро был похоронен в церкви Санта-Мария-де-Нахера, которую выстроил его отец, король Гарсия Наваррский; он оставил малолетнего сына, который годы спустя женится на одной из дочерей Кампеадора.

4. СИД ВОЗВРАЩАЕТСЯ В САРАГОСУ

Нападение на Морелью

Сид вернулся в Сарагосу, и Мутамин поспешил снова принять его. Упомянем попутно, что Химена не сопровождала мужа, потому что 13 августа 1083 г. находилась в Овьедо и вместе с братом, графом Астурийским, проиграла дело, которое оба возбудили против епископа Овьед-ского и приговор по которому был вынесен в присутствии короля Альфонса.

Теперь надо рассказать, как Кампеадор действовал в Леванте. Сначала он выступил из Сарагосы вместе с Мутамином, и оба устроили налет на земли арагонского короля, где грабили, похищали добро и захватывали людей, а через пять дней вернулись в замок Монсон, причем король Санчо Рамирес не посмел дать им отпор. Но северной границы Сарагосы Сид в основном не пересекал, так что король Арагона смог в феврале и апреле 1083 г. отбить Агуэро и Граус, а в апреле-мае 1084 г. — Аргедас и Сека-стилью. Положение протектора указывало Кампеадору, что естественная сфера для приложения его сил — земля Лериды, где царствует аль-Хаджиб, брат и враг Мутамина.

Родриго провел немало грабительских рейдов и налетов на эмират аль-Хаджиба, особенно зверствуя в том районе, который он мог считать наиболее защищенным, — в горах Морельи, территории высокогорной и на редкость непроходимой, путь по которой был очень трудным из-за обилия скалистых мест и оврагов, густо заросших сосновыми лесами, падубом и кустами можжевельника. Здесь не осталось дома, который бы Сид не разрушил, стада и имущества, которых бы он не захватил.

Нападению подверглась сама крепость Морелья. Автор «Истории Родриго», не вдаваясь в подробности, отмечает, что Сид поднялся до ворот замка и нанес ему немалый урон, несомненно изображая это как смелую демонстрацию воинственности. Мало каким местам название «естественное укрепление» подходит больше, нежели Морелья: природа сотворила ее неприступной, словно выполняя жизненно важную задачу. Правда, жить на такой земле тяжело: крестьянам окрестностей Морельи приходится с трудом обрабатывать каждый участок, представляющий собой террасу, опорой для которой служат толстые стены, называемые «мархес» (*marges*). Живущие выше горожане вынуждены постоянно взбираться по длинным улицам, идущим ступенями, а посреди

этого высокогорного поселения и по сей день возвышается доминирующий над городом и окрестностями чудовищный утес с изрезанными склонами, на котором воинственные римляне и арабы возвели три замка, то есть три замкнутых укрепления, одно в другом и над другим, подобно тройной короне стен, вздымающейся к небесам. Эту-то крепость отважно и атаковал Сид; вспомним, каких трудов стоило взять ее в первую карлистскую войну²⁹ даже с современной артиллерией.

Мутамин, стараясь активизировать войну с братом, с помощью гонцов и писем умолял Сиду отстроить против Морельи замок Олокау, разрушенную крепость лигах в трех к западу от вражеского замка. Сид немедленно возвел его заново и снабдил людьми, оружием и провизией.

Придя в отчаяние от этой новой угрозы, аль-Хаджиб поехал к Санчо Рамиресу, чтобы сообщить об опасности со стороны Сиды, и оба монарха возобновили прежнюю дружбу, еще раз заключив союз с целью защититься от Родриго, проучить и прогнать его, разбив в решительном сражении.

Оба монарха соединили свои войска и поставили палатки на берегах Эбро, недалеко от лагеря Кампеадора.

Надо полагать, они разбили лагерь ближе к Тортосе, тогда как захватчик Сид стоял на землях Морельи, километрах в пятидесяти-шестидесяти от них.

Поражение короля Арагона

Санчо Рамирес направил к Кампеадору гонцов, требуя незамедлительно покинуть земли аль-Хаджиба. Родриго наотрез отказался и с насмешливой учтивостью добавил: «Если мой государь король Арагона желает с миром пройти по той земле, на которой стою я, то я всей душой готов послужить ему, и, более того, если он пожелает, я дам ему сотню рыцарей, которые проводят его, когда он отправится своей дорогой».

Возмущенный таким ответом, Санчо Рамирес вместе с аль-Хаджибом крайне спешно снялся с места и придвинулся почти к самому лагерю Родриго. Тот поклялся, что появление противников не заставит его сворачивать палатки, то есть решил принять сражение; и долго ждать ему не пришлось — на следующий день, 14 августа 1084 г., оба монарха выстроили свои войска к бою и напали на него. Битва продлилась немало часов, но в конечном счете Санчо и аль-Хаджиб бросились в бегство, и Сид несколько миль преследовал их, взяв более двух тысяч пленных, среди которых оказались и знатнейшие сеньоры двора.

Кампеадор завладел шатрами и всеми богатствами врагов; тем не менее он освободил всех пленников, кроме шестнадцати самых знатных, с которыми он победоносно направился в Сарагосу, более не видя необходимости оставаться в Морелье.

Среди этих шестнадцати видных пленных, которых Сид вез с собой, были епископ Роды Раймундо Далмасио, приближенный Санчо Рамиреса, известный ловкими придворными интригами, в том числе против самого епископа Хаки — брата короля; Иньиго Санчес, сеньор Монклоуса, один из самых знатных арагонцев; Бласко Гарсес, майордом монарха, и четыре рыцаря, так же изгнанные из королевства Альфонса VI, как и Сид: граф Нуньо Португальский, Анайя Суарес из Галисии, Нуньо Суарес из Леона и Гарсия Диас из Кастилии.

Услышав, что приближается Сид с таким количеством пленников и богатств, Мутамин, его дети и видные придворные в сопровождении множества жителей Сарагосы,

²⁹ Речь идет о длительном конфликте между двумя ветвями испанских Бурбонов, оспаривавших друг у друга корону Испании. Начало борьбе было положено после смерти в 1833 г. короля Фердинанда III, не оставившего наследника мужского рода. На трон претендовали дочь Фердинанда Изабелла и его брат Карлос (его сторонников называли карлистами). После долгой гражданской войны испанский престол остался за Изабеллой и ее потомками. В первую карлистскую войну (1833—1840) Морелья была одним из оплотов карлистов, и войска Изабеллы дважды, в 1838 и в 1840 гг., долго осаждали ее. — *Примеч. ред.*

мужчин и женщин, вышли встречать победителя к городу Фуэнтес, находящемуся в четырех лигах от столицы, и приветствовали героя с великим ликованием. Столь необыкновенная торжественность имела политический смысл, который уже объяснил нам Туртуши: тем самым Мутамин отдавал должное воину, чьих усилий было вполне достаточно, чтобы, одержав победу, спасти все государство; это же оправдывало и колоссальные расходы, которые эмир делал, чтобы удержать христианского героя при себе. Подвиг Сида получил известность не только при дворе Бени-Худов: Ибн Бассам упоминает победу Кампеадора над арагонским королем как одну из крупнейших побед, в которых изгнанник с небольшим числом рыцарей разбивал большие вражеские армии.

Каким образом получили свободу шестнадцать арагонских пленников, нам неизвестно. Первая часть «Истории Родриго» на этом резко обрывается, и в ней ничего не сообщается о последующих четырех годах (1084—1089), кроме того, что Сид жил в Сарагосе до самой смерти Мутамина в 1085 г.; некоторое время он еще пробыл там при сыне и наследнике последнего, Мустаине II, принимая оказываемые ему «необыкновенный почет и преклонение». Другие источники тоже ничего не говорят о жизни изгнанника в 1085-1086 гг. Причиной такого бездействия Сида определенно была необычайно активная политика императора Альфонса.

5. ИМПЕРАТОР ЗАТМЕВАЕТ СИДА

Унижение Севильи

Со временем Альфонс стал все более и более энергично вмешиваться во внутренние дела разных мусульманских государств. В 1082 г. посольство, которое император ежегодно направлял в Севилью для сбора дани с Мутами-да Севильского, закончилось самым резким разрывом отношений. Еврей Ибн Шалиб³⁰, которому было поручено забрать деньги, обнаружил золото, не имеющее пробы, и дерзко пригрозил эмиру, что в качестве гарантии правильности выплаты потребует городов; Мутамид, разъярившись, арестовал рыцарей Альфонса и велел посадить дерзкого еврея на кол — он чувствовал себя слишком могущественным, чтобы быть данником.

Императору пришлось выкупить своих посланников, отдав Мутамиду важный замок Альмодовар. Но он сразу же в отместку собрал большое войско из галисийцев, кастильцев и басков, отправил один отряд опустошать земли Бежи и Ньеблы, пока сам разорял Севильскую возвышенность. Потом они соединились и три дня штурмовали столицу. Рассказывают, что Альфонс встал лагерем в Триа-не, на берегу Гвадалквивира, возвышающимся над дворцом Мутамида, и направил оттуда султану оскорбительное письмо, требуя уступить дворец, а то в лагере ему слишком досаждают жара и мухи; на обратной стороне письма Мутамид ответил, что не преминет поискать вполне тенистое место, защищенное кожами бегемотов, под которым кастильский король сможет отдохнуть в полдень. Намекая тем самым на кожу, которой были обиты щиты альморавидов, Мутамид показал, что уже задумал призвать на помощь африканцев.

Продолжая опустошать земли к югу от города, император разграбил все пределы Сидонии и дошел до мыса Тарифа, где въехал на коне в морские волны: «Здесь, — сказал он, — крайний предел Андалусии, и он уже у меня под ногами». Имперские амбиции Альфонса уже почти увенчались успехом; ему и в голову не пришло, что на той стороне пролива, в Танжере, его уже подстерегает другой могущественный император.

Нападение на Сарагосу

³⁰ Амрам бен Исаак ибн Шалиб был личным врачом Альфонса VI и его тайным секретарем, выполнявшим важные дипломатические миссии. — *Примеч. ред.*

Альфонс не довольствовался победой над Севильей: он каждый год атаковал Толедо и добился там успехов, о которых мы скажем позже. Не забывал он и о Сарагосе. Он полагал, что, завоевав ее, он как император всей Испании пресечет экспансию Наварро-Арагонского королевства, и Сид, разумеется, никогда бы не вступил в борьбу с прежним сувереном.

В начале 1085 г. император привел свое войско к Сарагосе и разбил под ней лагерь, поклявшись, что не снимет шатров, не взяв города; мол, помешать этому предприятию может только смерть. Арагонский король Санчо Рамирес согласовывал свои действия с императорской армией.

Бездействие Сида

Нападение Альфонса на Сарагосу поставили биварско-го изгнанника в очень сложное положение. Если бы теперь Сид предложил императору свои услуги, как он это сделал в Руэде, он бы наткнулся на отказ — из изгнания его пока не возвратили. А поскольку он не хотел воевать со своим королем («король — мой сеньор; с ним грех враждовать», по словам поэта), он, по-видимому, бездействовал — возможно, находясь в Туделе, где мы обнаруживаем его во время второго вторжения Альфонса в Руэду. Дружина, сопровождавшая его в изгнание, скорее всего, сильно сократилась из-за бездействия: возможно, многие рыцари отправились вместе с Альфонсом — так, из тех, кого героическая поэзия упоминает как вассалов Сида, его племянники Альвар Аньес и Перо Бермудес в начале 1085 г. находились при дворе кастильского короля.

Мы предполагаем вслед за старинным поэтом, чей рассказ так точно вписывается в данные Истории, что после нескольких побед на леридской земле (в том множестве войн, за умолчание о которых просит прощения латинский историк) Кампеадор из положенной ему пятой части добычи по обычаю изгнанников, описанном в «Старом фуэро Кастилии», выделил сто лошадей, «крупных и быстрых», и послал их королю Альфонсу — всех с хорошими седлами и уздечками, всех с мечом, подвешенным к луке. Функции гонца, по словам поэта, были доверены Альвару Аньесу, которого сопровождал отряд рыцарей. Кроме того, Сид послал золото и серебро для Бургосского собора и для доньи Химены. Прибыв в Кастилию, Альвар Аньес сообщил королю об успехах биварского изгнанника и попросил для него милости; просил он напрасно — дон Альфонс сказал, что время для примирения еще не настало, даже если он забудет свой гнев. «Но раз это взято у мавров, я беру этот дар моего Сида, и мне также нравится, что он получает такие доходы. Кроме того, вас, Альвар Аньес, отныне я прощаю и возвращаю вам пожалования и земли, которые вы держали от меня; вы вольны возвращаться в Кастилию или ехать к Сиду»:

Даю беспрепятственный въезд и выезд,
Лишь речь со мной не ведите о Сиде.
(*Стихи 888-889*)

Видимо, Альвар Аньес, привезя Сиду весть об этой встрече, вернулся в Кастилию, хотя поэт считает, что он всегда следовал за Кампеадором и был его правой рукой. Исторический Альвар Аньес в 1085 г. немало послужил королю Альфонсу, сначала поехав послом в Севилью, а потом выполнив в Валенсии другую, более важную миссию, которую мы скоро рассмотрим.

С уединенностью и праздностью Сида в тот период контрастировала активность Альфонса, достигшая своего апогея. Осаждая Сарагосу и тем самым вторгшись в единственную сферу деятельности Сида и парализовав всякую инициативу последнего, король в то же время добился в Толедо одного из самых решительных успехов Реконквисты.

Завоевание Толедо

После шести лет борьбы Толедо 25 мая 1085 г. сдался Альфонсу. Христиане наконец заняли рубеж по реке Тахо, окончательно оставив позади существовавшую много веков границу по реке Дуэро. В политическом отношении королевский город готов ассоциировался с Испанией, объединенной под одним скипетром; овладев этим старинным городом, Альфонс подтвердил свой императорский сан, который давало ему владение Леоном. Титул короля Толедо уже сам по себе затмевал прежние титулы короля Леона, Кастилии и Нахеры; «в царствование короля Альфонса в Толедо (*regnante rege Adefonso in Toletu*)» — уже этого было достаточно, но лучше «толедский император (*imperator tiletanus*)».

Среди мусульман взятие великого города вызвало величайшее замешательство. Казалось, аль-Андалус окончательно потерян для ислама — кто сможет противостоять императору? Единственным выходом казалось бегство, и поэт Ибн аль-Гассаль писал: «Отправимся в путь, о андалусцы! Ибо оставаться здесь было бы безумием». С другой стороны, успех императора произвел сильное впечатление и на христиан. Санчо Рамирес Арагонский, в прежних своих грамотах обычно не приводивший имени Альфонса, теперь начал чаще упоминать его и ставить перед своим именем как лицо, стоявшее выше на иерархической лестнице: «В царствование императора Альфонса в Толедо и в Леоне; в царствование милостью Божьей короля Санчо Рамиреса в Памплоне и Арагоне».

Альвар Аньес — властитель Валенсии

Аль-Кадиру Альфонс обещал в обмен на Толедо отдать Валенсию, а чтобы валенсийцы его приняли, отправил с ним в качестве охраны Альвара Аньеса, уже прославленного полководца, племянника Сиды. Для содержания христианского войска аль-Кадир был вынужден ввести новые налоги, сделавшие его непопулярным; чувствуя себя неуверенно и желая удержать Альвара Аньеса при себе, он поселил того в своем эмирате, наделив обширными имениями.

Таким образом Альвар Аньес и король Кастилии стали фактическими властителями города, и только они могли, хоть и с трудом, гарантировать аль-Кадиру личную безопасность — это стало следствием его произвола.

Валенсия и кастильский империализм

Альфонс стал единственным хозяином в Валенсии, пойдя тем же путем, что и для завоевания Толедо.

Исторически Валенсия как бы дополняла Толедо: оба города со времен Константина до времен халифата входили в Картагенскую провинцию, и с вестготской эпохи центром этой провинции был Толедо. А значит, поскольку территориальные притязания христианских государств в первые века Реконкисты часто диктовались административным делением полуострова в римско-готский период, было естественно, что, коль скоро Кастилия претендовала на первую роль в Картагенском регионе, то и Фернандо I, пытавшийся захватить Толедо, и Альфонс VI, завоевавший его, нападали и на левантийский город. Так что кастильское доминирование в Валенсии, которое теперь обеспечивал Альвар Аньес, а позже будет поддерживать Сид, объясняется исторической ситуацией, сложившейся в вестготскую эпоху. Но понятно, что даже в XI веке на границы римско-готских времен, как на любое историческое обоснование, уже не ссылались, когда были другие, современные резоны. Ведь, с другой стороны, кастильцы, претендовавшие в то время на весь Картагенский регион, со времен Фернана Гонсалеса выглядели захватчиками, так как вторглись в пределы Таррагоны, считавшиеся историческими и природными рубежами королевств Наварры и Арагона. Альфонс VI потому и осаждал Сарагосу упорнее, чем когда-либо, что притязания арагонского короля, сославшегося как

на вестготские титулы, так и на естественный характер границ своего государства, входили в противоречие с притязаниями императора всей Испании.

Сарагоса на грани капитуляции

Осаждая город на реке Эбро, император вел себя враждебно по отношению как к Наварро-Арагонскому королевству, так и к Кампеадору. Эмир Мустаин даже предложил Альфонсу большую сумму денег, чтобы тот снял осаду, но осаждающий не взял их, уверенно заявив: «И золото, которое ты мне предлагаешь, и город — все это мое».

Упорно добиваясь своих целей, Альфонс ужесточил блокаду и, чтобы облегчить противнику сдачу, велел своим рыцарям не чинить зла маврам, живущим в деревнях, обещая им, что всегда будет считаться с мусульманскими законами и обычаями и никогда не станет поступать, как таифские эмиры, собиравшие с подданных больше налогов, чем допускали Коран и сунна, — он, мол, будет взимать только дозволенную подать; поэтому многие сарагосские мавры склонялись на его сторону.

Имперская политика Альфонса

Весной 1085 г. кастильцы начали войну с Гранадским эмиратом и провели сражение при Ниваре, в лиге от столицы Гранады. Еще одна армия Альфонса под командованием Гарсии Хименеса обосновалась в замке Аледо, выше Лорки, и постоянно устраивала оттуда набеги на район Мурсии (принадлежащий Мутамиду Севильскому) и на эмират Альмерию. Налетчики из Аледо внушали невероятный ужас: когда они в количестве восьмидесяти человек дерзнули появиться в виду Альмерии, эмир этого города послал против них четыреста лучших всадников, но эти отборные альмерийские воины, увидев христиан, бросились в бегство, не приняв боя.

В результате этой широкой военной активности, а также взятия Толедо покорность изъявили все. Эмиры и вожди всего аль-Андалуса отправляли к императору посольства, обязуясь платить дань и соглашаясь принять правителя, или наместника, назначаемого Альфонсом для обеспечения покорности и выплаты подати.

Летом-осенью 1085 г. этого унижительного подчинения потребовали и от Мутамида. С этой целью Альфонс избрал того, кого вскоре назначит в Валенсию в качестве наместника, — Альвара Аньеса и направил его в Севилью, снабдив такой изящной верительной грамотой: «От императора обеих религий, превосходительного короля Альфонса ибн Санчо, к Мутамиду Билаху». В этом письме он, порекомендовав севильскому эмиру задуматься о печальной судьбе Толедо и побояться войны, далее писал: «В качестве посла мы посылаем к тебе графа Альвара Аньеса; он достаточно благоразумен, чтобы управлять твоими землями, и может быть рядом с тобой моим наместником, наиболее подходящим в нынешних обстоятельствах». Мута-мид был крупнейшим эмиром всего аль-Андалуса и то проявлял непокорность, то соглашался платить дань. Теперь он снова ощутил в себе мятежный дух и в написанном собственноручно письме, чередуя стихи и прозу, отверг притязания тирана Альфонса ибн Санчо; титул «император обеих религий» он счел претенциозным, более подходящим для какого-нибудь властителя в обширном мусульманском мире, и бросил христианину в лицо упрек, что тот, несправедливо потребовав принять своего наместника, сам разорвал старинный союз, соединявший их обоих.

Альфонс, настаивая на своих новых требованиях, пригрозил захватить Кордову. Столица распавшегося халифата была его новым объектом воцелений; когда какой-нибудь мусульманин, желая польстить императору, восхвалял его завоевания, христианин обычно говорил ему: «Я не могу чувствовать себя удовлетворенным, пока не возьму вашу великую Кордову и не освобожу колокола собора Сант-Яго, который служат там светильниками в мечети».

Не подлежало сомнению, что военной силе императора подчинить Кордову будет намного проще, чем Толедо. Сарагоса вот-вот должна была пасть, в Валенсии уже сидел наместник Альвар Аньес, и все князья аль-Андалуса, кроме севильского монарха, подчинялись наместникам Альфонса. Имперский блеск Леона воздействовал и на христианских государей: король Арагона и графы Марки ощущали вмешательство императора во внутренние дела своих государств и смирились с тем, что области Реконкисты, которые они избрали в Леванте для себя, сокращаются. Альфонс вполне мог называть себя в посланиях на арабском языке «императором обеих религий», а в посланиях на латыни — «императором всей Испании».

Таким образом, ни у мавров, ни у христиан не осталось земли, где мог бы встать лагерь Сид со своей дружиной.

Представляется очевидным, что, если бы все так пошло и дальше, бургосского изгнанника окончательно бы затмила слава его непреклонного суверена, коль скоро он считал, что со своим сеньором «грех враждовать», и он, смирившись с безвестностью, закончил бы свои дни в каком-нибудь уголке Испании, где бы пожелали его принять. Но уже близилась коренная перемена в жизни аль-Андалуса: скоро мощь Альфонса разобьется вдребезги, столкнувшись с новой, неожиданной силой, и тогда-то Сид покажет свои исключительные способности, остановив натиск, разрушавший возведенное леонским королем великолепное здание империи.

Глава III ВТОРЖЕНИЕ АЛЬМОРАВИДОВ

1. ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСЛАМА

Сельджуки на Востоке

В это время, в XI веке, возникли две обширные мусульманские империи — одна на азиатском Востоке, другая на африканском Западе: их быстро создали соответственно тюркские кочевники киргизской степи и берберские кочевники Сахары.

Тюрки-сельджуки, вторгшись на обжитые мусульманские территории, основали империю, которая вновь насадила ортодоксальный ислам на месте скрытого шиизма³¹ в Персии и распространила эту религию на новые территории, отнятые у Византийской империи. Сельджуки вторглись в Армению; здесь, в битве при Манцикерте, в 1071 г. решительное поражение понес византийский император Роман Диоген, попав в плен к тюркам, и отныне не только Армения, но и большая часть Малой Азии были утрачены для христианства.

Тогда же, когда зарождалась сельджукская империя, на противоположном конце исламского мира возникала империя альморавидов — другое проявление реакции. Не прошло и пятнадцати лет, как вслед за великим императором Византии свой главный разгром потерпел и малый император из Леона. Так ислам вновь обрел агрессивное превосходство своих лучших времен.

Альморавиды на Западе

В 1039 г. факих³² Абдаллах ибн Ясин из племени джазула в Магрибе начал возвращать в ислам невежественные кочевые племена Сахары, проповедуя им Коран,

³¹ Шиизм — одно из двух основных направлений в исламе — шииты — последователи зятя Мухаммада Али (халиф 656—661 гг.) и его потомков — 12 имамов (алидов). Приверженцы шиизма считают, что тайный смысл послания, заключенный в Коране, может понять и правильно истолковать только алид. — *Примеч. ред.*

³² Факих — мусульманский аскет, знаток права. — *Примеч. ред.*

внушая страх перед адом, призывая к омовениям, раздаче милостыни, плате десятины и выполнению других религиозных обязанностей. Его первые приверженцы называли себя *альморавидами* (*альморабитун*), потому что были связаны особым обетом, обязывающим их вести священную войну в *рабиде* (*рабита*, пограничный замок), которую факих воздвиг на одном из островов реки Нигер для борьбы с суданскими идолопоклонниками.

Абдаллах побудил своих учеников начать священную войну против тех, кто не желает слышать слово проповеди, и в 1042 г. чистый ислам подчинил себе всю безмерную Сахару, где господствовал союз племен санхаджа, — территорию, имеющую в продольном направлении протяженность в шесть месяцев пути и в поперечном — в четыре, по данным «Эль-Картас». Среди семидесяти братских племен союза санхаджа, пасших своих верблюдов по всей пустыне, религиозным рвением выделялись ламтуны, поэтому факих предпочел именно их и выбрал из их числа двух первых эмиров, которые довершили завоевание Сахары и захватили добрую часть Судана протяженностью в три месяца пути. Ламтунский эмир командовал альморавидами на войне, но подлинным сувереном был факих Абдаллах, потому что он руководил эмиром и опускал ему на обнаженную спину вразумляющую плеть, когда считал нужным наказать его за какое-то упущение.

Первые альморавиды³³ еще выбирали религию вовсе не ради выгод и преимуществ, которые она может дать; принимая ее, они соглашались отречься от всего, что она осуждала. На завоеванных землях они старались истребить всякое нечестие: вводили законы, допускавшие брак лишь с четырьмя свободными женщинами, сжигали винные лавки, ломали музыкальные инструменты как источник падения нравов и, наконец, упорно добивались отмены всех налогов, не дозволенных Кораном и сунной, позволяя собирать с мусульман только десятину и милостыню, с неверных — специальную подать, а также забирать пятую часть добычи, захваченной в священной войне.

В 1055 г. эти сахарские кочевники начали завоевание городов Магриба, куда их призвали благочестивые факихи ради восстановления позиций религии. Чуть позже, в 1061 г., альморавидский эмир Абу Бекр ибн Омар, пресытившись городской роскошью, которую предлагал Магриб, и тоскуя по пустынной жизни, вернулся в Сахару, чтобы закончить там свои дни в священной войне с Суданом. Прежде чем уехать, он назначил правителем новой территории двоюродного брата, известного вождя ламтунов Юсуфа ибн Ташфина. Именно Юсуф с тех пор и руководил альморавидами в их переходе к оседлой жизни и в их героических деяниях, начиная с основания города Марракеш и с завоевания Феса.

Юсуфа призывают в Испанию

Альморавиды приближались к Испании, а впереди них летела их громкая военная слава, и Мутамид Севильский, для которого были столь невыносимы амбиции Альфонса, решил искать спасения в этих людях.

Еще в 1075 г. он направил Юсуфу послание, умоляя начать священную войну в Андалусии; но Юсуф, умевший действовать расчетливо, ответил: «Я не смогу прийти, пока не овладею Танжером и Сеутой». В 1077 г. Юсуф завоевал Танжер, овладел Эр-Рифом до Мелильи, в 1081—1082 гг. захватил Оран и Тунис, и Мутамид, когда его в 1082 г. осадил Альфонс, как мы уже говорили, еще раз написал Юсуфу, прося, чтобы тот спас испанских мавров из униженного положения; но Юсуф непреклонно ответил: «Я приду, если Бог даст мне Сеуту». Наконец в августе 1084 г. Сеута попала под его власть.

И когда в следующем году Альфонс после взятия Толедо еще раз пригрозил завоевать Кордову, когда он окружал андалусские города и преисполнился решимости вступить в Сарагосу, Мутамид вспомнил слова Юсуфа и вернулся к мысли пригласить его

³³ Альморавиды переводится как религиозные люди. — *Примеч. ред.*

в Испанию. Мутаваккиль Бадахосский, узнав о потере Толедо, тоже написал альморавидскому эмиру красноречивое послание, прося о помощи, коль скоро малодушный трус (аль-Кадир) предал в руки языческого тирана прекраснейшую крепость Испании. Однако на деле решение призвать Юсуфа далось таифским эмирам очень нелегко. На взгляд берберо-альморавида, обитатели андалусских дворцов бесстыдно предали забвению религиозный ригоризм, дух там развращали музыка, вино и всевозможные праздничные развлечения, в академиях мусульман совращала с пути ученая эрудиция, толкая на опасные дороги познания, огромные расходы эмирских канцелярий требовали недопустимых налогов, приводящих народ в уныние. И наоборот, андалусец видел в берберах отвратительных варваров и ощущал больше духовного родства с христианами Севера, нежели с ними. Кроме того, завоеватель из Африки, увидев военную слабость андалусцев, неизбежно должен был превратиться из союзника в господина. Из-за всего этого старший сын Мутамида предпочел бы искать решение в пределах Испании и советовал отцу примириться с Альфонсом. Но Мутаид, в душе которого испанец вел отчаянную борьбу с мусульманином, ответил: «Я не хочу, чтобы меня обвинили, что я отдал аль-Андалус христианам и превратил его в дом неверных; я не хочу, чтобы на мою голову посылали проклятия с минбаров всех мечетей мусульманского мира; и уж если надо делать решительный выбор, то мне будет не столь тяжело пасти альморавидских верблюдов, нежели стеречь свиней у христиан». К таким рассуждениям Мутаид, человек благородного образа мыслей, пришел не вдруг, но под влиянием духовенства: в Кордове — городе, которому сильнее всех грозил Альфонс, — во множестве собрались факихи и приняли решение призвать альморавидов, видя в этом единственное спасение. То есть здесь дело шло к тому же, что случилось тридцать лет назад в Магрибе: там тоже собрались факихи, благочестивые и ученые мужи из Сиджилмасы³⁴ и Дра, написали послание предводителю альморавидов, умоляя пойти войной на зенатского эмира, правившего у них в то время, и тем самым спровоцировали завоевание страны альморавидами. Во избежание этого Мутаид счел более разумным предвосхитить инициативу факихов, и после того, как он поделился своими соображениями с двумя самыми видными из соседей, Мутаваккилем Бадахосским и Абдаллахом Гранадским, все трое отправили к Юсуфу послов с приглашением пересечь пролив. Однако перед этим он должен был дать торжественную клятву не отбирать у андалусских монархов их государств.

Юсуф, выполняя давнее обещание, отправил в Альхесирас огромное войско, предварительно присвоив этот порт. Вслед за войском отплыл и он сам со множеством альморавидских кайдов, со множеством факихов и святош, которые были душой этой священной войны, главными и самыми почитаемыми советниками Юсуфа. Поднявшись на борт корабля, эмир обратился к Всевышнему: «О Боже! Если это путешествие пойдет на пользу исламу, сделай, чтобы оно было для меня нетрудным, а если нет, ниспошли непогоду на море, которая бы заставила меня вернуться». Ветер выдался попутным, и в Альхесирасе Юсуф ступил на испанскую землю.

Тот, кто таким образом прибыл спасать андалусский ислам, был семидесятилетним стариком, худощавым, очень смуглым, со сросшимися бровями, редкой бородой и высоким голосом. Он родился в Сахаре задолго до обращения племени ламтунов в ислам, и его душу все еще сжигал прежний пыл неопита; он презирал мирские удовольствия, был суров, скромн, набожен. Питался он только ячменным хлебом, верблюжьим молоком и мясом, носил лишь шерстяные одежды, и в покрывале, которым он по обычаю пустынных племен прикрывал лицо, факихи видели символ скромности, за которой кроется великое благородство и великая доблесть.

Альфонс отступает от Сарагосы

³⁴ Город в Западной Сахаре, основанный в середине VIII в. - *Примеч. ред.*

Вести о высадке альморавидов с толедской границы были спешно доставлены королю Альфонсу, в то время осаждавшему Сарагосу. Полагая, что в осажденном городе еще не знают о случившемся, император послал передать Мустаину, что примет выкуп в том объеме, какой тот предлагал ранее, и уведет войско; но Мустаин, тоже только что узнавший потрясающую новость, ответил, что не даст и жалкого дирхема. Альфонсу пришлось второпях снимать осаду, которую он вел так упорно. Чтобы дать отпор захватчикам, он обратился за помощью к Санчо Рамиресу Арагонскому, в то время проходившему через район Тортосы; он позвал на помощь также князей из-за Пиренеев и отправил приказ Альвару Аньесу — покинуть Валенсию и выступить в поход. Но даже в столь серьезный момент он не пожелал обращаться к Кампеадору.

Сражение при Саграхасе

Когда Юсуф направился к Севилье, ему навстречу вышли Мутамид и два брата, эмиры Гранады и Малаги; эмир Альмерии прислал своего сына с эскадрой всадников, извинившись, что не может прибыть лично из-за того, что его землям постоянно угрожают христиане из замка Але-до. Потом все двинулись в Бадахос, чтобы соединиться с Мутавакилем.

Со своей стороны Альфонс также собрал большое войско: ему прислал подкрепления Санчо Рамирес Арагонский, к нему присоединилось много рыцарей из Италии и Франции, и он немедленно, чтобы перенести боевые действия на вражескую территорию, выступил навстречу мусульманам, лагерь которых обнаружил близ Саграхаса, менее чем в трех лигах от Бадахоса.

Мутамид и андалусцы находились в авангарде и были отделены холмом от войска Юсуфа, стоявшего у них в тылу. Христиане поставили свои палатки милях в трех от врага, оставив между собой и противником приток Гвадианы, который теперь называется Герреро. Те и другие пили воду из одной и той же реки, и так прошло три дня, в течение которых между обоими лагерями сновали гонцы, согласуй дату сражения. Мутамид обратился к астрологии: его лагерь ожидала злосчастная судьба, а лагерь Юсуфа — самая счастливая.

Столкновение состоялось раньше назначенного времени — оно произошло 23 октября, в пятницу, в праздничный для мусульман день.

Едва занялся день и Мутамид совершил последний поклон утренней молитвы, как галопом прискакали дозорные, сообщив, что «подобно туче саранчи» надвигаются христиане. Это был авангард Альфонса под командованием Альвара Аньеса, включавший союзные арагонские части. Как всегда, андалусские мавры не смогли дать отпор и быстро рассеялись. Устояли только севильцы: Мутамид с отважным воодушевлением бился весь день, хотя был шесть раз ранен; остальные таифские эмиры уже бежали к Бадахосу, с ожесточением преследуемые рыцарями Альвара Аньеса, не получая помощи. Юсуф, узнав о поражении андалусцев, холодно сказал: «Пусть их еще немного потреплют; они и христиане — все это враги» и стал спокойно ждать, чтобы христиане-преследователи подошли ближе к его лагерю.

Новая военная тактика

Пока таким образом дрались передовые отряды обеих армий, главные силы христиан под командованием Альфонса атаковали альморавидов и тоже прорвали фронт африканцев. Тогда на помощь им и андалусцам Мутамида Юсуф выслал своего выдающегося полководца, ламтуна Сира ибн Абу Бекра во главе магрибинских племен. Сам Юсуф с ламтунами и другими берберскими племенами Сахары напал на христиан с тыла, обрушившись на лагерь Альфонса, сея смерть и пожар. Тем временем Альфонс в

свою очередь победоносно достиг шатров Юсуфа и уже форсировал окружавший их глубокий ров, но, узнав здесь о вторжении в собственный лагерь, прислушался к совету своих полководцев (среди которых, вероятно, был альферес Родриго Ордоньес со своим братом, графом Нахеры) и решил прекратить атаку, чтобы спасти тыловые укрепления. Повернув коней, он встретил лишенные командиров толпы христиан, бегущие перед Юсуфом, который под барабанный бой и с развернутыми знаменами наступал с главными силами альморавидов. Столкновение обоих монархов было ужасным, но Альфонс, понеся громадные потери, сумел добраться до собственного лагеря и организовать сопротивление. Оглушительная дробь больших альморавидских барабанов — инструментов, никогда не слышанных в испанских войсках, — сотрясала землю и отдавалась эхом в горах; Юсуф верхом на кобыле объезжал боевые порядки мавров, призывая к мужественному терпению, какого требует священная война, и воодушевляя их напоминанием, что умершие попадут в рай, а алчность выживших насытит богатая добыча.

Уже этот грохот барабанов, впервые поразивший христиан, я полагаю, свидетельствует о применении новой тактики с использованием плотных масс, действующих сообща, регулярно и непрерывно, и притом дисциплинированно и четко выполняя команды; тому свидетельство и знамена, которые вместе с барабанами использовали альморавидские войска, и применение отрядов тюркских лучников, сражавшихся в правильных параллельных линиях. Христианские рыцари, привычные в основном к одиночным боям, где все решает личная храбрость, растерялись; хоть вооружение их было лучше, а военное искусство выше, они уступили плотным массам противника, не сумев противостоять его сплоченности и численному превосходству.

Поняв, что бой принимает дурной оборот, не выдержал и авангард христиан. Альвар Аньес начал отводить своих рыцарей назад, и Мутамид, уже потерявший надежду на спасение, был этим очень изумлен, подумав, что они отступают перед ним. Но в это время подошло подкрепление, посланное Юсуфом, — Сир Абу Бекр во главе зенатов, гомеров, месмудов и других магрибских племен, и поражение Альвара Аньеса стало настолько очевидным, что даже бежавшие андалусские мавры воспрянули духом и вернулись из Бадахоса, чтобы снова вступить в битву.

Все мусульмане, соединившись, с новой силой бросились в бой, и когда начало темнеть, Альфонс уже с трудом держал оборону. В качестве свежих сил была брошена в бой чернокожая гвардия Юсуфа, насчитывавшая четыре тысячи воинов, вооруженных тонкими индийскими мечами и щитами из кожи бегемота, и она почти прорвалась к тому месту, где находился леонский король. Альфонс с мечом в руке бросился на одного негра, но тот, уйдя от удара и пригнувшись перед конем, падавшим на него сверху, ухватил лошадь за поводья и мощным ударом кинжала пробил королю кольчугу, пригвоздив ему ляжку к седлу. Христиане больше не могли сопротивляться; в сумерках их выбили из лагеря, и король со своими виднейшими вельможами укрылся на ближайшем холме, откуда он видел пламя, пожиравшее его палатки, и победителей, расхватывающих имущество, провизию и оружие.

Под покровом темноты император сумел скрыться с этого холма; вместе с ним спаслось не более пятисот рыцарей, и почти все были ранены, как и он. Измученный жаждой, истекая кровью, Альфонс имел возможность пить только вино, потому что беглецам все не попадалась вода, чтобы они могли запастись ею, и потому впал в опасное забытие. Во время этого бегства альморавиды догнали и убили многих рыцарей, и лишь через двадцать лиг пути Альфонс нашел убежище в первой попавшейся христианской крепости, Корин, которую он отвоевал девять лет назад.

Последствия битвы

В ночь после победы Юсуф приказал обезглавить трупы христиан, лежащие на полях Саграхаса, и на громадные кучи отрубленных голов, превращенные в отталкивающие амвоны, взошли муэдзины, чтобы провозгласить для солдат-победителей, приходящих в иступление от этого зверского попирания человеческих останков, утреннюю молитву — «во имя Аллаха, милостивого, милосердного». Потом множество повозок, нагруженных тысячами этих запыленных голов, отправилось в Сарагосу, Валенсию, Севилью, Кордову, Мурсию в знак того, что все могут вздохнуть свободно и больше не бояться Альфонса и Альвара Аньеса; корабли, тоже груженные головами, взяли курс на Африку, чтобы развезти их по городам Магриба как весть о великой победе. Уже почти век, с первых дней Альмансора, испанские мусульмане не видели таких амвонов из голов христиан и таких катящихся по дорогам телег, нагруженных кровавыми трофеями. Военная мощь новых захватчиков Европы вновь оживила священную войну; их успех и кровожадность были достойны самых блистательных дней халифата Омейядов.

Кроме того, победа при Саграхасе восстановила разорванную связь между исламом по ту и эту сторону Гибралтарского пролива. Когда на поле битвы Мутамид, покрытый ранами и со сломанной рукой, подошел к Юсуфу, чтобы поздравить с великой победой, — он и другие андалусские эмиры, сражавшиеся в тот день, числом тринадцать, приветствовали африканца как *Эмира аль-муслимин*, то есть государя всех мусульман, и Юсуф принял этот громкий титул, велел канцелярии впредь вносить его в свои документы. Благодетельные мусульмане в Испании и в Африке подавали милостыню и освобождали рабов в благодарность Аллаху за такой явный знак милости к своему народу. Испанский ислам, столь просвещенный, но лишенный связующей силы, наконец обрел ее в религиозном рвении, которое на андалусской земле возродили африканцы.

Триумф Юсуфа, однако, был омрачен уже на поле битвы, потому что там он получил сообщение о смерти сына, наследного принца, которого оставил больным в Сеуте. Это несчастье заставило его немедленно возвратиться в Марокко. Такова единственная причина его возвращения, которую приводят арабские авторы; но нет сомнения, что у победоносного войска должно было остаться очень мало сил, чтобы оно даже не попыталось как-то развить необыкновенный успех, например, взять или хотя бы осадить Толедо.

Тем не менее довольно было и сделанного. Уходя, Юсуф оставил под начало Мутамиду корпус в три тысячи альморавидских всадников, и ни тот, ни прочие андалусские монархи больше не боялись Альфонса и не платили ему дань. Союз с Эмиром аль-муслимин заключил даже аль-Кадир Валенсийский, о чем мы расскажем позже.

2. ПРИМИРЕНИЕ СИДА С АЛЬФОНСОМ

Альфонс вызывает о помощи к христианскому миру

Теперь Альфонс мог признать, что допустил в своей политике тяжелейшую ошибку. Он до крайности ожесточил таифских эмиров и не принял мер предосторожности — не захватил пролив, лишив их тем самым связи с Африкой. Как только Юсуф стал хозяином Альхесираса, этого испанского Кале³⁵, пролив сразу же сделался открытой дверью, позволившей объединить действия Африки и Андалусии. Против «императора обеих религий» грозно поднялся «эмир всех мусульман».

Альфонс боялся, что поражение при Саграхасе повлечет за собой очень тяжелые последствия. До этого наемники, на которых при ведении войны опирались андалусские эмиры, не могли противостоять испанцам Севера, которые вели национальную войну; теперь уже последние оказывались слабее в священной войне, которую возобновили

³⁵ Кале — город на северо-западе Франции. В XIV вв. был захвачен англичанами, которые сделали из него перевалочный пункт для войск, перебрасываемых из Англии во Францию во время Столетней войны. — *Примеч. ред.*

альморавиды. И в противовес африкано-андалусско-му исламскому союзу Альфонс решил создать союз христианский. Он послал несколько гонцов за Пиренеи, прося о помощи и угрожая при этом, что, если не получит поддержки, будет вынужден вступить в соглашение с сарацинами, пропуская их во Францию. Столь настойчивый призыв был услышан; многие французские сеньоры приступили к подготовке большого похода, свою помощь предложили горожане и крестьяне, но эти приготовления продлились много месяцев, а когда весной 1087 г. в Испанию вступило французское войско, оно только осадило Туделу и, убедившись в тщетности своих усилий, вернулось за Пиренеи.

Возвращение Сиды в Кастилию

Наконец Альфонс вспомнил и о сарагосском изгнаннике. Кампеадор, безропотно отошедший в тень при виде успехов короля, слишком много раз выказывал необыкновенное умение с блеском выйти из самых опасных ситуаций, чтобы нельзя было предположить: если бы в столкновении при Саграхасе христианами командовал он, Юсуф не восстановил бы позиций ислама в аль-Андалусе. Должно быть, Альфонс чувствовал, что несправедливо обошелся с лучшим рыцарем своей страны, и позвал ли он его (как перед этим сражением призвал Альвара Аньеса) или просто удовлетворил просьбу изгнанника — так или иначе душа короля, которую смягчило огромное несчастье, видимо, гораздо искренней была готова прощать, чем в Руэде, когда несчастье было не столь велико.

Вероятно, примирение произошло весной 1087 г. Оно состоялось в Толедо, как единодушно утверждают самые ранние историки и поэты.

И если «Песнь» верно указывает место, возможно, она правдива и в отношении других подробностей встречи. Люди Сиды и люди короля, по словам поэта, готовятся к условленной встрече: подбирают в дорогу крупных мулов, быстрых коней, крепят к древкам копий лучшие флажки, берут щиты, украшенные золотом и серебром, самые изысканные шубы, самые роскошные мантии, самые броские восточные седла; малые и великие одеваются в яркие цвета и отправляются в путь. Король отправляет в окрестности Толедо, на берега Тахо, множество съестных припасов. Сид, подъезжая к назначенному месту и различив вдалеке короля, который приехал раньше и теперь двинулся ему навстречу, велит всем своим людям оставаться на месте и лишь вместе с пятнадцатью лучшими рыцарями спешивается, чтобы приблизиться к дону Альфонсу. Подойдя к императору, он встает на колени и склоняется в глубоком поклоне перед тем, кто был несправедлив к нему. В соответствии с древнейшим ритуалом изъявления покорности Кампеадор берет в зубы полевую траву; значит, над героем тяготели смутные представления тысячелетней давности — ведь у первобытных индоевропейских народов побежденный признавал свое поражение, взяв губами траву, словно пасущийся скот, а у народов средневековых смертельно раненый брал в рот клочки травы, смиряясь перед божественным могуществом и соединяясь в мистическом союзе с матерью-землей. Тем самым, вновь ступая на землю, принадлежащую его королю, Кампеадор выражает глубокую покорность.

Рожденный в час добрый к земле прижался,
В нее, сырую, впился перстами,
Зубами грызет полевые травы,
От радости плачет слезою жаркой.
Знал Кампеадор, как почтить государя!
(*Стихи 2020-2024*)

Он не хочет подниматься на ноги, хотя король ему приказывает; оставаясь на коленях, он просит, чтобы все слышали слова о помиловании, и король наконец

произносит их: «Здесь я вас прощаю, дарю вам свою любовь и отныне принимаю вас в мое королевство во всех его пределах». — «Я, — говорит Сид, — благодарю за это Бога на небесах, а потом вас, государь, и все эти дружины, что стоят вокруг». Потом, признанный вновь вассалом короля, он целует последнему руку и, поднявшись, целует его в уста. Все видевшие это испытали большую радость, но это очень не понравилось Гарсии Ордоньесу, его шурина Альвару Диасу и другим врагам верного вассала.

Альфонс делает Кампеадору пожалования

Вернувшись к свидетельствам историков, мы узнаем, что император принял Сида в своем королевстве с великими почестями. Он отдал ему замок Дуэньяс вместе с населением округа этого замка, отдал огромный замок Гормас, построенный кордовскими халифами и возвышающийся над рекой Дуэро, и поселение Ланга с окружающими землями на той же реке, а вдобавок — Ибеас-де-Хуаррос и Бривьеску близ Бургоса, а также долины Кампо и Эгунья, тянущиеся к Сантандерским горам.

Дата, когда король сделал это великолепное пожалование, нам неизвестна; мы только знаем, что 21 июля 1087 г. Сид уже находился при его дворе, когда Альфонс пребывал в Бургосе вместе с архиепископом Толедским и многими кастильскими епископами, несомненно по возвращении из военного похода. В марте 1088 г. Сид присутствовал и на чрезвычайном собрании двора, созванном Альфонсом в Толедо, где участвовал кардинал Рикардо — посланник папы.

3. СИД ВОЗВРАЩАЕТ ЛЕВАНТ ПОД ВЛАСТЬ АЛЬФОНСА

Родриго снова в Сарагосе. Положение в Леванте

Больше года Сид провел в тени Альфонса, скованный официальной субординацией, которой оказался подчинен вследствие милости монарха. Новые сведения о его активности относятся только ко второй половине 1088 г. Мы опять обнаруживаем его в Сарагосе; несомненно, император отправил его разузнать о положении дел в Леванте, рассчитывая на его давнее знакомство с тамошними делами.

Западную часть мусульманской Испании Альфонсу и Сиду лучше было пока не трогать. Севилья и Бадахос представляли собой очень обширные и процветающие мавританские государства и теперь имели в распоряжении аль-моравидские отряды, которые Юсуф оставил Мутамиду. Зато восточная часть полуострова была разделена на крошечные княжества — Лериду, Альбаррасин, Альпуэнте, Валенсию, Дению, Мурсию и Альмерию, и альморавидов там не было, поэтому, после того как Юсуф отплыл в Африку, христиане получили возможность устраивать набеги на эти страны. Многие районы Леванта, истерзанные войной такого рода, уже походили на пустыню. Гарсия Хименес, засевший в замке Аледо, был бичом, которым император хлестал эмират Альмерию, Мурсию и Лорку, почти оторвав последнюю от эмирата Мутамида. На Валенсию же Сид собирался теперь воздействовать при помощи Сарагосы.

Аль-Хаджиб Леридский осаждает Валенсию

Когда Альфонс, оказавшись в тяжелом положении после разгрома при Саграхасе, вынужден был прекратить вмешательство в дела Валенсии, аль-Кадир, освободившись от жесткой опеки Альвара Аньеса, счел себя обязанным, как и прочие андалусские князья, заключить соглашение с Эмиром аль-муслимин. Но хоть союз с Юсуфом был и не столь обременителен, как с Альваром Аньесом, зато он и не отличался должной эффективностью, и очень скоро кайды крепостей, на которых аль-Кадир как раз больше

всего рассчитывал, восстали и отказались платить налоги. Предоставленная сама себе, Валенсия вновь втянулась в водоворот чужих амбиций.

Прежде всего на нее зарился аль-Хаджиб, эмир Лериды, Тортосы и Дении. Государство аль-Кадира разбивало его эмират на две части, и естественно, что он хотел присвоить эти земли. В 1088 г. он собрал своих людей, нанял, как два года назад, каталонских наемников и осадил Валенсию, рассчитывая на множество своих сторонников в городе, желавших сдать его.

Аль-Кадир, окруженный столькими опасностями, немедленно отправил послание императору Альфонсу, где сообщал о своих бедах и просил примирения и помощи. Одновременно он послал просьбу о поддержке и эмиру Мустаину Сарагосскому.

Первой на его призыв откликнулась Сарагоса, но ее помощь была очень коварной — тамошний эмир тоже хотел прибрать Валенсию к рукам.

Сид изгоняет эмира Лериды

Мустаин считал, что лучшего случая и быть не может. Сам Сид, находясь в Сарагосе, провозгласил сбор войска для войны с маврами, и идти с ним пожелало очень много народа. После этого Мустаин убедил Сиду идти с ним на помощь Валенсии, взяв собранные войска; он не сообщил Сиду о своем намерении присвоить город и для надежности дал кастильцу сумму денег, какую тот потребовал. Мустаина ничто не смущало, даже тот факт, что его отряды были численностью в восемь раз меньше армии Сиды. Торопясь достичь великой и желанной Валенсии, он отправился в путь так спешно, как только мог.

Дядя Мустаина, аль-Хаджиб Леридский, узнав о приближении своего племянника в сопровождении Сиды, решил их не ждать и удалился со своими каталонцами.

Сид и Мустаин подходят к Валенсии

Аль-Кадир сразу же отправил гонцов к Сиду, в то время находившемуся в пути, чтобы под большим секретом заключить с ним соглашение без ведома эмира Сарагосы, которому он не доверял; да и как можно было рассчитывать на человека, который шел вызволять Валенсию всего с четырьмя сотнями всадников, тогда как Кампеадор вел с собой три тысячи рыцарей? Эмира Валенсии могли защитить лишь кастильские копья, действенность которых была уже известна. Увидевшись с Кампеадором, посланники аль-Кадира преподнесли ему богатые дары и денежные суммы, как было положено при передаче посланий, и сообщили, что аль-Кадир прежде попросил помощи у императора Альфонса, а уже потом у эмира Сарагосы. Так по дороге в Валенсию были тайно заложены основы союза между слабейшим монархом и сильнейшим рыцарем того времени, и с тех пор между ними возникла дружба, которой предстояло стать долгой и историей которой будет богата событиями.

Подойдя к Валенсии, Мустаин открыл Сиду свои подлинные замыслы, прося совета и помощи для завоевания города. Сид ему откровенно ответил: разве вассал короля Альфонса может оказать ему в этом помощь, если Валенсия принадлежала королю Альфонсу, а уж тот передал ее аль-Кадир? Мустаину нечего и думать о Валенсии, прежде чем ее не пожалует ему сам император. Пусть он обратится к дону Альфонсу с такой просьбой, и как только получит согласие — он, Сид, очень быстро овладеет городом; делать же что-либо вопреки интересам своего природного сеньора, короля Кастилии, было бы очень дурным поступком для вассала — ныне Сид не может вести себя по отношению к эмиру Сарагосы точно так же, как в то время, когда он был изгнанником.

Мустаин, поняв, что не может ждать от Сиды немедленной помощи в удовлетворении своих амбиций, вернулся в Сарагосу.

Соглашения Сиды с императором

После этого Кампеадор послал сообщить Альфонсу, насколько расстроены дела в Валенсии, и еще раз повторил, что, он как добрый вассал, что бы ни делал и ни приобретал, все будет на пользу его королю и государю, что тех рыцарей, что находятся при нем в Валенсии, он содержит за счет чужой страны, совершенно не тратя королевских средств, что этих рыцарей король получит в распоряжение в любой момент, как только они понадобятся, что они способны устроить мавров и что он может с ними захватить земли Леванта. Удовлетворенный Альфонс одобрил это послание и позволил этим рыцарям остаться при Сиде. Тут следует отметить, что это королевское дозволение, о котором нам говорит арабский историк, аналогично тому, какое христианский хуглар, столь правдиво отразивший жизнь того времени, вкладывает в уста дону Альфонсу, когда тот говорит о кастильских рыцарях, заверяя, что не отберет у них ни наследственных владений, ни пожалований:

Кто хочет к Сиду идти под начал,
Тех с Богом к нему отпущу хоть сейчас.
(*Стихи 1369-1370*)

Сид, уже в расчете на одобрение со стороны короля, начал исследовать и использовать эту незнакомую ему землю. Он посылал своих рыцарей в набеги направо и налево, а когда к нему приходили мавры с вопросом, зачем он так поступает, он отвечал: чтобы содержать своих людей. Отголоски этого ответа, о котором нам поведал Ибн Алькама, можно найти и в словах старинного поэта.

Кто из Кастильи сюда пришел,
Тот силой у мавров пусть хлеб берет.
(*Стихи 673-674*)

В ходе таких набегов Сид понял, в каком положении находится эта земля, и отправился на встречу с королем Альфонсом, чтобы подтвердить уже инициированный им договор о подчинении Леванта.

Этот договор представлял собой привилегию, пожалованную Альфонсом и заверенную королевской печатью, согласно которой все земли и замки сарацинов, которые Сид сумеет захватить, будут принадлежать ему и, согласно наследственному праву, его сыновьям, дочерям и всему его роду.

Как мы видим, эта привилегия похожа на феодальные пожалования, о которых упоминают «шансон-де-жест»³⁶: Карл Великий мог пожаловать знатному воину землю сарацинов с тем, чтобы тот ее завоевал, если сможет (это называлось *chateaux de Espagne*³⁷). Таким образом, привилегия Альфонса юридически узаконивала власть Сиды в Леванте. Благодаря этому королевскому пожалованию Сид оставался вассалом леонской империи, но в ее рамках владел наследственной сенььорией феодального типа. Альфонс считал себя великодушным: в Леванте не замедлят появиться альморавиды, и если Сид в борьбе с ними добьется какого-то успеха, это уже будет большое дело.

Мустанн в союзе с Беренгером

³⁶ Шансон-де-жест — французские поэмы героического эпоса (XI—XII вв.), повествующие о свершениях Карлоса Великого и его современников («Песнь о Роланде», «Коронование Людовика», «Нимская телега», цикл о Ожье Датчанине и т. д.). — *Примеч. ред.*

³⁷ Букв. «испанские замки» (*фр.*).

Но пока Сид находился в Кастилии, ведя переговоры об этой привилегии, положение Валенсии осложнилось еще больше. Поскольку Кампеадор решительно отказал в помощи эмиру Сарагосы, блюдя прежде всего интересы императора, эмир порвал со старым союзником; а Беренгер, граф Барселонский, всегдашний недруг Сиды, узнав об этом разрыве, вознамерился занять в Сарагосе место, освобожденное кастильцем, и для этого двинулся туда с большим войском. Мустаин с удовольствием принял его, заключил с ним союз, дал солидную сумму денег и отправил осаждать Валенсию, пользуясь отсутствием Сиды. Чтобы помочь Беренгеру в осаде города, Мустаин возвел напротив последнего две крепостцы (*bastidas*), одну в Лирии и другую в Пуиг-де-Хубалья (*el puig* — то же, что *el royo*, каменная скамья); однако аль-Кадир держался, рассчитывая на помощь Родриго.

Пойо-де-Мио-Сид. Альбаррасин начинает платить дань

Тем временем Кампеадор, договорившись с Альфонсом, провел некоторое время в Кастилии, собирая армию, и выступил с семью тысячами полностью вооруженных воинов. Близ большой крепости Гормас (которую с 1087 г. держал от короля) он перешел реку Дуэро бродом Навапа-лос и, пройдя насквозь всю южную часть Сарагосского эмирата, поставил палатки на землях Альбаррасина, в Каламоче, где 20 мая 1089 г. отпраздновал Троицу.

Там он принял посланцев эмира Альбаррасина (Абу Мервана ибн Разина), просящего его о свидании. На этой встрече Сид обязался оставить Альбаррасин в покое, а эмир снова стал данником короля Альфонса, как до поражения при Саграхасе, и обещал заплатить десять тысяч динаров Сиду как представителю императора и держателю земель, которые завоеует.

Новое подчинение Валенсии

Обезопасив себя с этой стороны, Сид, желая помочь Валенсии, покинул Каламочу и спустился к морю, чтобы разбить лагерь в деревне Торрес, под Мурвьедро.

Беренгер, стоявший близ Валенсии, в Куарте, узнав, что враг так близко, перепугался; он ничуть не разделял хорошего настроения своих рыцарей, которые весело шутили, отпуская по адресу Сиды оскорбления и хвастливые насмешки, грозя его убить или захватить в плен. Родриго узнал об этих похвальбах, но не хотел драться с графом, потому что тот приходился кузеном королю Альфонсу; несколько дней между обоими лагерями сновали гонцы, пока наконец граф не понял, что ему придется снять осаду Валенсии, и не согласился отойти в Рекену, чтобы вернуться в Барселону.

Избавившись от соперника, Родриго вышел из Торреса, легко покорил немногих встреченных врагов и потом встал лагерем под Валенсией. Аль-Кадир немедленно послал ему бесчисленные дары и стал его данником, подтверждая этим союз, заключенный год назад; он обязался платить Сиду тысячу динаров в неделю, а Сид за это должен был заставить кайдов крепостей платить налоги, как раньше, а также должен был защищать аль-Кадира от всех врагов и жить в Валенсии, в предместье Алькудия, привозя туда на продажу добычу, которую возьмет в других местах, и устроив там амбары для пшеницы и склады для прочего добра, которое соберет.

Кампеадор сразу же предупредил кайдов крепостей, что они должны заплатить налоги эмиру Валенсии, как делали это раньше, и никто из них не посмел ослушаться — все желали добиться благоволения кастильца. Ибн Лупон, правитель Мурвьедро, тоже согласился платить Родриго восемь тысяч динаров в год. Наконец Сид поднялся в горы Альпуэнте, где царствовал Абдаллах ибн Касим; Кампеадор разорил и разграбил эту землю, победил ее эмира, навязал ему дань в десять тысяч динаров и, проведя там некоторое время, спустился, чтобы разбить лагерь в Рекене.

Таким образом Сид восстановил прежнее положение в Леванте и даже сделал его гораздо более выгодным для Кастилии, чем до битвы при Саграхасе: подчинение Альбаррасина, Валенсии и Альпуэнте было проведено гораздо более полноценно и организовано, чем раньше. Но отмечу здесь, что уже сами масштабы этого успеха вызовут неудовольствие Альфонса.

4. АЛЕДО И ВТОРОЕ ИЗГНАНИЕ СИДА

Гарсия Хименес

В восточной части Пиренейского полуострова результаты победы Юсуфа были сведены на нет. К необыкновенным успехам Сиды в Валенсии добавились достижения, хоть и не столь громкие, другого кастильского командира, Гарсии Хименеса из Аледо: эти два плацдарма христиане еще удерживали внутри мусульманского региона.

После поражения при Саграхасе Альфонс дополнительно укрепил замок Аледо, дав Гарсии Хименесу приказ разорять в первую очередь район Лорки, самую восточную часть Севильского эмирата, чтобы наказать Му-тамида за отступничество, ставшее главной причиной прихода альморавидов. Территория большой крепости Аледо была расширена настолько, что могла вмещать гарнизон в двенадцать тысяч человек, не считая женщин и детей.

Гарнизон Гарсии Хименеса, выполняя приказ императора, ежедневно производил набеги, и они не ограничивались Мурсией, а затрагивали и соседний эмират Альмерию; налетчики опустошали местность, захватывали в плен или убивали всех, кто попадется на пути, так что жить в этом краю под роковой сенью замка Аледо вскоре стало совершенно невозможно.

Мутамид остро ощущал оскорбительность таких набегов. Лорка, принадлежащая ему, постоянно подвергалась опасности, а Мурсия, поднявшая мятеж под руководством Ибн Рашика, тайно поддерживала налетчиков Гарсии Хименеса. Напрасно Мутамид, взяв вместе со своими отрядами и альморавидов, которые были в его подчинении, попытался обуздать Ибн Рашика и пресечь набеги христиан: близ Лорки триста рыцарей из Аледо обратили в бегство три тысячи севильских всадников, а Ибн Рашик, со своей стороны, сумел добиться симпатий альморавидов, сопровождавших Мутамида.

Для борьбы с Кампеадором и с Аледо призывают Юсуфа

Еще раз убедившись в своей беспомощности, Мутамид уже думал только о том, чтобы снова призвать Юсуфа; но, как и в прошлый раз, до этого раньше додумались факихи. Они в большом количестве вместе с несколькими знатными мусульманами из Валенсии, Мурсии, Лорки и Басы уже сформировали посольство и отправились в Марокко, чтобы описать Эмиру аль-муслимин бедственное положение, в котором оказались восточные области аль-Андалуса; прежде всего они были недовольны Кампеадором, с которым семь лет назад уже воевали в землях Лериды, а теперь он разорял их селения в землях Валенсии; жаловались они Юсуфу и на христиан, засевших в замке Аледо и постоянно устраивавших набеги, от которых областям от Лорки до Басы не было никакой жизни. Послы так горячо обличали Сиду и Гарсию Хименеса, что добились от Юсуфа обещания снова переправиться в Испанию при первой возможности.

Тем временем Мутамид, видя, что налеты из Аледо все усиливаются, решил сам отплыть из Севильи; переправившись через море, он причалил в устье реки Себу, в Маморе, где находился Юсуф, и упросил его во имя веры прийти и изгнать христиан из этого замка, находящегося в самом сердце Андалусии. Юсуф пообещал приехать тотчас, как закончит приготовления.

Второе прибытие Юсуфа. Осада Аледо

Эмир аль-муслимин форсировал вооружение своих отрядов и в июне 1089 г. высадился с ними в Альхесирасе. Из двух целей, которые он собирался уничтожить, — Аледо и Кампеадора — для союзных эмиров первоочередной была первая, потому что набеги Гарсии Хименеса были направлены против них.

Соединив альморавидское войско с отрядами Мутамида Севильского, Абдаллаха Гранадского, Тамима Малагского, Мутасима Альмерийского и Ибн Рашика Мурсийского, Юсуф осадил Аледо. Сначала осаждающие попытались захватить замок с помощью осадных орудий и машин, построенных мурсийскими ремесленниками, но крепость упорно держалась, и было решено взять ее измором.

Долгое совместное пребывание в лагерях резко обострило раздоры между андалусскими правителями: эмир Альмерии сумел настроить Юсуфа против Мутамида, а Мутамид, в свою очередь, обвинил в узурпации власти эмира Мурсии и высказал подозрение, что тот водит дружбу с Альфонсом и даже с осажденным гарнизоном Аледо. Правомерность обвинений Мутамида против мурсийца Юсуф поручил рассмотреть фахиham, а когда те подтвердили их, велел схватить Ибн Рашика и передал его в руки эмира Севильи. Но этот приговор был вынесен не в добрый час: возмущенное мурсийское войско отказалось далее поставлять провиант, а также ремесленников для обслуживания осадных машин, после чего рассеялось по равнине и стало перехватывать караваны с провизией. Таким образом, за четыре месяца осады мавры только ослабели от голода и ссор, и уже настала поздняя осень, когда они узнали, что на них идет король Альфонс. Правда, осажденные, в свою очередь, находились еще в более тяжелом положении: им крайне недоставало воды.

Силу не удается соединиться с императором

В то время как Кампеадор, завершив покорение Валенсии и Альпуэнте, отдыхал в Рекене, он получил от короля Альфонса письмо с требованием срочно выступить совместно с ним на помощь замку Аледо и для борьбы с Юсуфом. С теми же королевскими гонцами Сид отослал свой письменный ответ, заверяя, что готов подчиниться повелению короля, своего государя, и прося того уведомить его о своем прибытии.

Родриго немедленно свернул лагерь в Рекене и направился к театру предстоящих военных действий. В Хативе его нагнал посланник короля с новым письмом, в котором Альфонс предписывал Родриго ждать его в Вильене: он, мол, непременно пройдет там. Посланник сообщил, что в Толедо король уже собрал очень многочисленное войско. От Ибн Алаббара мы знаем, что это войско насчитывало восемнадцать тысяч человек.

Сид, чтобы его армия не страдала от голода, встал лагерем в Онтеньенте — долине, где было больше всего воды, которая во всем регионе была самой богатой пшеницей, ячменем, овсом, сладкими рожками и растительным маслом, а также скотом; в конечном счете эта долина была не менее изобильной, чем валенсийское побережье. Чтобы не пропустить приближения королевского войска, он выставил наблюдательные посты не только в Вильене, где должен был встретиться с королем, но и гораздо дальше, в Чинчилье, рассчитывая получить весть о подходе заблаговременно и успеть подойти из Онтеньенте в Вильену. Но получилось так, что король, вместо того чтобы идти в Вильену, как он обещал, двинулся правее, спустившись через Эльин и долину Сегуры к Молине, находящейся в двух лигах от Мурсии. Узнав, что король уже прошел мимо, Сид со своим войском взял направление на Эльин и, оставив всю походную колонну позади, сам с немногими спутниками, очень утомленный, спешно прибыл в Молину.

Но все его старания были напрасны — он опоздал, потому что кампания, едва начавшись, благодаря счастливому стечению обстоятельств уже прекратилась. Юсуф, узнав о подходе Альфонса, приготовился принять бой, но потом усомнился в андалусских

войсках и, опасаясь, что они побегут, как при Саграхасе, решил отойти к Лорке; Гарсия Хименес с гарнизоном Аледо, хоть его воины и были очень измучены, сумел осторожно выйти из замка, настичь арьергард отступающего большого войска и атаковать его.

Юсуф оставил мысль о войне и, раздосадованный на андалусских эмиров, которые показали себя столь никчемными, удалился от Лорки в направлении Альмерии.

Со своей стороны Альфонс, оказав помощь замку Аледо и снабдив его припасами, тут же развернул войска, чтобы идти обратно, так что Сид, прибыв в Молину, уже не успевал нагнать уходящую армию. Очень огорченный опозданием — пусть даже оно не принесло никакого вреда и было простительным, коль скоро король сам изменил маршрут, — Кампеадор вернулся в свой лагерь в Эльче и отпустил по домам некоторых рыцарей, которых привел из Кастилии: несомненно, они опасались гнева императора.

Дата возвращения Альфонса в Толедо нам известна — в Чинчилье войско императора было 25 ноября 1089 г.; мы это знаем от некоего Диэго из Ориолеса, монаха обители Сан-Мильян, который, по его словам, с величайшим трудом, как человек, не созданный для такой беготни, привел туда двух мулов, которых монастырь должен был поставить в обоз; воспользовавшись всеобщим хорошим расположением духа после легкого успеха кампании, монах-погонщик сумел получить аудиенцию у императора и добился от него избавления монастыря от этой повинности. Таким образом монастыри не только добивались освобождения своих владений от всякого налога, но и вообще устранились от выполнения каких-либо общественных обязанностей. Дон Альфонс даровал эту привилегию Сан-Мильяну в память о своем прибытии в Аледо и бегстве Юсуфа, а подтвердили ее высокопоставленные светские и духовные сановники войска, особо тесно связанные с обителью святого Эмилиана: инфант Гарсия — сын короля Наварры, убитого в Пеньялене, епископы Нахеры, Бургоса и Паленсии и многие сеньоры, среди которых отметим заклятых врагов Сида — графа Гарсию Ордоньеса Нахерского и его шурина Альвара Диаса Окского.

Они и другие кастильские завистники Сида пытались навлечь на Кампеадора гнев императора: Родриго, — говорили они, — вовсе не верный вассал, а подлый предатель, и письмо, в котором он просил короля известить о прибытии, — не более чем уловка, рассчитанная на то, чтобы оправдать его неучастие в походе, а также проверить, добился ли он своего, обрекая короля и его людей на гибель от рук мавров.

Гнев короля. Арест доньи Химены

Отклик в душе короля обвинители нашли без труда. Услышав наговоры «местурерос», или «мескладерос», Альфонс в слепом гневe на Кампеадора приказал отобрать у него все замки, города и все *пожалования* (*honors*), данные ему два года назад; более того — велел вторгнуться в наследственные владения Сида, сравнять с землей его дома, конфисковать все золото, серебро и все богатства, какие удастся найти, и даже распорядился связать и бросить в тюрьму донью Химену вместе с тремя детьми, еще малолетними, тем самым унизив ее. Материализм германского права (с которым тщетно боролся романизованный вестготский кодекс) утверждал солидарную ответственность семьи в уголовных делах (вплоть до того, что за преступление, совершенное соседом, отвечали все жители селения); таким образом, за преступления мужа можно было спросить и с жены — правда, такая ответственность обычно выражалась только в штрафах, и благодаря прогрессу в сфере идей дело уже шло к отмене этого несправедливого обычая, но за измену по-прежнему карали крайне сурово: предателя и всю его семью закон приговаривал к смерти. И в случае с Сидом до такого худшего исхода было уже очень недалеко, поскольку его обвиняли в заговоре с целью покушения на жизнь короля; кроме того, гнев короля Альфонса ничто не умеряло еще и потому, что Сид не пользовался никакой поддержкой со стороны кастильской знати.

Кампеадор, узнав о лживых наговорах на него и о монаршем произволе, направил к Альфонсу одного из самых верных рыцарей, чтобы просить дозволения оправдаться, опровергнув обвинения врагов при помощи судебного поединка в присутствии двора; причем с рыцарем, выдвинутым обвинителями, он был готов биться сам. Но от рыцаря-посланника король даже не захотел слушать слов оправдания, сколь бы справедливы они ни были; правда, он все-таки отказался от применения самых строгих мер и освободил донью Химену с детьми, позволив им уехать к Сиду.

Сид тщетно пытается возбудить судебный процесс

Родриго, по-прежнему находящийся в своем лагере в Эльче, узнав, что его предложение оправдаться не принято, хотел свершить суд сам и поклясться в своей невиновности, отправив свое оправдание королю в виде послания. Будучи знатоком права, он изложил эту клятву в четырех вариантах (которые сохранились), тщательно проработанных в основной части, куда входит объяснение непреднамеренной неявики, заверение в преданности королю и юридическая формула «сопгизюп», то есть проклятия, с апелляцией к Богу и его суду. По небольшим вариациям в трех из этих текстов хорошо заметно душевное волнение Кампеадора, а также изощренность его юридического мышления. Три основные редакции клятвы сводятся к следующему: «Я, Родриго, клянусь тебе, рыцарь, бросающий мне вызов из-за того, что случилось во время похода короля на Аледо против сарацин, что я не принял участия в этом походе не по какой иной причине, кроме как потому, что не знал и никоим образом не мог узнать о прибытии короля. Я ждал его в Вильене и делал все сообразно тому, что король повелел мне в своих письмах. Ни в мыслях, ни в словах, ни в делах я не совершил никакого предательства, которое бесчестило бы меня либо делало достойным такого великого позора, какой учинил мне король. Если я клянусь ложно, да предаст Бог меня или рыцаря, сражающегося от моего имени, в твои руки, мой обвинитель, чтобы ты мог сделать со мной что захочешь; но если я говорю правду, да избавит меня Бог, будучи справедливым судьей, от ложного обвинения». Четвертая форма клятвы придает оправданию более общий характер на случай, если бы неизвестные ему обвинения касались событий до похода на Аледо: «Я клянусь тебе, рыцарь короля, желающий со мной биться, что с того дня, когда я в Толедо признал короля своим сеньором, и до того дня, когда без причины и без всякой моей вины король самым жестоким образом заточил мою жену и лишил меня пожалований и земель, которые принадлежали мне в его королевстве, я не сказал о нем ничего дурного, не помыслил о нем ничего дурного и не сделал ему ничего дурного, что бесчестило бы меня либо позволяло королю заточать мою жену и наносить мне столь тяжкую обиду».

В соответствии с законами того времени, когда объявлялась война и сбор войска, тот, кто не встал под знамя монарха, хотя выступил, чтобы присоединиться к нему, мог оправдаться («спасти») просто при помощи клятвы. Тем не менее Альфонс не позволил Сиду принять его клятву и разрешить поединок; тщетно тот просил судить его по закону в присутствии двора, тщетно добивался, чтобы его обвинили в лицо и дали возможность ответить. В XI веке королевская власть была склонна к произволу, и Альфонс, видя, что поддержки при дворе Сид не имеет, дал ему ощутить всю тяжесть немилости. Только через сто лет, в 1188 г., король Леона Альфонс IX поклянется перед своим двором, что не будет гневаться ни на кого из-за «навета» или доноса, не выслушав прежде обвиняемого, не открыв ему имя доносчика и не обязав последнего доказать свое обвинение, а если доносчик не сможет это сделать, он подлежит наказанию сам.

Характерно, что король Альфонс проявил такую слепую жестокость по отношению к Кампеадору именно тогда, когда был доволен легким успехом опасной военной экспедиции и когда Сид от имени своего сеньора, короля, быстро и блистательно завершил покорение Альбаррасина, Валенсии и Альпуэнте. Тем не менее не похоже,

чтобы разгневанный король намеревался уничтожить все, чего Сид добивался в Леванте, и это покажут последующие события, особенно события 1092 года.

5. СИД - ХОЗЯИН ЛЕВАНТА

Положение Сиды после второго изгнания

На этот, второй раз Юсуф приехал в Испанию, чтобы освободить аль-Андалус от двух очагов христианской угрозы — Аledo и Кампеадора, которые одни только и сохранились после победы при Саграхасе. Перед второй экспедицией стояла задача во что бы то ни стало закрепить итоги первой, поэтому Юсуф, несмотря на неудачное завершение похода на Аledo, после того как отступил от этого замка к Альмерии, оставил в Испании могучую армию под командованием принца Мухаммеда ибн Ташфи-на, которая должна была прийти на помощь жителям области Валенсии в борьбе с Родриго. После этого он сел в Альхесирасе на корабль и вернулся в Магриб.

Левантийские мавры, узнав, что Юсуф оставил им большое подкрепление, а император разгневался на Сиду, могли считать себя свободными от власти последнего. Аль-Кадир Валенсийский после этого решил, что можно не платить условленную дань.

Кампеадор оказался в полном одиночестве, как и после первого изгнания; к тому же теперь его окружали враги, которые прежде врагами не были. Из-за верности своему королю он рассорился с эмиром Сарагосы — бывшим союзником, а теперь, покинутый Альфонсом, брошенный многими кастильскими рыцарями, которые ушли от него, он стал врагом для суверенов Арагона, Барселоны, Сарагосы, Лериды, Валенсии... Успешно завершённый им труд по подчинению князков Леванта в одночасье обратился в прах у него на глазах; знал он и о том, что к борьбе с ним готовится альморавидский принц. Тем не менее он без малейших колебаний решил вернуться в богатые земли Леванта и еще раз вступить в это осиное гнездо разбуженных амбиций, чтобы заново подчинить тех, кого покорил ранее, причем сделать это уже собственными силами, не опираясь ни на кого, но и не заключая ни с кем вассальных соглашений.

Война с аль-Хаджибом. Подчинение Валенсии

Отметив Рождество 1089 г. в Эльче, Сид начал войну со своим старым врагом аль-Хаджибом Леридским, в чьей земле, Дении, он стоял. От Ориуэлы до Хативы он уничтожил и разрушил все: «не осталось ни единого нетронутого камня, ни малейшего признака поселения», по словам Ибн Алькамы.

В Ондаре, где Родриго в марте 1090 г. провел Великий пост и 21 апреля отпраздновал Пасху, он принял гонцов, присланных к нему аль-Хаджибом из области Лериды и Тортосы с просьбой о мире. Мир был немедленно заключен, и в соответствии с его условиями Родриго прекратил разорять Дению и покинул ее, вступив на землю Валенсии.

Но как только эмир этого большого города, аль-Кадир, узнал, что аль-Хаджиб примирился с Родриго, он испугался, что тот свергнет его в пользу эмира Дении, и сразу же, прислушавшись к мнению советников, направил Сиду значительные денежные дары, чтобы возобновить дружбу и покорность, столь некстати преданные забвению. Все кайды крепостей — опять было взбунтовавшиеся против эмира Валенсии, едва узнав, что он разошелся с Сидом, — тотчас поспешили к последнему с податями и дарами. Таким образом, для Родриго ситуация, которая сложилась в этих землях до того, как Альфонс несправедливо обрушил на него свой гнев, была восстановлена.

Беренгер организует коалицию против Сиды

В свою очередь аль-Хаджиб, узнав, что столь возжеленная для него Валенсия вновь подчинилась Кампеадору, начал плести широкий заговор с целью изгнать кастильца из земель, в которых тот воевал; к участию в заговоре предполагалось привлечь короля Санчо Рамиреса Арагонского, графа Беренгера Барселонского и графа Эрменголя Урхельского. Но Санчо и Эрменголь хорошо знали превосходство Сиды и не пошли за аль-Хаджибом. Поддержку он нашел только у Беренгера, человека, не усваивавшего горьких уроков и очень не любившего Сиды, который в 1082 г. под Альменаром захватил его в плен, а только что, в 1089 г., вынудил покинуть Валенсию, лишив возможности наживаться за счет валенсийской земли.

Едва Родриго получил достоверные известия о кознях аль-Хаджиба, он вступил на территорию, подчиненную непостоянному эмиру Лериды, поднялся в труднопроходимые горы Морельи, где мог найти в изобилии продовольствие и несчетное поголовье скота, и разорил там все поселения, вырубая сады, виноградники и уничтожая хлеба.

Увидев, что он остался без скота и возделанных полей, которые уже нельзя было даже засеять, аль-Хаджиб призвал на помощь Беренгера, и тот, получив от мавра крупные денежные суммы, вывел свое войско из Барселоны и направился в Дароку к эмиру Сарагосы, который тоже дал ему денег; вот так страх перед Родриго объединил двух всегдашних соперников — Мустаина и его дядю аль-Хаджиба. Но Беренгер все еще не был удовлетворен: он хотел, чтобы в коалицию против Сиды вошел и император.

Для встречи с Альфонсом Беренгер и Мустаин приехали в Орон (находившийся в полулиге от Миранды-де-Эбро, в графстве Гарсии Ордоньеса) и, прибегнув ко многим доводам, попытались убедить его, чтобы он со своими рыцарями помог им в борьбе с Родриго. Беренгер хвалился перед доном Альфонсом и перед Мустаином, что все равно прогонит Сиды из земель Тортосы; если он этого не сделал до сих пор, то лишь потому, что Сид прежде был вассалом императора, теперь же изгнанник не посмеет и рассчитывать на покровительство Альфонса. Эти слова подхватили рыцари графа, начавшие с удовольствием глумиться над Сидом (из них главным насмешником был Рамон де Барбара), что вызвало смех у многих кастильских придворных — недругов героя, таких, как Гарсия Ордоньес. Но император не поверил похвальбе графа Барселонского и не поддавался на его просьбы, так что Беренгер и Мустаин вернулись ни с чем.

Тем не менее барселонец вместе с обоими эмирами из рода Бени-Худов все-таки собрал в Каламоче для борьбы с Сидом множество мусульманских и христианских бойцов, всерьез полагавших, что Кампеадора обратит в бегство одна только молва об их многочисленности; со своей стороны левантийские мавры считали каталонских рыцарей сильнейшими в мире, лучше всех вооруженными и самыми бывалыми воинами.

Встреча в Теварском бору

Сид, узнав, что приближается большое вражеское войско, предположил, что со всей этой армией он может и не справиться. Чтобы вынудить противника разделить силы, он занял выгодную позицию в Теварском бору, при входе в узкое ущелье, укрепив его прочными заграждениями и поставив на его защите сильные отряды.

Сюда к нему прислал гонца эмир Мустаин, который, разочарованный пренебрежением императора и очень хорошо зная Сиды, искал возможность дать Сиде понять, что участвует в происках Беренгера без всякой охоты и не хотел бы воевать в союзе с барселонцем. В своем послании Мустаин предупредил Родриго, чтобы готовился: мол, граф Барселонский уже настроен на сражение. Кампеадор посмеялся над такой заботливостью и отправил с тем же гонцом ответное письмо: он выражал «своему верному другу королю Сарагосы» сердечную признательность за предупреждение, однако выказал крайнее презрение к графу и ко всем его многочисленным воинам, заявляя, что с Божьей помощью будет ждать их здесь и, если они явятся, даст им бой; в последних строках Сид настойчиво просил Мустаина показать этот дерзкий ответ Беренгеру.

Граф Барселонский со своим большим войском поднялся в горы и разбил палатки недалеко от лагеря Родриго, так, что из одного стана были вдали заметны шатры другого. Однажды ночью он послал лазутчиков рассмотреть позиции Сиды с вершины высокой горы, на склоне которой находился лагерь кастильца. На другой день люди Беренгера стали дразнить воинов Сиды, предлагая выйти на открытое место и сразиться, но Сид велел им отвечать, что он не рвется в бой — просто ему захотелось прийти со своими людьми именно сюда. Тогда противники с насмешками подступили ближе к заграждению кастильца и принялись громко требовать, чтобы он выходил, и издеваться: он-де не смеет спуститься с горы и принять бой! Но Кампеадор никак не реагировал на эти похвальбы. Повторялась история Мария и тевтонов: «Почему ты не выходишь?» — «Почему ты не заставишь меня выйти?»³⁸

Письменный вызов и письменный ответ

Беренгер считал, что если Сид получит официальный вызов в форме письма, то наконец оставит свою выгодную позицию. Он послал Силу вызов, оскорбившись на его насмешки в письме Мустаину и объявляя войну: «Завтра на рассвете, даст Бог, мы увидимся накоротке; если ты спустишься со своей горы и выйдешь к нам на равнину, ты будешь Родриго, которого зовут *Kampeador*; если же нет, ты будешь тем, кого кастильцы на своем романском языке зовут *alevoso* (предатель), а франки — *bauzador*. И не поможет тебе вся храбрость, которой ты кичишься; мы не разойдемся, пока я не убью тебя или не возьму в плен».

Когда это письмо прочли Силу, он сразу же продиктовал ответ. Прежде всего ему было важно оправдаться, указав, что первым опрометчиво насмеяться начал не он, а Беренгер; со своей стороны он напомнил, что несколько лет назад уже брал того в плен, и намекнул на пресловутое братоубийство, совершенное графом: «Ты оскорбляешь меня, говоря, что я совершаю *alevosia* по закону Кастилии и *bauzia* по закону Франции, но твои уста лгут: тебе хорошо известно, равно как всем маврам и христианам, кто именно совершал такие дела и кто уличен в предательстве. Не будем же больше тратить слов и вступим в схватку, как подобает добрым рыцарям. Приходи и не медли, чтобы я мог отплатить тебе так, как я это обычно делаю».

Сиду удается расколоть силы противников

Пока эти письма ходили туда и обратно, Сид, чтобы заставить врага расколоть силы, сделал вид, будто хочет скрыться, и каталонцы, как он и рассчитывал, разделили свои войска, выслав отряды, чтобы запереть все три выхода из ущелья, где могли уйти кастильцы. С другой стороны, Беренгер, продолжая держать под угрозой вход в ущелье, укрепленный Сидом, ночью послал еще один отряд рыцарей занять вершину той высокой горы, на склоне которой стоял лагерь кастильцев, и эта операция была проделана незаметно для Родриго.

Ночью события приняли оборот, неожиданный для обоих противников. Каталонцы, которым было поручено занять выходы из ущелья, медленно взбираясь по крутым склонам, попадали в засады, которые предусмотрительно установил Сид, и все три отряда были разбиты, а лучшие их рыцари попали в плен.

³⁸ Менендес путает два эпизода из жизни Гая Мария: согласно Плутарху, этот обмен репликами относится к его войне не с тевтонами, а с италиками. «Рассказывают, что Помпедий Силон, пользовавшийся среди италийцев наибольшей властью и влиянием, сказал ему: „Если ты великий полководец, Марий, выйди и сразись со мной“, на это Марий ответил: „Если сам ты великий полководец, то заставь меня сразиться с тобой против моей воли“» (Плутарх. Сравнительные жизнеописания. СПб: Кристалл. Т. II. 2001. С. 114). — *Примеч. пер.*

В то же время другие каталонцы, занимавшие гору над лагерем Сиды, начали тихо спускаться к палаткам, чтобы внезапно напасть на них сверху и ускорить ожидавшееся бегство Кампеадора к проходам, которые, как они полагали, уже перекрыты. Подойдя близко, когда на горизонте еще не пробилась первые лучи солнца, люди графа Барселонского с оглушительным криком ринулись вниз по склону. Защитники укрепления, опасавшиеся атаки только со стороны выхода из ущелья, проснулись и страшно перепугались, увидев, что опасность грозит им и из ущелья, и с гор. Кампеадор, охваченный крайним возбуждением, «скрежеща зубами», велел своим рыцарям спешно надевать кольчуги, подтягивать подпруги у заспанных коней, строиться к бою и атаковать врагов. Немедленно пошел в атаку через вход в ущелье и сам граф. Уже организовав оборону лагеря, Кампеадор высмотрел графа среди нападавших и обрушился на него со столь неодолимым напором, что в первой же сшибке у обоих сломались копья; однако в разгаре сечи Сид упал с коня, получив немало ушибов и ран. Тем не менее его люди продолжили борьбу и добились полной победы, окружив и взяв в плен Беренгера и еще почти пять тысяч его воинов.

Сид приказал связать и хорошо сторожить графа и других знатнейших пленников; завладев лагерем Беренгера, кастильские рыцари захватили в его палатках золотые и серебряные сосуды, драгоценные одежды, мулов и жеребцов, кольчуги, щиты, копья и передали все это Сиду для справедливого раздела.

Беренгер в плену; пир у Кампеадора

Тем временем Беренгер, желая достичь какого-нибудь соглашения, добился того, чтобы его привели к Сиду, который, мучаясь от боли после падения с коня, сидел у себя в палатке. Граф смиренно попросил о милости, но Родри-го не пожелал благосклонно принять его и не предложил сесть рядом, а велел своим рыцарям выставить его из палатки и хорошо стеречь. Но, едва отделившись от графа и укротив его хвастливую спесь, Сид опомнился, приказал, чтобы пленнику с величайшей учтивостью подали обильные яства, и пообещал отпустить его и позволить вернуться на родину.

Наряду с латинским историком Сиды старинный поэт (которого тоже все невежды, какие только говорили по-романски, воспринимали как историка) тоже сообщает о следующем странном эпизоде в жизни Кампеадора. Напрасно повара Сиды ставили перед Беренгером блюда — граф, скривившись от гнева и злости, ничего не хотел и пробовать. Он прибегнул к тому, что мы ныне именуем голодовкой. «Не съем ни куска хоть за все сокровища Испании; хочу уморить себя голодом, раз меня так унижительно победили в сражении». Мой Сид ободрил его обещанием: «Ешьте, граф, этот хлеб и пейте мое вино; если вы сделаете то, что я велю, вы выйдете из неволи, а если нет, никогда в жизни не увидите христианской земли». Но граф, не доверяя ему, упорствовал: «Ешьте сами, дон Родриго, и порадитесь, что отныне я хочу только умереть». И вот настал третий день. Кастильцы делили богатую до бычу, взятую в битве; граф не желал образумиться, его не могли заставить попробовать хоть кусочек хлеба. Тогда Сид снова пообещал: «Ешьте, граф: если вы это сделаете к моему удовольствию, я отпущу вас и еще двоих из ваших идальго». И наконец упрямый пленник дал себя уговорить: «Если вы, Кампеадор, сделаете то, о чем только что сказали, я буду изумлен этим на всю жизнь». — «Так ешьте, граф, и когда съедите, я отпущу вас; но из того, что я у вас захватил, я не отдам ни гроша — ведь мне нужны деньги, чтобы содержать людей, живущих в изгнании и ненавистных королю». Граф обрадовался, попросил воды, чтобы вымыть руки, и вместе с обоими рыцарями, которых упомянул Сид, приступил к трапезе. И, Боже, с каким аппетитом! Как быстро, к немалой радости Кампеадора, орудовал Беренгер руками! «Если вы позволите, мой Сид, мы уже можем уйти; велите дать нам лошадей; с того дня, как я стал графом, я не ел с такой охотой — никогда не забуду наслаждения от этой еды». Им дали трех коней с хорошими седлами и прекрасные одежды — мантии и шубы. Граф выехал меж обоих

своих рыцарей, и Сид весело и с шутками проводил их до выхода из лагеря; после этого граф пустил коня во весь опор и нет-нет да оглядывался, опасаясь, как бы Сид не раскаялся в своей великодушии, но учтивый кастилец этого не сделал бы ни за что на свете — вероломным он не был никогда в жизни.

Исходя из своего поэтического замысла, хуглар считал нужным преувеличивать бедность жизни Сиды в изгнании; ему было не с руки превозносить великодушные победителя, которое, если верить «Истории Родриго», распространилось на всех пленных. «История» рассказывает, что, пообещав графу свободу после трапезы, Сид через несколько дней, уже оправившись после падения, договорился с Беренгером и Хиральдо Алеманом, что выкуп за обоих составит восемьдесят тысяч золотых валенсийских марок, с прочих же пленных кастилец затребовал разные суммы, а кроме того, ему должны были отдать ценные мечи старинной работы; здесь в отношении деталей «Песнь» опять же опирается на данные истории, сообщая нам, что в то время Сид приобрел меч Беренгера — драгоценную Коладу: «Тысячу марок меч этот стоил», меч, который он позже постоянно использовал и прославил. Каталонцы, отпущенные по домам, сдержали свои обещания и вернулись, принося Родриго немалые богатства, которые они пообещали в качестве выкупа; многие, не имея возможности заплатить, приводили в качестве заложников своих детей и родственников. Но Кампеадор, умиленный подобным зрелищем, посоветовавшись с дружиной, простил всем выкуп и отпустил их с миром, а те, прощаясь, отвечали на это трогательными изъявлениями благодарности и заверениями, что желают всегда служить своему благодетелю, пока смогут. Надо помнить, что участники средневековых войн прежде всего стремились побыстрее добыть богатство, а одним из источников последнего был выкуп, почему врага и предпочитали брать в плен, а не убивать; вполне понятно, какое восхищение должно было вызывать великодушные изгнанника по отношению к пленным.

Последствия победы. Беренгер отказывается от покровительства маврам

Все эти сцены военного и нравственного триумфа, разыгравшиеся в Теварском бору, получили широкую известность. Аль-Хаджиб, всегдашний недруг Кампеадора, узнав о поражении Беренгера, утратил всякую надежду, что кто-либо поддержит его планы, и впал в такое отчаяние, что вскоре умер. Среди мавров Леванта Сид, второй раз победивший графа Барселоны, приобрел необыкновенную известность, которая докатилась и до другого конца Пиренейского полуострова, где португалец Ибн Бассам восхвалял военный гений Родриго, с небольшим числом воинов обращавшего в бегство превосходящие силы графа Гарсии, государя каталонцев и короля Арагона. У христиан поражение этих могущественных враждебных графов принесло изгнаннику громкую славу, а также упрочило приобретенную им власть над сарацинами: «Кто одолел мавров, одолел и наших графов», скажет один латинский поэт.

Сид, разумеется, не собирался покидать те земли, откуда его хотели прогнать побежденные союзники. Сарагосский эмират был передан Мустаину, а в Дароке, где Сид заболел и слег, он принял визит Беренгера, который выразил желание быть ему другом и помощником во всем: граф официально отказывался от земель покойного аль-Хаджиба, которые издревле платили ему дань и отстоять которые Кампеадору стоило таких усилий, и передавал их под покровительство последнего. Получив урок в Теварском бору, могущественный граф наконец признал превосходство изгнанника, к которому когда-то, вскоре после первого изгнания, отнесся с таким пренебрежением, не пожелав его выслушать в Барселоне.

Подписав договор, новые союзники вместе спустились к побережью. Родриго разбил свой лагерь в Бурриане, а Беренгер, попросившись с ним, вернулся в свое графство.

Сид — хозяин Леванта

Таким образом, после сражения при Теваре дела Сида обстояли как нельзя лучше.

Умершему аль-Хаджибу наследовал маленький сын, Сулейман ибн Худ, опекуны которого предложили платить Родриго каждый год по 50 000 динаров за земли Дении, Тортосы и Лериды. Должно быть, уже после этого победитель утвердился в Лусене, Иглесуэле и Вильяфранке — поселениях, которые и по сей день имеют окончание «дель Сид» и господствуют над землями от Буррианы до Морельи.

Этот регион Леванта полностью подпал под власть Родриго. Помимо Дении и Тортосы, с 1089 г. подать в 10 000 динаров ему платил правитель Сайта-Мари, Ибн Разин; еще 10 000 — эмир Альпуэнте Ибн Касим; 8000 — Ибн Лупон из Мурвьедро; 6000 — крепость Сегорбе; 3000 — крепость Херика; 3000 — крепость Альменар; 2000 — Лирия; большая сумма была возложена на Валенсию, эмир которой аль-Кадир ежегодно выплачивал 52 000 динаров и 5200 на содержание мосарабского епископа, которого мусульмане по-арабски звали *сайд Альматран*, то есть «господин митрополит», и которого назначил сюда король Альфонс.

Если Сид что-то приказывал или запрещал, в Валенсии это начинали или прекращали делать; так было еще и вследствие долгой болезни аль-Кадира, во время которой эмира никто не видел, так что в городе думали, что он умер. В то время вся власть оставалась в руках визиря Ибн Альфараджа, креатуры Сида; Сид же поставил в Валенсии верных людей для контроля над доходами от земли и от моря и направил в каждую деревню по кастильскому рыцарю для охраны мавров, чтобы никто не смел никого обижать. И хоть каждый такой рыцарь получал по шесть динаров в день за счет селения, но все-таки теперь валенсийцы наслаждались жизнью, которой были присущи справедливость и большое благополучие, потому что раньше христиане во время своих набегов забирали хлеб и скот и захватывали много мавров и мавританок, получая легкий доход от их работы или от их выкупа за деньги.

В этот самый период Сид выглядит особенно выдающимся воином и политиком. Он сам, не опираясь ни на какую государственную организацию, напротив — несмотря на то, что его преследовал гнев короля, создавая для него помехи, — победил Беренгера, властителя большого графства и сеньора прославленных каталонских рыцарей, и с невероятной быстротой подчинил мавританские эмираты и владения в Леванте. Но он пока что не испытал себя в борьбе с новой силой из Африки.

6. АЛЬМОРАВИДСКАЯ УГРОЗА РАСТЕТ

Планы Сида и императора. Недовольство альморавидами в Андалусии

С 1088 г. после битвы при Саграхасе Родриго занимался установлением протектората над Левантом. Это ему удалось, но удерживать здесь власть оказалось очень трудно. На Юге находились альморавиды, и это возрождало дух мусульман во всем аль-Андалусе и вселяло надежду во всех недовольных христианским господством.

Сид усиленно укреплял свое положение в Валенсии, чтобы сделать ее базой для действий против захватчиков. Он старался не вызывать недовольство у своих мавританских подданных, чтобы они не ощутили симпатии к Юсуфу; он поддерживал у них образцовое правосудие, как признает даже Ибн Алькама; он требовал от них повиновения и умеренной дани, но никогда не грабил и не притеснял их, как это делал в Валенсии, например, Альвар Аньес от имени императора.

Альфонс со своей стороны тоже понимал, что прежнюю высокомерную и насильственную политику, какую он вел в отношении мавров, следует заменить на другую, аналогичную политике Родриго. Теперь он сожалел, что так торопился покорить андалусских эмиров, что был с ними так жесток, требуя не только огромной дани, но еще

и земель и замков, что их еще больше уязвляло. Ныне Альфонс, наоборот, стремился улестить мавританских вождей и князей, уверяя, что не будет их обирать и не потребует от них ни городов, ни крепостей, пусть они только постараются изгнать из Андалусии альморавидов. Однако эта политика привлечения симпатий поначалу не находила отклика: у мавров еще свежи были в памяти и наглое обращение с ними христианского императора, и великий триумф альморавидского государя при Саграхасе. К тому же альморавиды одержали еще одну славную победу над знатнейшими рикос омбрес Кастилии и Леона, над объединенными силами Альвара Аньеса и Бени-Гомесов Каррионских, так что все посулы Альфонса маврам расточались попусту.

Но мало-помалу в аль-Андалусе воинов Юсуфа переставали воспринимать как спасителей, по мере того как гости проявляли свои амбиции. Разлад между андалусцами и альморавидами, возникший еще во время осады Аledo, углубился настолько, что в конечном счете эмир Гранады и некоторые другие, в том числе сам Мутамид Севильский, вступили в тайные переговоры с Альфонсом; все они обязывались не помогать альморавидам ни войсками, ни деньгами, а некоторые даже предложили передать христианину свои эмираты при условии, что он оставит их правителями в их бывших владениях. Они сознавали, что в неоконченном единоборстве между Альфонсом и Юсуфом стремления альморавида опаснее для них, чем желания христианина.

Третий поход Юсуфа на Пиренейский полуостров

И получилось так, что, когда в июне 1090 г. африканский император в третий раз высадился в Альхесирасе, эмиры Андалусии не оказали ему никакой помощи и стали чинить всевозможные препятствия в ведении священной войны.

Юсуф лелеял честолюбивый замысел отбить Толедо, чтобы удовлетворить чаяния многих: «Дай Бог, — говорили добрые мусульмане, вспоминая о вестготской столице, — дай Бог, чтобы это название вновь вошло в перечень мусульманских городов!» Альморавиды сами, без всякой поддержки, штурмовали крепостные стены, частично их разрушили, вырубали деревья, разорили долину и другие окрестности укрепленного города на Тахо; но его надежно обороняли Альфонс и пришедший ему на помощь арагонский король Санчо Рамирес (август-сентябрь?). В конце концов Юсуф вынужден был отступить ни с чем, и эта неудача, вместе с поражением под Аledo, усилила его безудержную досаду на андалусских эмиров.

Озлобление Юсуфа очень окрылило клерикальную, или непримиримую, партию у испанских мусульман, руководимую факихами, которая хотела использовать религиозное рвение альморавидов для борьбы с таифскими эмирами и всем бюрократическим аппаратом их пышных дворов. В андалусских эмиратах процветала культура, придворная жизнь дошла до высшей изысканности, но в то же время налоги очень обременяли народ и мало кто мог чувствовать себя в безопасности из-за внутреннего безначалия и христианской угрозы; поэтому клерикалы, получив сильную поддержку невежественных альморавидов, обнаружили в народе больше сторонников исламской реакции, нежели приверженцев испанского национализма андалусских эмиров, после того как те выказали свое раскаяние столь опрометчивым шагом, как попытка искать помощи у чужеземцев.

Несколько андалусских кадиев и факихов выпустили две фетвы, то есть юридических заключения; одна из них объявляла, что оба брата, эмиры Гранады и Малаги, вследствие многих беззаконий утратили право на престол, а другая предписывала Юсуфу как эмиру всех мусульман призвать всех андалусских эмиров соблюдать закон, потребовав от них не собирать со своих подданных больше налогов, чем допускают Коран и сунна. Однако тот, кто пожелал бы навязать аль-Андалусу столь популярное и благочестивое ограничение податей, какого альморавиды добились в Африке, по сути открыто объявил бы себя врагом таифских князьков, привыкших собирать как можно больше поборов, в основном шедших на содержание роскошных дворов и на покупку

помощи иностранных государей, без которой эти правители не представляли себе жизни. Тем не менее Юсуф, во всем послушный факихам, приказал андалусским эмирам отменить незаконные сборы и, отступив от Толедо, направился со своим войском к Гранаде, хоть и не объявляя о своих враждебных намерениях. Гранадский эмир, бербер Абдаллах, друг того самого Гарсии Ордоньеса, которого Сид разбил десять лет назад, теперь снова обратился за помощью к Альфонсу, отправив ему некоторую сумму денег. Но напрасно он слал к христианскому императору гонца за гонцом — тот не мог ему помочь, и когда 8 сентября 1090 г. Юсуф подступил к Гранаде, Абдаллах был вынужден почтительно выйти навстречу альморавиду и униженно просить прощения, если чем-то не угодил. Все было бесполезно — Юсуф, который не мог простить ему дружбы с Альфонсом, заковал его в цепи и, низложив также брата Абдаллаха, эмира Малаги Тамима, отправил обоих вместе с гаремами и семьями в Африку, назначив пожизненную пенсию.

Юсуф против Мутамида

Перед лицом этих событий Мутаид Севильский на миг заколебался, поддавшись алчности: он вообразил, что Юсуф в качестве компенсации за Альхесирас (отданный севильским эмиром) мог бы уступить ему Гранаду, и пошел на унижительный жест — вместе с Мутаваккилем Бадахосским лично явился к Юсуфу и одобрил его действия в отношении Абдаллаха. Но Юсуф не выказал им ничего, кроме пренебрежения, и оба вернулись в свои земли в страхе. «Клянусь Аллахом, — сказал Мутаид эмиру Бадахоса, — альморавид намерен заставить нас проглотить пойло из того же кубка, из которого он уже напоил Абдаллаха», и, вернувшись в Севилью, сразу распорядился отремонтировать городские укрепления. Его старший сын напомнил ему давнюю беседу: «Разве я не предупреждал тебя, папенька, — сказал он с севильским пристрастием к уменьшительным формам, — что этот человек из Сахары погубит нас, если ты приведешь его сюда?» Мутаид грустно ответил: «Что такое предвидение людей против решения Бога?»

А решение Бога, то есть факихов, оказалось неблагоприятным для него. Прежде чем в конце ноября снова отплыть в Африку, Юсуф снова посоветовался с факихами Испании и Магриба, прося у них совета, как ему вести себя по отношению к эмирам аль-Андалуса, прежде всего в связи со священной войной. Факихи составили фетву в более определенных выражениях, чем он мог предположить: они заявили, что эти царьки сделались недостойны царствовать над мусульманами и, значит, с ними надо поступать как с неверными. На сомнения Юсуфа в связи с тем, прибыв первый раз в Испанию, он поклялся оставить таифским эмирам их государства, факихи ответили: «Эмиры не выполнили своих обещаний; более того, они заключили союз с Альфонсом против тебя, чтобы предать тебя в руки христиан. Отстрани их, и перед Богом ответим за тебя мы, а если мы грешим, то на вечную муку Он обречет нас; но если ты оставишь их в покое, они передадут землю ислама христианам, и в этом виновен будешь ты». Севильские факихи со своей стороны особо клеймили султаншу Румайкию, прекрасную поэтессу с изощренными и неистовыми причудами: она-де окутала Мутамида вихрем постыдных наслаждений, она увлекла его в бездну открытого распутства, доведя до того, что эмир не является в мечеть на пятничную молитву.

Эти заключения Юсуф разослал самым знаменитым богословам Ирака, и все, в том числе знаменитый философ Газали и знакомый нам Туртуши, находившийся там в изгнании, согласились с мнением своих здешних коллег и со своей стороны позволили Юсуфу исполнить приговор Аллаха, вынесенный андалусским эмиром.

И приговор был приведен в исполнение силой оружия. Эта задача была возложена на опытного альморавидского полководца Сира ибн Абу Бекра, двоюродного брата Юсуфа, которого тот оставил в Испании, и уже в декабре Абу Бекр начал войну с Мутаидом и взял Тарифу.

Мутамид, поздно раскаявшийся в том, что поставил интересы ислама выше интересов Испании, обратился за помощью к императору, и тот был вынужден пойти на интервенцию в поддержку Мутамида. В это самое время Сид старался укрепить свое положение в Леванте для борьбы с африканцами.

Сид ведет войну с эмиром Сарагосы

Положению Сида угрожала враждебность Мустаина Сарагосского. Конечно, Мустаин до крайности боялся Юсуфа, и сторонники альморавидов его ненавидели и презирали за то, что он, будучи не очень ревностным мусульманином, как все Бени-Худы, заключал союзы с христианами; но Мустаин был прежде всего честолюбцем и, чтобы сохранить сарагосский трон или расширить владения, был готов искать благоволения альморавидов.

С 1089 г., когда Беренгер осаждал Валенсию, Мустаин сохранил два укрепления, воздвигнутых им для борьбы с этим городом: одно в Пойо-де-Хубалья, другое в Лирии. Родриго, желая одним махом покончить с притязаниями сарагосца, разбил лагерь перед Хубальей и, отпраздновав там Рождество 1090 г., отправил Мустаину угрожающее письмо, потребовав оставить оба укрепления. Но сарагосец отказался, сославшись на то, что прежде аль-Кадир должен оплатить ему расходы на тот злополучный поход, в который он в 1088 г. в обществе самого Сида ходил ради выручки Валенсии, когда ее осаждал покойный эмир Тортосы и Дении.

Тогда Сид осадил Лирию, которая в недавно истекшем 1090 году не выплатила положенную дань в 2000 динаров. Во время этой осады христианские рыцари немало нажились, потому что отправлялись оттуда в набеги и рейды, разоряя земли эмира Сарагосы; от награбленного поживился также город Валенсия, куда везли всю обильную добычу для продажи по дешевке. Жители Лирии, измученные боями, голодом и жаждой, уже пришли в отчаяние, когда Сид получил известия, побуждавшие его уйти отсюда ради помощи Альфонсу в его планах.

Альфонс собирается атаковать Гранаду

Император, не желая сталкиваться с Сиром, осаждавшим Севилью, хотел заставить его раздробить силы и ради этого решил напасть на Гранаду, несомненно рассчитывая на помощь сторонников свергнутого Абдаллаха.

Кончался март 1091 г., и Альфонс приказал собрать в своем королевстве чрезвычайную подать, добившись от инфансонов, неподатной категории, согласия единственный раз так же уплатить налог, как и вилланы, во имя войны с альморавидами. Король уже объявил, что идет войной на Гранаду, чтобы заставить ее платить дань, и приказал всем графам и властям своих королевств готовить оружие и припасы.

Письмо королевы к Кампеадору

Когда поход стал неизбежным, королева Констанция решила упростить королю примирение с Сидом, добившись, чтобы он принял участие в войне: нужно было объединить усилия короля и Сида в борьбе с альморавидами. С этой целью она, будучи женщиной разумной и мудрой, по словам ее приближенного Алона Грамматика, сама написала Кампеадору и устроила так, чтобы в то же время ему написали другие его кастильские друзья. Все сообщали изгнаннику о близком походе короля Альфонса на Гранаду, чтобы вырвать этот город из-под власти альморавидов, и все умоляли его и советовали ему ни в коем случае не медлить и поспешно отправиться со всем войском на соединение с армией короля, уверяя, что тем самым он вновь обретет благоволение и любовь дон Альфонса.

Сид получил эти письма во время осады Лирии, когда это укрепление было уже на грани сдачи. Но желание королевы, возможность помириться с королем заставили его без колебаний немедленно снять осаду. Прodelывая долгие переходы, Кампеадор двинулся на поиск христианского войска, пока не застал его в Мартосе.

Узнав о прибытии Сида, Альфонс верхом выехал по дороге ему навстречу и встретил его с большим почетом. От Мартоса оба двинулись к Пинос-Пуэнте, откуда открывалась Гранадская долина.

Под Гранадой. Король снова негодует на Сида

Король велел своему войску поставить палатки у подножия черноватых голых скал Сьерра-Эльвиры, близ терм и руин пристроенного к ним римского поселения, которое арабы назвали Хадира-Эльвира и сделали центром этого округа. Теперь оно стояло в развалинах, потому что его жители ушли в новую столицу — древний Илиберис, то есть Гранаду.

Христиане с жадностью смотрели на плодородную долину и на чудесную панораму возрождающегося города, контрастирующую с пустынными и бесплодными урочищами горного хребта, которыми они прошли. Еще не минуло восьмидесяти лет с тех пор, как берберский род Зири-дов сделал Гранаду столицей своего эмирата, но красная Альгамбра, предшественница нынешней, уже возвышалась в античном акрополе над жилой застройкой среди зелени холма, прочно утвердив свой профиль на фоне далекой белизны Сьерра-Невады; дворцы этой огромной крепости, изобилующие немислимыми богатствами, возбудили жажду сокровищ даже в таком суровом человеке, как Юсуф, когда он, арестовав Абдаллаха, приказал перекопать полы, подвалы, даже сточные канавы эмирского жилища, чтобы найти золото и жемчуг низложенного эмира.

Сид прибыл к развалинам Эльвиры последним и, оставив стан Альфонса позади, в сьерре, прошел ближе к городу Альгамбры, спустившись в долину и разбив лагерь на ровном месте, чтобы надежнее обеспечить безопасность монарха и принять на себя первый удар в предстоящем сражении. «Мескладерос» 1081 и 1089 годов вменяли ему в вину, что он якобы подвергал особу короля опасности со стороны мавров, и теперь Кампеадор хотел избежать новых обвинений такого рода. Но он опять не угадал. Монарх плохо воспринял подобную услужливость своего вассала; несомненно, он примирился с Сидом главным образом под давлением королевы и теперь, испытав ревнивую досаду, сказал придворным, избавив их на сей раз от труда опередить его в злословии: «Гляньте, какое оскорбление, какую обиду нанес нам Родриго: пришел сегодня, позже нас, уставших от долгой дороги, и обошел нас, поставив свои палатки перед нашими». Все поддержали короля, осудив Сида за высокомерие и гордыню, и вследствие такой мелочности дух этой христианской армии начал падать, и ее деятельность была парализована.

Альфонс простоял под Гранадой шесть дней, но он не попытался штурмовать город (возможно, оттого, что его расчет на сторонников свергнутого бербера внутри города не оправдался), а альморавиды не вышли наружу для сражения. И вот король приказал возвращаться в Толедо другой дорогой; когда же он встал лагерем в замке Убеда, возвышающемся на склоне в долине Гвадалквивира, Родриго, не ведая о недовольстве короля, велел поставить свой лагерь прямо на виду у него, у самой реки. Увидев в этом новое проявление дерзкой заносчивости, король уже не мог сдерживать своего раздражения, и когда Сид поднялся, чтобы приветствовать его, принял его крайне неласково: осыпал обвинениями во множестве мнимых проступков, срываясь на оскорбительный крик, и чем больше оправдывался Кампеадор, тем больше распался Альфонс и наконец не придумал ничего лучше, чем арестовать того, кто только что стал его вассалом ценой отказа от покорения Лирии.

Сид, заметивший явные признаки этого злого умысла, терпеливо выдержал императорский гнев, но с наступлением ночи не без риска покинул лагерь монарха, чтобы

искать безопасности в собственном стане. Однако полного единства и покоя не было и там: весть о ярости короля вызвала немалое смятение среди рыцарей Сиды, так что многие из них распрощались со своим вождем и, поднявшись к палаткам Альфонса, поступили к нему на службу, чтобы вернуться в Кастилию. Повторялось все то же, что происходило после второго приступа раздражения у короля по возвращении из Аledo — вплоть до отступничеств.

На рассвете после этой постыдной ночи в Убеде дон Альфонс, пылуемый злобой, направился со своим войском к горным проходам Деспеньяперрос в Сьерра-Морене, чтобы вернуться в Толедо, а Сид, погружившись в глубочайшую печаль, начал тягостный путь по Сегурским горам в земли Валенсии, которую не в добрый час покинул из-за упорного желания примириться с королем.

Причины нового приступа гнева у короля

Имеет смысл разобраться с обвинением в завистливости, которое латинский историк бросает королю, и с непреодолимой антипатией, которую Альфонс испытывал к Сиде — к немалому вреду для себя же. На самом деле Альфонс обладал достаточно высокими личными достоинствами: не он, а ему должно было завидовать. Но, как и многим выдающимся людям, ему недоставало спокойной уверенности в самом себе и благородного смирения, которые необходимы человеку, чтобы у него в качестве защитной реакции не возникала ненависть к любому, кто его в чем-то превосходит. Чем громче была слава Сиды, тем менее король мог выносить его рядом с собой. Слова «Саул победил тысячи, а Давид — десятки тысяч» (1 Цар. 18:7) всегда поднимали бурю страстей в душах властителей, чье высокое положение обязывало их постоянно выглядеть лучше всех, тогда как действительность не всегда согласуется с подобными притязаниями. Сколько раз Саул в приступах своей демонической меланхолии покушался на жизнь Давида, столько раз Альфонс преследовал Кампеадора. И этот раз был не последним.

Ведь у этого леонского Саула к чувству зависти, которую латинский историк считает единственной причиной такого его поведения, добавлялись и соображения пользы для государства. Альфонс пожаловал Сиде земли, которые тот завоеует, полагая, что они будут невелики, а Сид неожиданно с первого удара подчинил Альбаррасин, Альпу-энте и Валенсию, а после добавил к ним Тортосу и Дению. Конечно, согласно договору 1089 г. они становились вассальными территориями императора, но ведь сеньория, которую начал формировать Сид, включала в себя один из крупнейших городов Пиренейского полуострова и была так обширна, что могла сравниться только с большими графствами Галисией и Португалией, которые Альфонс пожаловал двум своим зятям. Королю было необходимо аннулировать пожалование, оказавшееся большим, чем он рассчитывал. Гордясь титулом «победоноснейший король (*victoriosissimus rex*)», как он сам именовал себя в грамотах, он не ценил военно-политической деятельности, осуществленной Сидом с полным успехом, и считал, что, как и прежде, может управлять этими территориями сам; поэтому он задумал на следующий год напасть на Валенсию.

Мавританка Зайда и ненависть мудархарской партии к альморавидам

Альфонс был очень раздосадован событиями, происходящими на южной границе его королевства. Сир, альмо-равидский полководец, которому Юсуф поручил вести войну с Мутамидом, осадил Севилью, в то время как его помощники атаковали Хаэн, Кордову и Ронду.

Правителем Кордовы был сын Мутамида, Фатх аль-Мамун, который, поняв, что отстоять город будет нелегко, отправил семью вместе со всеми сокровищами в замок Альмодовар-дель-Рио, ниже Кордовы, который недавно укрепил. Очень скоро, 26 марта

1091 г., Кордова была взята альморавидам и, а аль-Мамун убит. Его голову, насаженную на копье, с триумфом пронесли по всему альмора-видскому лагерю.

После этого вдова несчастного принца, по имени Зайда, вместе с детьми бежала из Альмодовара и попросила убежища у короля Альфонса. Она несомненно сделала это с согласия Мутамида, о котором мы знаем, что он неоднократно просил помощи у императора и предлагал тому Севильский эмират при условии изгнания оттуда альморавидов. Бесспорно выполняя это предложение, пусть через посредство той же Зайды, Мутамид уступил Альфонсу крепости Куэнка, Уклес и Консуэгра вместе со всей территорией эмирата к северу от потерянной Кордовы, землей, еще не захваченной войсками Сиры; кастильские хуглары уверяли, что эта территория была приданым Зайды и что эта женщина отправилась предложить эти земли Альфонсу при условии, что он женится на ней, потому что была влюблена в христианина «понаслышке, не видя его», ибо повсюду говорили о его великой доброте. Хуглары добавляли, что Альфонс взял ее в жены, посоветовавшись с грандами и рикос омбрес, дабы с помощью значительного приданого мавританки расширить Толедское королевство. В этом поэтическом рассказе верно лишь то, что любвеобильный Альфонс, чьи привычки резко контрастировали с целомудренным и здоровым поведением его отца Фернандо, взял невестку Мутамида — не в жены, а в наложницы, и эта мавританка, получив в крещении имя Изабелла, родила императору единственного сына — инфанта Санчо.

Из арабского источника мы знаем, что мавританская принцесса обратилась в христианство, а вместе с ней ее дети, внуки эмира Севильи, и, надо думать, также ее свита. Это еще раз подтверждает справедливость слов, которые лет за пятьдесят до того сказал кордовский философ Ибн Хазм, критикуя равнодушие таифских князей к предписаниям ислама: «Когда они видят, что крест сулит им выгоды, они тут же принимают предложение; они позволяют христианам захватывать мусульманских женщин и детей, передают им города и замки, и по их великой вине мусульмане уходят из многих областей, где вскоре поднимаются колокольни». Ничто так ясно не показывает нам духовное родство андалусских мавров с христианами Севера, как эти слова Ибн Хазма, и никогда представления мудехарской партии не находили более красноречивого выражения, чем это обращение принцессы Зайды и внуков Мутамида в христианство из ненависти к берберским альморавидам.

Но союз и родственные узы между Мутамидом и Альфонсом возникли слишком поздно. Альморавиды быстро завоевали бассейн Гвадалквивира, от Сегуры и Убеды до Альмодовара, и не успел кончиться апрель 1091 г., как Мутамид потерял свой эмират, кроме Кармоны и Севильи.

Альморавиды вытесняют Альфонса из аль-Андалуса

В то время как Сид в Леванте вышел победителем из схватки с недоброй судьбой, Альфонс — хоть ему фортуна по-прежнему благоволила, усилив его в военном отношении за счет городов, которые, как считали, передала королю Зайда (альморавиды вскоре отобрали их), — не смог оказать своему союзнику Мутамиду никакой военной помощи.

Сир ибн Абу Бекр уже скоро, 10 мая, взял Кармону и плотнее стянул кольцо вокруг Севильи. Мутамид снова попросил поддержки у Альфонса, и тот наконец направил к нему значительное войско под командованием Альвара Аньеса, самого авторитетного христианского полководца после Сиды. Однако это подкрепление (в июле 1091 г.?) было остановлено близ замка Альмодовар-дель-Рио: завязалась схватка, в которой погибло много альморавидов, но христиане в конце концов были разбиты, сам Альвар Аньес получил удар мечом в лицо и отступил, оставив в руках противника многих рыцарей, впоследствии долго томившихся в подземельях замка Альмодовар. Вскоре после этого, 7 сентября, африканцы взяли штурмом Севилью, которая уже могла рассчитывать лишь на

собственные силы, и варварски разграбили ее. Мутамид был схвачен и отправлен в Агмат, селение близ Марракеша, чтобы в обществе Румайкии владеть там тягостную жизнь пленника. Когда он со своим гаремом и дочерьми садился на корабль на Гвадалквивире, отплывая в изгнание, опечаленное население Севильи столпилось по обоим берегам реки; женщины, простоволосые, как на похоронах, царапали себе лицо, и когда корабль снялся с якоря, все заплакали, ибо в кончине этого великолепного двора видели гибель всей Андалусии от рук африканских варваров. Но клерикальная партия была выше подобных чувств. Факи-хи, подлинные инициаторы и пособники альморавидского вторжения, воспользовались военным успехом Юсуфа, добившись, чтобы маликитская³⁹ ортодоксия наконец восторжествовала над религиозной терпимостью андалусских дворов и над еретическими сектами, расплодившимися в таифских государствах под покровом этого безразличия; они, маликитские богословы, получили важные официальные должности и через посредство своих фетв, столь почитаемых Юсуфом, руководили важнейшими государственными делами, низвергали с престола монархов, поощряли преследования мосарабов; они, мудрецы и аскеты, с энтузиазмом вступали в ряды войска, вновь придавая борьбе с Севером характер священной войны, прекратившейся после смерти Альмансора.

Таким образом, военно-религиозная реакция во всем брала верх над андалусским националистическим элементом. Сразу же вслед за Севильским эмиратом в руки альморавидов попал и эмират Альмерийский. Доселе неколебимое влияние Альфонса испытало еще два сокрушительных удара: сын Юсуфа, по имени Ибн Айша, в ноябре-декабре 1091 г. захватил Мурсию, причем мавры этого города даже не смогли получить помощь от Альвара Аньеса, на которую рассчитывали, и после этого взял измором грозный замок Аледо, за который столь долго шла борьба. После исчезновения этого последнего христианского плацдарма от императорской власти Альфонса над мусульманами не осталось и следа.

Немногим более чем за год альморавиды захватили четыре основных эмирата Андалусии.

В 1089 г. Юсуфа заботило наличие двух агрессоров — Аледо и Кампеадора; теперь внутри владений мавров не осталось ни одной христианской силы, кроме земель Сиды.

7. СИД ЗАТМЕВАЕТ ИМПЕРАТОРА

Сид укрепляет против альморавидов Пенья-Каделью

После злосчастного расставания с императором в Убе-де Кампеадор попал в более опасное положение, чем когда-либо, однако думал лишь о том, как укрепить свою власть в Леванте.

Предвидя скорое приближение альморавидов, он счел, что надежно защитить Дению будет нелегко, и решил расположить оборонительные линии, прикрывающие вален-сийскую область, несколько севернее.

Сам он расположился на плоскогорье Альбайда, в его низинной части, под очень важной в военном отношении съеррой Беникадель.

«Беникадель» — это искаженное на арабский манер название, под которым эта съерра была известна местным мосарабам в эпоху Сиды, именовавшим ее Пенья-Каделья, то есть «утес-щенок»: такое имя объяснялось ее соотношением с западным продолжением этого хребта, чья ближайшая вершина Монкабрер поднималась на 1400 м, тогда как вершина Каделья — всего на 1100 м.

Под вершиной Беникадель стоял важный замок, который Сид перестроил с помощью строителей и денег, полученных от эмира Валенсии, снабдил его всевозможным

³⁹ Маликиты — последователи религиозно-правовой школы, основанной в конце VIII в. Маликом ибн Анасом; придерживались суровых правил поведения, свойственных для раннего ислама. — *Примеч. ред.*

оружием, собрал там большие запасы хлеба и вина, согнал туда множество скота и разместил многочисленный гарнизон, включающий конницу и пехоту, под командованием Мартина Фернандеса, который захватил и все окрестные замки. Главное стратегическое значение этих позиций состояло в том, что они прикрывали съерру Беникадель, которая подобием гигантской стены загораживает с юга область Валенсии, и лишь на оконечностях этой протяженной громады остаются два прохода из южного горного региона на валенсийскую равнину.

Став таким образом хозяином Пенья-Кадельи, Сид, как точно формулирует старинная поэма, занял «и выход, и вход» из Валенсии, готовясь отразить нашествие с юга. Приняв эти меры, Кампеадор спокойно спустился с гор Беникадель на равнины возле города.

Гот Родриго⁴⁰ и кастилец Родриго

Теперь Сид в его левантийских землях окружало больше опасностей, чем когда-либо.

Самих по себе притязаний эмира Сарагосы на Валенсию особенно опасаться не стоило, но соседство солдат Юсуфа (которые все приближались) вселяло в сердца мусульман дух неповиновения христианской власти, и в любом городе, в любом замке могли поднять голову сторонники альморавидов, к которым относились и недовольные в политическом смысле, и пламенно верующие; они уже передали Юсуфу весь юг Пиренейского полуострова и хотели передать ему также Левант.

С другой стороны, критический момент настал для аль-Андалуса в целом: на смену былой раздробленности таифских княжеств пришли единые действия Африки и Испании, исполненных общего мусульманского духа. Вторжение альморавидов до крайности обострило борьбу обеих цивилизаций полуострова. Раньше тот факт, что этнические различия между народами халифата и северных королевств были не слишком ощутимы, сводил различия между обеими культурами почти на нет: между испанцами-христианами и исламизованными испанцами шла чуть ли не гражданская война, утихавшая по мере того, как укреплялась привычка к сосуществованию; инфант Санчо, сын Альфонса и Зайды, единственный императорский потомок мужского пола, был последним олицетворением этого содружества и терпимости. Но теперь из-за вторжения народов пустыни и роста исламского фанатизма между борющимися сторонами вновь разверзлась пропасть. И со стороны христиан именно Сид был тем человеком, кто, взяв на себя сопротивление победоносным захватчикам, отчетливо понял, что война с ними — это война без мирных договоров, непримиримая война; именно он все резче давал понять испанским мусульманам, что всякий союз с африканцами непростителен.

И пусть император, потеряв Андалусию, демонстрировал неспособность сдерживать продвижение альморавидов, пусть сам Альвар Аньес, как и Бени-Гомесы, терпел крах в столкновении с новой тактикой захватчиков — Кампеадор готовился принять на себя удар всей мощи ислама и. остался непоколебим.

Победив самых высокородных соперников-христиан (Гарсию Ордоньеса, короля Арагона, сеньоров Марки), снискав уважение могущественного графа Барселоны, сделав своими вассалами многих мавританских эмиров, выплачивавших ему немалую дань, Сид к сорока пяти годам стал сеньором обширных земельных владений на Пиренейском полуострове, вызывавших всеобщую зависть. Он мог не сомневаться в своих силах, мог быть уверен в своем признанном превосходстве над всеми воинами своего времени, как выражается Ибн Алькама. Его сердце переполняла надменность. Пора было мечтать о великих свершениях, и изгнанник, ранее непрестанно озабоченный борьбой с постоянными и назойливыми происками врагов, теперь поднялся выше этого. Он уже не

⁴⁰ Автор имеет в виду последнего вестготского короля Испании Родериха (Родриго) (710—711), в правлении которого мусульмане захватили Пиренейский полуостров. — *Примеч. ред.*

мог почивать на лаврах, заслуженных им в немалом количестве, и ощущал в своей душе бурю высших амбиций: он замахивался на то, чтобы пресечь альморавидскую агрессию — не только на востоке полуострова, но и во всей Испании, чтобы сделать своими данниками всех эмиров, какие только есть в аль-Андалусе. Один мусульманин слышал, как Кампеадор в приступе самой пламенной страсти и самой бурной жажды деятельности сказал: «Один Родриго потерял этот полуостров, но другой Родриго спасет его». И эта угрожающая фраза, как пишет Ибн Бассам, проникла в души всех и нагнала ужас на мусульман, внушая им, что бедствия, которых они страшатся, наступят очень скоро. Альмора-виды остановили Реконкисту, у Альфонса не осталось никаких сил для сопротивления им, но Сид объявил, что берет дело всей нации на себя, и маврам его знаменитая фраза отнюдь не казалась пустой похвальбой.

Король Арагона присылает Сиду воинов для гарнизона Валенсии

Конечно, другие испанские государи уже видели в Сиде единственного человека, который способен выступить против альморавидов.

Когда Кампеадор, вернувшись из Беникадели, был в Валенсии, туда (в ноябре 1091 г.?) прибыл посланник короля Санчо Рамиреса Арагонского для переговоров с кастильцем. Санчо, как и Беренгер, был давним соперником Сиды, боровшимся с ним за право взимать дань с мавров, но в конце концов он пошел по пути графа Барселонского, который при всей своей враждебности и упорстве уже заключил мир с изгнанником.

Посланник был отправлен для оказания военной помощи Сиде и привел с собой сорок арагонских рыцарей, которых Сид разместил в валенсийском предместье Алькудия, где располагались кастильцы вместе с епископом этого диоцеза, «саидом Альматраном», которого назначил король Альфонс. В этом маленьком арагонском отряде, который так сдружился с кастильским гарнизоном, несомненно состоял и тот «храбрец арагонский Галинд Гарсиас», которого древний хуглар уважительно упоминает в числе дружинников героя. Подлинные грамоты удостоверяют, что во времена Сиды существовал исторический персонаж по имени Галиндо Гарсия, сеньор Эстады и Лагуарреса в Восточном Арагоне. В том, что воспоминания, используемые хугларом, достоверны, мы убеждаемся еще больше, когда он сообщает нам, что на этого самого Галинда Гарсиаса вместе с кастильцем Альваром Сальвадо-ресом возлагалась охрана великого левантийского города на время отлучки Сиды. Действительно, мы знаем, что в конце 1091 г. Кампеадор покинул Валенсию, оставив в Алькудии арагонского посланника вместе с валенсийским гарнизоном Сиды и со сборщиком налогов, и направился в горы Морельи, где торжественно отметил праздник Рождества.

Новый союз Сиды с эмиром Сарагосы и королем Арагона

Выйдя из Морельи, Сид встал лагерем близ Сарагосы и нанес оттуда визит эмиру Мустаину с целью заключить с ним мирный договор. Обоим союзникам было прежде всего важно возобновить разорванный союз ввиду общей опасности, грозившей обоим со стороны альморавидских войск, которые с запада Пиренейского полуострова двигались на восток, заняв Мурсию и Аледо. Прежде всего это было важно для мавра. Африканское воинство с гор южной Испании, с зубцов многих замков уже видело границу Сарагосы; династии Бени-Худов грозила судьба гранадских Зиридов, севильских Аббадидов, альмерийских Сумаидов, и Мустаин, хорошо это понимая, мог искать спасения только в укреплении позиций Родриго в Леванте. Эмиру нужно было, чтобы Сид встал стеной между передовыми отрядами альморавидов и Сарагосским эмиратом; вот почему Мустаин, теперь уже отнюдь не желая оспаривать у Кампеадора власть над Валенсией, предложил ему поддержку, чтобы самому удержаться на троне.

Заклучив мир с Мустаином, Сид двинулся к Сарагосе и, переправившись через Эбро, встал лагерем совсем рядом с городом. Но в это время Санчо Рамирес, узнав о появлении кастильца и желая поточнее разузнать его намерения, объявил по всему Арагону и Наварре о чрезвычайном созыве войска, при поддержке своего сына Педро, который был его соправителем. Потом, вступив в земли Мустаина, Санчо и Педро отправили Кампеадору послания, выражая желание продолжить переговоры о союзе, начатые еще в Валенсии, и все трое, увидевшись, заключили двусторонний договор о дружбе и взаимопомощи, договор, которому впредь предстояло лишь укрепляться и стать нерасторжимым. Кроме того, Сид очень успешно выступил в роли посредника и добился заключения мира между Санчо Рамиресом и Мустаином.

Эти мирные договоры, душой которых был Родриго, упрочивали единство мусульман и христиан Испании перед лицом африканского вторжения, создавали коалицию для защиты Леванта от амбиций Юсуфа, уже захватившего сначала юго-запад, а недавно и юго-восток Пиренейского полуострова. Средства, видимо, предоставил Сиду не только Мустаин — Санчо Рамирес тоже принял, пусть незначительное, участие в этой обороне Леванта уже тем, что отправил в гарнизон Валенсии сорок арагонских рыцарей, а также укрепил небольшой прибрежный район в Кастельоне и Оропесе в качестве тылового плацдарма для поддержки операций Сида в валенсийском регионе.

По окончании этих переговоров Санчо Рамирес вернулся в Арагон, а Родриго остался в Сарагосе, будучи принят Мустаином с большим почетом и улаживая дела этого королевства, пока от организационных работ его не отвлекла очередная угроза, исходящая, разумеется, не со стороны альморавидов.

Альфонс в союзе с Генуей и Пизой

Король Альфонс в то время собирал большое войско и готовил провиант. Как император он рассчитывал на короля Арагона и графа Барселоны. Он задумал большую военную операцию и ради этого обратился за помощью также к республикам Генуе и Пизе. В то время флот двух этих городов составлял основную военно-морскую силу христиан в Средиземном море; генуэзцы и пизанцы еще в 1001 г. организовали экспедицию в Сирию, а в 1088 г. — в Тунис. Теперь Альфонс договорился с обоими городами, чтобы их флот помог ему достичь главной цели кампании — захватить Валенсию, а кроме того, подошел бы к Тортозе (тоже даннице Сида) и атаковал город при поддержке Санчо Рамиреса и Беренгера. Конечно, арагонский король не считал, что, желая овладеть Тортозой, он нарушает союз с Сидом; мы только что сказали, что он с полного согласия Кампеадора владел Кастельоном и Оропесой, расположенными совсем близко к Валенсии.

Приступив к осуществлению этого плана, Альфонс направился к Валенсии, поставил свои шатры в виду города, в Пойо-де-Хубалья, и потребовал от кайдов замков, подчиненных столице, чтобы они теперь платили ему ту дань, какую пять лет платили Сиду. Это требование к данникам Сида, столь обидное для него, показывало, что к изгнаннику и его свершениям король относится враждебно.

Сид, которого в Сарагосе не было, узнал, что император, не удовольствовавшись ни конфискациями, ни арестом Химены, ни оскорблениями в ту прискорбную ночь в Убеде, теперь намерен по всему побережью свести на нет результаты его столь удачных действий и отобрать у него земли его данников.

Эту область Леванта три года назад пожаловал ему тот же император, и в ней жил епископ, назначенный тем же Альфонсом; Сид понимал, что Альфонс не сможет покорить ее, как это покажут события. Теперь для того, чтобы сохранить эти земли за собой, у Кампеадора было два законных пути. Первый — явиться к королю, помочь ему в войне с альморавидами и уговорить его помириться; но это уже было сделано в Руэде и в Гранаде, а примирение не состоялось, — предпринимать третью попытку было бы глупо. Вторым законным путем было применение силы: если инфансон-изгнанник предлагал королю по-

мощь в войне и не получал прощения (год назад в Убеде военная поддержка Сида была отвергнута), согласно фуэро он должен был нанести войску, замкам и земле короля столько ущерба, сколько сможет; но Сид не сделал и этого, по-прежнему не желая пользоваться правом войны со своим сувереном. Тем не менее дать урок было необходимо.

Кампеадор направил в лагерь в Хубалье послание, выразив императору свое изумление, что Его милость изволит так его оскорблять; он божился, что королю вскоре придется осознать, сколь дурной совет дали тому приближенные. Сид уверял, что не предпримет ничего против своего сеньора, хотя тот его совершенно незаслуженно обидел, но терпеть подобного бесчестия не может и потому вынужден будет отомстить, обрушив свою месть на дурных советников — пусть они покажут, так ли удачно смогут защищаться от него с оружием в руках на поле боя, как нападают с помощью языка при дворе.

Провал экспедиции Альфонса

Получив это сообщение, император, хорошо зная Сида, испугался за его врагов, за группировку Гарсии Ордоньеса и Бени-Гомесов, и предупредил их об опасности.

При этом военные действия императорской армии в Леванте шли очень неудачно. Флот Генуи и Пизы запаздывал, а Альфонс, взяв недостаточно припасов, столкнулся с нехваткой провизии; больше он ждать не мог и вынужден был свернуть лагерь, к удивлению встревоженных валенсийцев. Когда большое войско уже удалилось, подошел итальянский флот в количестве четырехсот кораблей; когда их первый приступ был отбит, они напали с моря на Тортосу, в то время как Санчо Рамирес и Беренгер атаковали ее с суши, но взять ее не сумели и вынуждены были отступить с очень тяжелыми потерями. Овладеть этими городами Леванта было не по плечу никому, кроме Сида, — теперь это ясно показали Валенсия и Тортоса.

Месть Кампеадора

Тем временем Родриго присоединил к своим дружинам мавританскую конницу и пехоту, которую дали ему эмиры Сарагосы и Лериды, и, желая воевать не с Альфонсом, а с его дурными советниками, избрал объектом своей мести Гарсию Ордоньеса, своего главного врага. Он вторгся в земли Калаорры и Нахеры, оставляя за собой пожар, опустошение и разор; взял приступом Альберите, наследное владение жены Гарсии Ордоньеса, представительницы королевского рода; разграбил Логроньо и уничтожил на своем пути самым свирепым и безжалостным образом все. Но граф так и не поспешил на защиту своего графства и собственных вотчин.

Уже на обратном пути в Сарагосу Сид завершал свою месть штурмом и взятием Альфаро, когда наконец получил от Гарсии Ордоньеса послание с требованием, чтобы он ждал здесь семь дней, пока граф не придет и не даст ему бой. Кампеадор согласился и стал ждать в условленном месте.

Гарсия Ордоньес собрал большое войско из воинов всех своих родичей и представителей своей группировки: в него входили рикос омбрес и сеньоры земель от Саморы, Карриона и Салданы, управляемых Педро Ансуресом, главой рода Бени-Гомесов, до гор Оки, где властвовал Альвар Диас, шурин Гарсии, и до самой Памплоны. С огромной армией Гарсия Ордоньес решительно вступил в опустошенный Альберите, но там, увидев разоренную землю, зная, что Сид все ближе и ближе, он исполнился страха, и «прославленный дон Гарсия, почитаемый Богом и людьми, столп величия королевства», как его официально величал дон Альфонс, более не решился сделать ни шагу.

Сид, жаждавший столкновения, прождал в Альфаро семь дней, «недвижный как скала», по словам его хрониста, но с досадой убедился, что граф и его родичи не вы-

полняют обещания атаковать его, что они направляются обратно в свои земли и что в Альберите, пустынном и безлюдном, больше не осталось ни одного солдата.

В душе Альфонса под впечатлением провала левантийского похода, как и после катастрофы при Саграхасе, возродились чувства симпатии к Сиду. Теперь для этого была и еще одна причина — он увидел, что его знатнейшие рикос омбрес не посмели принять бой под Альфаро. Его раскаяние было настолько сильным, что он написал Кампеа-дору (возможно, снова через королеву Констанцию) письмо с просьбой простить его, признавая себя виновным в былых проступках и уверяя: мол, когда тот пожелает вернуться в Кастилию, он найдет свои вотчины свободными и неподатными. Сид дал Альфонсу очень учтивый ответ, заявляя, что воспринимает прощение как великую милость и умоляет не верить дурным советникам, ибо он, Сид, всегда будет жить во имя службы своему королю⁴¹.

Так Альфонс наконец понял, что его неудобный вассал верен ему и что лишь один он способен продолжить в Леванте то, чего четверо недавно объединившихся в союз христианских государей не смогли даже начать.

Солнце императора меркнет

Альфонс также ясно сознавал, что его военные силы утратили свою былую мощь. Всего за несколько месяцев во время вторжения в Севилью и в Мурсию, и в попытке поддержать Аledo, их несостоятельность стала очевидна. Войско, посланное теперь на замок Альмодовар, чтобы освободить пленных, находившихся в его застенках после прошлогоднего поражения, в свою очередь было отброшено. Сам Альфонс после неудачи под Валенсией потерпел в том же злополучном 1092 году под Хаэном почти такой же сокрушительный разгром, как и при Саграхасе, что стало новым успехом альморавидов, о чем мусульманские поэты часто будут упоминать в стихах.

Было хорошо видно, что ситуация на Пиренейском полуострове изменилась в корне. Прежде слабость таифских государств позволяла Фернандо I, Санчо II и тому же Альфонсу VI развивать и беспрепятственно использовать старую концепцию Леонской империи, превращая мавританских эмиров в своих вассалов и эксплуатируя их. Тогда Кампеадор помогал Санчо и отступал в сторону перед Альфонсом, либо повиновался его повелениям как вассал. Но теперь появился великий Эмир мусульман и, по выражению Ибн Бассама, низверг таифских эмиров с их тронов, «как солнце гасит перед собой звезды»; альморавид-ские войска с их религиозным воодушевлением, с их боевым духом, сильные и сплоченные, с их новой тактикой действия большими массами, управляемыми с помощью барабанного боя, парализовали действия христиан на юге. Отряды Альфонса, привыкшие разъезжать по Андалусии во всех направлениях, как на военной прогулке, после разгрома при Хаэне прекратили набеги, какие до Саграхаса устраивали раз или два в год. Присутствие альморавидов требовало от императора прибегнуть к помощи более надежных сил, чем официально превозносимые гарсии ор-доньесы. На многовековом поле битвы все более необходимым становился Сид. Но Альфонс был из тех властителей, которые не обладали достаточным величием души, чтобы дать дорогу тем, кто мог бы управлять лучше благодаря способностям; он предпочитал иметь дело с удобными ему людьми, обходиться без тех, кто сдерживал его инициативу, и он упорно игнорировал Кампеадора. И потому его счастливая звезда была навсегда погашена Эмиром аль-муслимин. Конечно, у него был и другой выдающийся полководец — Альвар Аньес,

⁴¹ Подобное примирение описывается в эпической поэзии, когда Альфонс III, услышав от Бернардо дель Карпио оправдание, почему тот, будучи изгнанником, долго вел войну, прощает вассала: «Он следовал в этом праву и законам». То же говорят о Сиде — не Масдеу и Доци, но все современные исследователи, знакомые со средневековыми институтами, как, например, Э. Мейер: «Поведение изгнанника Сиды определенно соответствовало закону, он даже имел право воевать с королем Кастилии, а сражался только с неверными и с христианскими сеньорами — своими врагами». — *Примеч. авт.*

племянник Сида и второй по таланту после дяди; конечно, и сам король по-прежнему проявлял удивительную энергию в борьбе с захватчиками; но иных заслуг, кроме героической стойкости перед лицом несчастья, императорские войска более не имели. Пришельцы из Африки обладали мощью, неодолимой ни для кого. Ни для кого, кроме Кампеадора.

Альфонс еще пытался вести военные действия в Леванте, и еще дважды самонадеянный Гарсия Ордоньес провалил планы своего сеньора: один раз в 1094 г., действуя против Сида, а другой — в 1096 г., действуя против союзника последнего, короля Арагона. В отношении альморавидов Альфонс, как мы уже сказали, отказался от наступательной тактики, ограничиваясь обороной своих границ в Толедо и Коимбре, и то эти земли по-прежнему сильно страдали от набегов врагов.

И поэтому на фоне деятельности Сида Альфонс в дальнейшем стал незаметен. Старинная историография в лице архиепископа Толедского предельно четко отражает эту незаметность императора, не упоминая никаких его действий в течение двадцати двух лет — от поражения при Саграхасе до поражения при Уклесе.

Нас король будет интересовать далее разве что в связи с несчастьями, которые выпадут на его долю. Мимоходом напомним, что в начале 1093 г. умерла королева Констанция. После ее смерти у Сида не осталось при дворе ни одного влиятельного заступника.

Борьба Сида с альморавидами

Альфонс отступил в тень и впредь мы сосредоточим внимание на Сиде.

Когда император удалился из-под Валенсии, граница между обеими зонами, на которые разделился аль-Андалус после битвы при Саграхасе, стала резче, чем когда-либо. Юго-западная часть его полностью подпала под власть альморавидов, всякая активность императора на этих территориях прекратилась, и они проявляли все большую агрессивность по отношению к христианам. Восточная часть подчинялась исключительно Сиду; уверенный в своих силах, он объединил и укрепил эту зону, заставив Санчо Рамиреса, Беренгера и Альфонса отказаться от несбыточных притязаний.

Теперь фигура Кампеадора возвышалась сама по себе, величественно-одинокая, перед лицом бескрайней альморавидской империи как вызов победителю Альфонса и неодолимым ламтунским полководцам — завоевателям всех таифских эмиратов.

В результате перед Кампеадором, с такими усилиями создавшим свой протекторат, встала еще более сложная задача — сохранить его, изводя в нем всякое альморавидское влияние. Мы уже говорили, что все недовольные, сколько их было в княжествах этой восточной зоны, силою вещей становились сторонниками альморавидов, и в сара-госских землях вспыхивали открытые мятежи, участники которых несомненно рассчитывали на поддержку какого-нибудь полководца из армии Юсуфа. Поэтому Сид считал нужным как можно оперативнее отреагировать на них и отложил возвращение в Валенсию (где не был уже шесть месяцев), продолжая реорганизацию обороны Сарагосско-го эмирата от неминуемого нашествия.

Мустаин, страшившийся той же судьбы, какая уже постигла других таифских эмиров, осыпал Сиду почестями и богатствами, и тот потратил три месяца и более на подавление восстаний сторонников альморавидов. В каждую землю, выказавшую неповиновение Мустаину, методично направлялись карательные экспедиции, и к концу сентября - началу октября 1092 г. Сид забрал себе собранный в них урожай, в том числе винограда.

Но находиться в Сарагосе Сиду оставалось недолго. Когда он, как мы сказали, занимался усмирением земель, где сильны были симпатии к альморавидам, к нему прибыл посланник от аль-Кадира с очень дурными вестями, вынудившими его как можно скорее возвратиться в Валенсию.

Глава IV

СИД ПРОТИВ ЭМИРА АЛЬ-МУСЛИМИН

1. АЛЬМОРАВИДЫ И СИД НАПРАВЛЯЮТСЯ К ВАЛЕНСИИ

Заговор Ибн Джаххафа в Валенсии

Сид не был в Валенсии уже девять месяцев, и поскольку в столь опасное время он удалился так надолго, дела в городе приняли очень скверный оборот.

Когда Сид отъезжал в Морелью и Сарагосу, Валенсия была покорным полухристианским городом. К югу от ее стен находился мосарабский квартал Райоса, где вокруг церкви святого мученика Викентия (Сан-Висенте) стояли дома христиан, издавна живших в подчинении у мавров; в предместье Русафа тоже жило много мосарабов; к северу простиралось предместье Алькудия, где квартировали дружины Сиды и сорок рыцарей короля Арагона и где находилась резиденция епископа, назначенного королем Альфонсом; в самом городе тон задавали мирные мусульмане из происпанской партии; сборщик податей Ибн Альфарадж, ставленник Кампеадора, собирал с них налоги и как визирь эмира аль-Кадира всем заправлял и руководил; за городом, в окрестностях, власть находилась в руках нескольких рыцарей Сиды, поддерживавших порядок в деревнях области. Но держать всех таким образом в подчинении было достаточно трудно, для этого требовались организаторские таланты Сиды; вот почему его отсутствие создавало опасность, особенно в период, когда альморавиды подходили все ближе.

Действительно, когда на юго-востоке полуострова появился Ибн Айша, завоевав Мурсию и Аledo, все рьяные мусульмане воодушевились. Сын Юсуфа был человеком ученым, справедливым, богобоязненным, решительным борцом с христианами; поэтому вся непримиримая и про-африканская часть населения Валенсии и все недовольные правлением Родриго и его данника — слабого, а теперь еще и больного эмира аль-Кадйра — видели в пришельце спасение и надежду; они «жаждали прихода Ибн Айши, как большой жаждет выздоровления», и сдерживал их только страх перед Кампеадором.

Центром, к которому тяготели недовольные, был дом кадия Джафара ибн Джаххафа, «Кривоногого». Он принадлежал к высшей валенсийской знати; его род был чисто арабского происхождения — из Йемена и поселился в Валенсии со времен мусульманского завоевания, всегда пользуясь величайшим авторитетом. В дружеском кружке у кадия свободно говорили нелестные слова по адресу Кампеадора, осмелев от долгого отсутствия христианина; злословили и о визире Ибн Альфарадже как невыносимом человеке, который с тех пор, как эмир аль-Кадир тяжело заболел, один распоряжался в Валенсии.

Визирь, конечно, знал, о чем здесь говорилось, но не решался наказать такого состоятельного человека, как Ибн Джаххаф, надеясь, что вот-вот вернется Сид и тогда весь этот ропот мигом стихнет.

Однако дружеские собрания у кадия быстро переросли в настоящий заговор. Ибн Джаххаф, боясь визиря, написал в Мурсию Ибн Айше, уверяя, что, если тот придет в Валенсию, он передаст ему город; одновременно он подговорил кадия Альсиры сделать со своей стороны альморавидскому принцу аналогичное предложение.

Ибн Айша, не упуская случая, двинулся в путь, и все встречавшиеся ему крепости сдавались. Каид Дении при одной вести о приближении завоевателя Мурсии оставил крепость. Далее, как было обещано, Ибн Айше сдали и Альсиру. Наконец, когда в Валенсии узнали обо всем этом и о том, что альморавиды уже в Альсире, не более чем в пяти лигах отсюда, рыцари Сиды вместе с рыцарями Санчо Рамиреса и епископом короля Альфонса, как войско без командира, покинули город, прихватив из своего имущества что могли.

Альморавиды под Валенсией

Визирь Ибн Альфарадж, увидев, что христиане оставили его без защиты, затрепетал. Все, что он делал, это периодически наведывался в алькасар, информируя обо всем бедного эмира аль-Кадира, который хоть уже и выздоравливал после долгой болезни, но еще не садился на коня и не показывался публике. Оба пришли к общему мнению относительно самых неотложных мер: вывезли эмирскую казну, отправив большие караваны, навьюченные деньгами и драгоценностями, в замки Сегорбе и Олокау под защиту верных кайдов, держащих эти крепости, усилили стражу из пехотинцев и арбалетчиков в алькасаре и написали Сиду в Сарагосу, чтобы он приезжал как можно скорей.

Но, увы, в напряженном ожидании они провели двадцать дней, а Сид еще не пришел, когда однажды на рассвете послышалась оглушительная дробь альморавидских барабанов, доносившаяся от ворот Боателья. Грохочущий боевой музыкальный инструмент, прежде никогда не слыханный в Валенсии, переполошил население, вселив в сердца одних ужас, других — надежду; потом по городу пронесся слух, что под стенами находится пятьсот альморавидских всадников, но на самом деле их было всего двадцать. Ибн Айша, не желая ни покидать Дению, ни слишком рисковать, поручил альморавидскому кайду Альсиры, Абу Насиру, помочь Ибн Джаххафу в Валенсии в осуществлении его планов, и кайд дерзнул ударить по городу всего с двадцатью своими всадниками и еще двадцатью альсирскими, одетыми по-альморавидски: такой страх наводили эти африканцы.

Ибн Альфарадж в страхе побежал в алькасар и, посоветовавшись с эмиром аль-Кадиром, приказал охранять ворота, велел пехотинцам и арбалетчикам подняться на стену, а также послал стражников эмира за Ибн Джаххафом. Но тот, догадываясь о намерениях визиря, не открыл посланцам ворота своего дворца, пока там не собралась масса его приверженцев и сторонников, а когда последних вокруг него стало много, сам направился в алькасар и, встретив визиря Ибн Альфараджа, арестовал его и бросил в тюрьму.

Тем временем мятежники стеклись к воротам наружной стены, вытеснили с башен солдат аль-Кадира и, поскольку не могли открыть створки ворот, подожгли их, а тем временем самые нетерпеливые бросили за стену веревки, и альморавиды взобрались по ним.

Полный успех переворота

Неразбериха все возрастала, и альморавиды уже штурмовали алькасар. У эмира аль-Кадира, чье робкое сердце стало еще малодушнее из-за болезни, от которой он только-только выздоравливал, осталась одна мысль — переодеться и бежать, смешавшись с женщинами своего гарема, которые собирались покинуть дворец, чтобы не стать жертвами бесчинствующей толпы. Кроме жизни, эмир хотел бы спасти кое-какие сокровища. Основные богатства уже находились в самых надежных замках его эмирата, теперь же он спешно собрал в сундучок драгоценности, к которым испытывал самые глубокие и интимные чувства, особую привязанность, роковые сокровища, история которых — это история многих былых и будущих знаменитых бедствий. Поверх своей одежды он набросил женскую и опоясался самым ценным украшением, той драгоценностью, которую арабские историки описывают с запоздалым вое хищением, — изумительным поясом, усыпанным жемчугом и бриллиантами, мерцавшими радужным блеском среди ярких цветowych пятен, которые создавались тысячами блесков сапфиров, рубинов и изумрудов. Никогда во дворцах не сверкало подобной драгоценности: ею как ценнейшей хвалилась три века тому назад султанша Зубайда, жена знаменитого Харуна ар-Рашида,

султанша из «Тысячи и одной ночи», ослепившая Багдад потрясающими модами и фантастической роскошью. И, поскольку в минуты опасности мысль порой улетает далеко, аль-Кадир мш вспомнить о грабеже алькасаров Багдада, когда султан аль-Амин, сын Зубайды, был убит, а его богатства похищены и достались кордовскому халифу. Не ожидал ли он теперь такой же судьбы, когда грабеж вот-вот мог начаться и в алькасаре Валенсии? Когда Кордовский халифат рухнул, этот завидный пояс попал в руки эмира Мамуна Толедского и его невестки, матери аль-Кадира; теперь с редчайшей драгоценностью у него ассоциировалось чувство любви, и потому аль-Кадир повязал ее поближе к телу, желая спасти ее или умереть вместе с ней.

Итак, аль-Кадир бежал из своего дворца, смешавшись с женщинами и рассчитывая вместе с некоторыми из них укрыться в уединенном домике при бане.

Бунтовщикам быстро удалось захватить алькасар; они убили двух христиан, охранявших ворота и одну из башен, передали крепость альморавидскому каиду Альсиры и принялись ее грабить, хватая в покаях эмира все, что попадалось на глаза.

Ибн Джаххаф, возвратившись домой и увидев, как все удачно сложилось, возгордился перед прочими согражданами: все население на его стороне, визирь Сида в тюрьме, эмир бежал. После такой удачи в душе кадия, как грибы после осеннего дождя, во множестве выросли новые амбиции и вожделения. Он дознался, что аль-Кадир не покинул Валенсию; проведя расследование, он выяснил, что тот скрывается в домике рядом с баней, а при нем сундучок с драгоценностями и пояс султанши Зубайды. Теперь у него была одна забота — тайно захватить эти сокровища. Сообщника для этого он нашел в одном юноше, чью семью аль-Кадир сильно обидел в Толедо тринадцать лет назад; этот молодой человек, одержимый застарелой жадной мести, с несколькими родичами взялся целый день следить за беглым эмиром в его убежище, а когда настала ночь, напал на него, обезглавил и, обыскав труп, тайно отнес драгоценности Ибн Джаххафу (это произошло в ночь с четверга на пятницу 28—29 октября 1092 г.). Голову аль-Кадира, выставленную как трофей на обозрение толпы, насадили на копьё и пронесли по улицам, а потом Ибн Джаххаф распорядился выбросить ее в искусственный водоем близ своего дома.

Тело эмира аль-Кадира пролежало в луже крови в хижине до утра, пока какие-то злодеи не бросили его на ближнюю свалку, где закапывали верблюдов. Никто не осмелился выразить симпатий к убитому, тем более обличить цареубийцу. Лишь один милосердный человек, торговец, подобрал обезглавленный труп, положил его на ложе из веревок без тюфяка и, покрыв старой рогожей, вывез из города и похоронил без савана, «так что над ним не заплакали ни мавр, ни мавританка», словно это был простолудин.

Когда Ибн Джаххаф творил все эти злодеяния, шел месяц рамадан — месяц поста и покаяния.

Ибн Джаххаф — узурпатор

Валенсия оказалась под муниципальным управлением, став чем-то вроде республики, во главе которой стояла альхама, или сенат, составленный из видных горожан, где председательствовал кадий; это было обычной практикой в мусульманских городах Испании, пока трон пустовал. Но Ибн Джаххаф, избавившись от аль-Кадира и присвоив многие его богатства, сразу же повел себя как монарх, рассчитывая взойти на престол. Помещения своего дворца он обставил чрезвычайно богатой мебелью, вокруг них день и ночь стояла стража; появляясь на публике, он проезжал по улице верхом в окружении всадников и ловчих, охранявших его особу; горожане, чтобы полюбоваться им, высовывались из дверей, а валенсийки приветствовали его криками радости — мелодичными возгласами «лу-лу-лу!», какие мусульманские женщины издают при пении и во время праздников. Он очень гордился этой дешевой популярностью и постоянно держался как эмир, но способностей правителя ему не доставало.

Хоть Джафар ибн Джаххаф, «Кривоногий», и не блистал талантами, но был человеком достаточно хитрым и властным, чтобы путем оттяжек и проволочек выходить и) трудных положений, пользоваться теми или иными людьми, но презирать их. Он ни во что не ставил альморавидского каида Абу Насира, который жил в алькасае и которому он был обязан успехом переворота, не допускал его вмешательства ни в какое дело и лишь нехотя и скрепя сердце выдавал суммы, нужные для содержания муниципалитета и войска.

Его кичливость особенно раздражала друзей покойного монарха. Ибн Тахир, бывший эмир Мурсии, всегда выказывавший искренние дружеские чувства к аль-Кадиру, не выносил высокомерия этого гордеца, видевшего возможного соперника во всяком авторитетном человеке. Свое негодование Ибн Тахир изливал в стихах, где выражал общественное мнение, осуждавшее Ибн Джаххафа: «Берегись, о Кривоногий, ведь ты оказался в опасном положении, убив эмира аль-Кадира и облачившись в его тунику. Настанет день, ты заплатишь за все и не найдешь убежища, чтобы скрыться».

И действительно, угроза наказания очень скоро помешала Ибн Джаххафу надменно наслаждаться царской роскошью, права на которую он узурпировал.

Сид приближается к Валенсии

В начале переворота в Валенсии, когда Сид получил весть, что его кастильцы оставили этот город, что альмо-равиды продвигаются на север по левантийскому побережью и что эмир аль-Кадир перепуган, он счел, что реорганизация обороны Сарагосского эмирата от альморавидов завершена, и решил спешно отправиться в путь, чтобы предотвратить опасность более непосредственную. Мустаин, очень в этом заинтересованный, распорядился помочь Сиду людьми и деньгами для экспедиции.

Пустившись с войском в дорогу, Сид, подойдя к Валенсии уже близко, узнал о смерти аль-Кадира и о том, что в город вступили альморавиды.

Что мог теперь поделаться Кампеадор? Юсуф действительно был эмиром всех мусульман Нигера, Сахары, Марокко, аль-Андалуса, в его империю входило пять климатических зон земного шара, на повседневной молитве его имя звучало с минбаров 1900 соборных мечетей (альхам), под его власть попали эмираты Гранады, Малаги, Севильи, Альмерии, Мурсии, Дении, только что пала и Валенсия. Не было ли безумием со стороны Сиды пытаться отобрать у альморавидов их добычу, когда этого не смогли сделать сам император и Альвар Аньес, несмотря на их неоднократные попытки помочь Гранаде, Севилье и Мурсии?

Узнав, что власть в Леванте им утрачена, Сид без колебаний двинулся на великого врага. Он проделал переход так быстро, как только мог, и, несмотря на трудности со снабжением, спешно разбил лагерь при Пойо-де-Хубалья, недалеко от Валенсии; после он обычно говорил, что в тот день, когда он встал под валенсийским Пойо, у него было всего четыре ковриги хлеба.

Туда, в этот лагерь, явились к нему все, кто бежал из Валенсии в Хубалью, сторонники испанцев и слуги эмира аль-Кадира, требуя мести и обещая повиноваться Сиду и следовать за ним в жизни и смерти. Но каид, державший этот замок от властителя Альпуэнте, Ибн Ка-сима, не решился впустить Кампеадора, сочтя его дело проигранным.

Сид сразу же начал осаду Хубальи и открыл боевые действия против Валенсии. В качестве первого предупреждения он отправил Ибн Джаххафу презрительное послание: «Благодарение Богу, что помог тебе поститься в этот месяц рамадан; ты благочестиво завершил этот пост добрым жертвоприношением, убив своего государя!» Здесь в словах Сиды отразилось общественное мнение, приписывавшее убийство аль-Кадира Ибн Джаххафу; далее в письме он упрекал последнего за то, что тот бросил голову эмира в пруд, а тело в место захоронения верблюдов. Ибн Джаххаф дал уклончивый ответ, заявив, что город принадлежит Юсуфу, государю альморавидов: если бы Сид пожелал отдать

себя в их распоряжение, Ибн Джаххаф охотно помог бы ему добиться милости Эмира всех мусульман.

Родриго послал Ибн Джаххафу второе письмо, полное угроз, бросая ему и всем его сторонникам в Валенсии обвинение в предательстве. Он поклялся самыми торжественными и священными клятвами, что отомстит за смерть эмира аль-Кадира, которому был покровителем, и не перестанет преследовать предателей, пока месть не свершится.

Так 1 ноября 1092 г. была объявлена война с целью возмездия за цареубийство.

Сид сразу же начал отправлять от Хубальи воинов в набеги на разорение окрестностей столицы и приказал сообщить по всем замкам валенсийской территории, чтобы немедленно поставили провиант христианскому войску: каид, который замешкается с выполнением этого приказа, будет смещен со своего поста.

Увидев, что Кампеадор решился на войну, никто не посмел ослушаться, и он стал воевать с Валенсией, посылая от Хубальи каждый день по два конных отряда для разорения орошаемых районов города. Тех валенсийских и альморавидских всадников, которые пытались воспрепятствовать этому ущербу, они истребляли.

Мудехарская, или происпанская, партия в городе желала заключения мира во имя прекращения повседневной резни, но Сид объявил, что не подпишет мира, пока не будут изгнаны альморавиды, а этому категорически противилась партия непримиримых, или проафриканская, во главе которой стоял род Бени-Вахибов, давних врагов рода Ибн Джаххафа.

В конечном счете решение всей проблемы зависело от третьей партии — правящей, личной партии Ибн Джаххафа.

Хитрые маневры Ибн Джаххафа

Ибн Джаххаф мечтал лишь об одном — стать эмиром, и ради этого попробовал подружиться с Кампеадором. Зная неприязнь кастильца к альморавидам, он решил продать ему свою поддержку в изгнании из Валенсии этих беспокойных гостей. Сид принял дружбу кадия, не обвиняя его, как в начале войны, но внятно заявив о верности убитому эмиру.

Не придав значения этому предостережению, Ибн Джаххаф счел, что путь свободен, и принялся урезать выплаты Абу Насиру, альморавидскому каиду, ссылаясь на нехватку денег; таким обходным манером, не слишком рискованным, он рассчитывал вынудить того покинуть город. Прежде он сумел с помощью альморавидов отделаться от аль-Кадира и оставить ни с чем Сиду; теперь он хотел при поддержке Сиды избавиться от альморавидов, не слишком рассердив при этом юсуфовского каида; в новой ситуации обвинения и угрозы Сиды уже казались забытыми. Ибн Бассам справедливо замечает, что лукавый Ибн Джаххаф в своей двойной игре, пытаясь использовать и наших и ваших, забыл известную басню: лиса, увидев двух баранов, яростно бодавшихся, стала слизывать кровь, от которой намокали мохнатые лбы обоих дерущихся животных; все шло прекрасно, пока однажды бараны не ударили головами с двух сторон лису и не убили ее. Положение кадия Валенсии между Сидом и альморавидами, столкнувшихся меж собой, было не более безопасным.

В июле 1093 г., после восьми месяцев войны, дело стало клониться к ее завершению. Строптивный замок Хубальи сдался, и рядом с этой крепостью Сид за несколько недель, к общему удивлению, возвел целый город со стенами, церквями, складами и рынками, таким образом показав свое намерение никогда не отступить. Одновременно в том же июле он взял приступом оба северных предместья Валенсии — Вильянуэву и Алькудию, и валенсийцы, увидев, что их взяли в кольцо, перекрыв им входы и выходы из города, решили капитулировать.

В ответ Сид выдвинул предварительное условие — изгнание из города альморавидов, которое с учетом очень плохих отношений между Абу Насиром и Ибн Джахха-фом принять было нетрудно; по условиям соглашения Валенсия должна была вновь платить то же, что платил аль-Кадир, — тысячу динаров в неделю плюс все недоимки с момента начала переворота; христианское войско обязывалось отойти в Хубалью и в периоды, когда Сид будет находиться в этой земле, квартировать там. При этих условиях была подписана капитуляция, согласно которой Валенсия вновь становилась данницей Родриго, как при аль-Кадире.

Во исполнение договора альморавиды покинули Валенсию, и Сид послал с ними нескольких рыцарей, благополучно проводивших их в Дению. После этого осаждающее войско отошло в Пойо-де-Хубалья.

2. СИД БРОСАЕТ ВЫЗОВ ЮСУФУ

Письма Юсуфа и Сиды

Юсуф, Эмир аль-муслимин, повелитель мусульман, не потерпел сдачи Валенсии. Он считал себя и считался властелином всего аль-Андалуса; он признавал верховенство аббасидского халифа Багдада, Эмира аль-муминин, Повелителя правоверных, и тот объявил его сувереном Испании, Магриба и прочих подчиненных ему земель, что было провозглашено в мусульманских мечетях. Юсуф не мог допустить, чтобы христианин вознамерился отнять у него большой город в землях, которые ему пожаловал обладатель высшей власти в исламе.

Вскоре после подписания капитуляции Валенсии Юсуф отправил из Марокко Кампеадору послание, в котором требовал, чтобы тот ни в коем случае не смел оставаться в валенсийских землях. Но Родриго ответил ему возмущенным и презрительным письмом, а кроме того, разослал всем эмирам аль-Андалуса заявления, что из страха перед ним Юсуф не дерзнет переправиться через море и прийти на помощь Валенсии.

И эти слова Сиды не выглядели пустым бахвальством. Чтобы наказать Кампеадора за дерзость, Юсуф должен был подготовить мощное войско; но его отплытие задерживалось, поскольку Эмир аль-муслимин не был уверен, что сможет встать во главе его и прибыть лично, — такие разговоры Ибн Алькама слышал в Валенсии.

Теперь оба исторических мира, исламский и христианский, были представлены исключительными личностями — Юсуфом и Кампеадором; человек из Сахары и кастилец встали друг против друга, и их противостояние сконцентрировало в себе всю борьбу обеих цивилизаций на Западе.

А когда войско, подготовленное в Африке, наконец переправилось через Гибралтарский пролив, но Юсуф остался у себя, подтвердилось, что могучий Эмир аль-муслимин пока воздерживается от схватки. Этот человек очень боялся, что его лавры победителя при Саграхасе увянут, и, вспоминая это славное сражение, обычно облакал свои опасения в религиозную оболочку: «Победы, — полагал он, — суть очень явные дары Бога, а я уже получил слишком большой дар».

Родриго готовится к сопротивлению (июль-август 1093 г.)

Если Юсуф, опасаясь непостоянства фортуны, решил не подвергаться превратностям войны и вел себя как удачливый и осторожный игрок, то для Родриго эта борьба была не шансом и не удачей, а жизненной необходимостью. Когда Сид услышал, что на полуострове высадилось альморавидское войско, он развернул широкомасштабные приготовления к обороне. Но первым его шагом было удивительное решение смягчить условия капитуляции, недавно подписанной с валенсийцами, чтобы убедить их, что он не боится Юсуфа: он неожиданно назначил им срок, возбуждавший у осажденных новые

надежды. «Добрые жители Валенсии, — сказал он, — я даю вам отсрочку на весь август: если тем временем придет Юсуф и, победив, изгонит меня из этих земель, будьте его подданными и служите ему; если же он не сможет этого сделать, оставайтесь под моей властью». «Непримиримые» Валенсии с удовольствием согласились и немедленно разослали Юсуфу и всем альморавидским эмирам, находящимся в аль-Андалусе, письма, чтобы те непременно в течение августа пришли на помощь Валенсии и что они могут рассчитывать на поддержку города, потому что он не желает подчиниться Родриго.

Теперь этот поступок осаждающего шокирует, но давать осажденным срок для поиска помощи было старинным обычаем, известным с библейских времен; так поступил Альфонс при осаде Толедо, и Сид еще не раз поступит так же. Тем самым пытались, помимо победы над врагом, добиться от него демонстрации полного бессилия или, что равноценно, очевидного безрассудства. Бесспорное превосходство в борьбе было доказательством правоты, будь то на войне или в судебном поединке; поскольку каждый участник войны хотел считаться правым, осажденному давали отсрочку с той же целью, с какой ныне изводят столько бумаги в доказательство правоты воюющей стороны. Итак, Сид, выполняя свое обещание, на август оставил Валенсию в покое. Тем временем, стараясь усилить позиции своих сторонников в городе раньше, чем подойдут альморавиды, он второй раз использовал эгоизм Ибн Джаххафа, заключив с ним тайный союз, направленный против аль-моравидов, и, договорившись обо всем необходимом, приказал своим людям не ложиться спать и быть наготове немедленно отправиться в путь, не говоря им куда. И когда настала ночь, он повел их к горам внутри страны.

Карательная вылазка

Родриго собирался внезапно напасть на земли Санта-Мари-де-Ориенте и Альбаррасина, потому что их властитель, Абу Мерван ибн Разин, нарушив вассальное обязательство, принятое менее десяти месяцев тому назад, не платил условленной дани и передал королю-инфанту Пед-ро Арагонскому крупную сумму денег. Мятежная Валенсия не желала принадлежать Сиду, и на нее снова многие зарились; так, Ибн Разин, который в то время был хозяином Мурвьедро, считал, что имеет на нее полное право. Педро Арагонский полагал, что ни в чем не нарушил союзного договора, подписанного в прошлом году с Родриго.

Но Кампеадор сурово наказал мавра-вассала за эту неверность методичными карательными вылазками. Во время одной из них Сид оказался в очень серьезной опасности. Как-то, когда он выехал с пятью рыцарями, на него неожиданно налетело двенадцать всадников из города Санта-Мария. Родриго бросился на них, убил двоих и обратил остальных в бегство, но получил страшный удар копьем в шею, а кроме того, мавры убили еще двоих из христианских рыцарей. Удар был столь сильным, что друзья и враги уже ждали смерти Сиды. Но рана зажила, и по истечении августа альморавиды к Валенсии не подошли, так что Кампеадор мог не только оправиться от раны, но и продолжить войну в этих землях в сентябре — октябре 1093 г. в уверенности, что валенсийцы, выполняя условие отсрочки, теперь будут ему повиноваться.

Эти месяцы он потратил на то, чтобы укрепить дорогу из Валенсии в Сарагосу через южную часть территории Альбаррасина.

Опустошительная война и сильные военные позиции Сиды в конечном счете вынудили Ибн Разина восстановить вассальную связь, которую он прервал. И мавр, и арагонский принц предоставили Родриго средства для господства над Валенсией, покорность которой теперь оказалась под большим вопросом.

Вести из этого города вынудили Сиду покинуть Альбаррасин, не полностью закончив оборонные работы, потому что он получил конфиденциальное сообщение Ибн Джаххафа, просившего его немедленно вернуться.

Сид возвращается в Валенсию. Оккупация Вильянуэвы

Проафрикански настроенные валенсийцы наконец точно узнали, что приплывшее из Африки войско уже в Лорке и что им командует Абу Бекр, зять Юсуфа, потому что Эмир всех мусульман по состоянию здоровья не смог прибыть лично. От подобных вестей Бени-Вахибы и прочие враги Ибн Джаххафа так воодушевились, что кадий понял: ему грозит очень большая опасность потерять власть, если не вернется Сид, чтобы внушить страх недовольным.

Учтя важность этих сообщений, Сид срочно вернулся в Хубалью, где его посетил Ибн Джаххаф вместе с несколькими мавританскими каидами, чтобы подтвердить свой союз с ним. Но, когда перешли к делу, мавры не взяли на себя никаких обязательств по решительной деятельности против войска альморавидов, пообещав только написать их предводителю Абу Бекру и попытаться запугать его, сообщив, что Кампеадор заключил союз с королем Арагона и тот пришлет ему подкрепление; что они советуют командующему остерегаться, потому что, если он подойдет к Валенсии, ему придется биться с восемью тысячами закованных в железо христианских рыцарей, лучших воинов в мире; если он осмелится столкнуться с ними — хорошо, а если нет, пусть не приходит и подумает, что предпринять.

Таким образом, на активность валенсийцев особо рассчитывать не стоило. Даже самые верные сторонники Сида не осмеливались открыто возразить против прихода альморавидского войска, предав забвению июльский договор о капитуляции и тот факт, что за месяц отсрочки, август, альморавиды так и не подошли. Поэтому Сид не мог оставаться в Хубалье; он направился в северное предместье Валенсии под названием Вильянуэва, находившееся на другом берегу Гвадалавьяра, а войско его встало лагерем к югу от города, в мосарабском предместье Райоса.

Это приближение христиан сильно настроило против Ибн Джаххафа Бени-Вахибов и прочих сторонников африканцев, все еще ожидавших скорого прихода альморавидов. Но те уже серьезно запаздывали, так что надежда на них в городе лишь тлела, как огонь в золе: один день валенсийцы говорили: «Наконец они здесь!», а на следующий им приходилось в унынии повторять: «Нет, еще не пришли!»

Бени-Вахибы у власти. Они расторгают июльский договор о капитуляции (ноябрь 1093 г.)

Наконец, столько раз опровергавшаяся новость подтвердилась. Появились надежные сообщения, что альморавидское войско, так долго стоявшее в Лорке, направилось в Мурсию и что задержка была связана только с болезнью его предводителя Абу Бекра. Можно полагать, что предупреждение о восьми тысячах кольчужных рыцарях Кампеадора не лучше повлияло на здоровье Абу Бекра, чем весть, помешавшая его тестю покинуть Марокко; но, так или иначе, Абу Бекр был уже здоров и, более того, шел к Валенсии.

При этой долгожданной новости Бени-Вахибы так осмелели, что Ибн Джаххаф объявил о своем отказе от власти: мол, он не желает больше руководить, выполняя условия июльской капитуляции.

Проафриканская партия избрала вождем Абу-ль-Хаса-на ибн Вахиба, председателя альхамы, и решила запереть ворота города и оборонять стены, разорвав все договоры с Сидом.

Происпанская партия никак себя не проявила; Ибн Джаххаф удалился в свой дом и усилил личную охрану.

Приближение альморавидов

Кампеадор немедленно возобновил осаду города; но тут до него донеслись тревожные вести. Африканское войско уже прошло перевалы, охранявшиеся крепостями Беника-деля, и находится в Хативе. Радость валенсийских альмо-равидистов была шумной — наконец их избавляли от войн с этим христианином.

Поскольку опасность грозила сверху, Родриго покинул сады Вильянуэвы и присоединился к своему авангарду в предместье Райоса. Он сознавал, что ситуация очень сложная, и раздумывал, не следует ли отступить; но в конечном счете решил дожидаться удара на месте и поэтому приказал разрушить мосты на мощеных дорогах и затопить орошаемые земли Валенсии водой оросительных каналов, оставив врагам лишь узкий проход.

Вскоре донеслась весть, что африканцы уже в Альсире. Ликование сторонников альморавидов стало беспредельным — на стены и башни поднялись толпы народа, чтобы доставить себе удовольствие рассмотреть вдаль на горизонте приближение спасительного войска; а когда настала ночь, в полной темноте засверкали бесчисленные костры, освещавшие лагерь альморавидов, раскинувшийся на равнине Альмусафес, не более чем в трех лигах от Валенсии. Валенсийские сторонники африканцев непрестанно возносили молитвы к Богу, чтобы он даровал им удачу в борьбе с Сидом, и уже постановили на своем совете: когда начнется сражение, они нападут на христианский лагерь, чтобы снести палатки и дома предместья. Люди Кампеадора в Райосе, со своей стороны, также провели ночь в молитвенном бдении и в военных приготовлениях к грядущему бою.

Однако ночь выдалась штормовой. С неба хлынули потоки воды, и разразился такой ливень, что подобного потопа местные жители никогда не видели. Наутро, когда небо, все еще грозное, посветлело, валенсийские мавры уже поднялись на башни, чтобы посмотреть, куда продвинулись альморавидские знамена и где их водрузили; но сколько они ни смотрели вдаль, не видели ничего и не понимали, куда могло пропасть огромное войско. В этой томительной тревоге они прождали целое утро, когда прибыл гонец с сообщением, что альморавиды не придут, что они уже отступают той же дорогой. Страх перед Сидом заставил их уйти в дождливом мраке этой ночи. «Божественной воле, — пишет Ибн Алькама, — было угодно, чтобы сомкнутый порядок, в котором Сид расположил свое войско, заставил мусульман отойти».

Проафриканская партия валенсийцев впала в глубочайшее уныние. «Они считали себя уже мертвыми, — пишет их историк, — и бродили как пьяные, не понимая друг друга; их лица почернели, как деготь, и они утратили память, словно человек, упавший в морские волны». Они слышали страшные, как гром и молния, угрозы христиан, которые подходили к стенам города, кричали о бегстве альморавидов и ругали горожан за клятвопреступление: «Лжецы, предатели, отступники, отдайте город Сиду Руй Диасу, ведь вместе с городом вам не сбежать!» И у тех, кто находился внутри, не хватало духа для ответов.

3. СИД ПОДЧИНЯЕТ ВАЛЕНСИЙСКИХ АЛЬМОРАВИДИСТОВ

Сид ужесточает осаду

После отступления альморавидского войска Валенсии было рассчитывать не на кого. В конце ноября 1093 г. начала ощущаться нехватка продуктов питания. Осада становилась все жестче по мере того, как Сид подводил свои войска все ближе к городу.

Несколько ободрило осажденных письмо Ибн Айши, сына Юсуфа и альморавидского наместника в Мурсии, написавшего из Дении Бени-Вахибам, что войско, шедшее на подкрепление, не отступило из трусости и не бежало, а отошло из-за недостатка съестных припасов и из-за сильных ливней, затруднивших продвижение; оно вовсе не намерено бежать, а готовится вновь вернуться для борьбы с Кампеадором. Но очень скоро из Дении пришло опровержение этих слов: войско Юсуфа не отступило

временно, как объяснял Ибн Айша, оно отплыло обратно в Марокко; так что никакой надежды на помощь не осталось.

В результате у альморавидистской партии почва стала уходить из-под ног, что было на руку происпанской мудехарской партии, желавшей как можно скорее сдать город христианину. Ей в конце концов удалось вновь передать власть Ибн Джаххафу, чтобы тот в январе 1094 г. приступил к мирным переговорам.

Сид, не желая быть обманутым еще раз, в качестве предварительной гарантии потребовал ареста и выдачи Бени-Вахибов, главных приверженцев альморавидов, на что Ибн Джаххаф охотно согласился.

После этого Сид принял Ибн Джаххафа и изложил условия заключения мира: собирать налоги с города и поселений в его черте будет не Ибн Джаххаф, а сборщик, назначенный Сидом, как это делалось при эмире аль-Ка-дире; кроме того, во избежание новых нарушений договора Ибн Джаххаф должен будет отдать в заложники сына. Кадий прекрасно понимал, что у Родриго есть причины для недоверия, поэтому согласился на все, обещав на следующий день вернуться для подписания договора, текст которого напишет согласно договоренности.

Новые действия Ибн Джаххафа

Ибн Джаххаф вернулся в Валенсию очень озабоченным. Единственная политика, которую он применял, — политика использования обеих враждующих сторон, поведение лисы в упомянутой Ибн Бассамом басне, — из-за решимости Сида не поддаться на повторный обман была исключена. Кадий не чувствовал в себе достаточно сил, чтобы перестать обманывать и поэтому решил не отдавать сына в заложники, хотя уважение, с которым Сид обращался с подчинившимися маврами, было известно всем валенсийцам, даже альморавидистам вроде Ибн Алькамы.

Когда на следующий день, вместо того чтобы приехать и подписать договор, Ибн Джаххаф послал сказать, что он берет свое слово обратно и не согласен выдавать условленного заложника в качестве гарантии, Сид, которого захлестнуло отвращение к этому человеку, написал ему письмо с резкими угрозами, расторгая договор с ним и заявляя, что больше ни в чем никогда ему не поверит (это произошло в середине января 1094 г.).

Но для кадия было не слишком важно, как ведет себя Кампеадор. Он очень решительно прервал переговоры, потому что добился от Сида всего, чего мог желать: отделался сначала от альморавидов, а потом от Бени-Вахибов, оставшись властителем Валенсии без всяких соперников. После того как он этого достиг, ему показалось, что подчиняться христианину более нет необходимости, и поэтому он решил продолжать борьбу, невзирая на страдания населения.

Лишние рты

К концу апреля 1094 г. осажденные уже испытывали страшный голод. Фунт сухожилий животных стоил дорого, равно как травы и корешки, и только обеспеченные люди могли питаться вареной коровьей кожей либо аптекарскими мазями и электуариями. Беднякам приходилось есть человеческие трупы.

Многие голодающие, мужчины, женщины, дети, подстерегали момент открытия городских ворот и выходили наружу, не заботясь о последствиях; иногда осаждающие давали им уйти, иногда ловили и продавали маврам.

Сид, хоть и полагал, что защитники сами изгоняют этих беглецов (считая их лишними ртами), чтобы продержаться подольше, все-таки с большой неохотой позволял им уходить. Но в конце концов, опасаясь подхода нового подкрепления от альморавидов, он решил с большей строгостью применить то, что после называли международным

правом. Он велел огласить приказ, чтобы его могли услышать валенсийцы на стенах: пусть те, кто покинул город, вернуться в него, а впредь всякого, кто выйдет из Валенсии, будут сжигать.

Ибн Джаххаф решает капитулировать

Несколько видных горожан, явившись к тирану, постарались убедить его, что всякая надежда потеряна; в это время голод и отчаяние населения стали настолько очевидными, что Ибн Джаххаф, наконец проникшись страданиями народа и поняв, что на помощь никто не придет, разрешил начать переговоры.

Договор о сдаче Валенсии

Условия, на которых горожане пришли к соглашению с Сидом, были следующими. Осажденные могут отправить гонцов к эмиру Сарагосы и к сыну Юсуфа — Ибн Айше, альморавидскому правителю Мурсии, чтобы те в течение пятнадцати дней пришли на помощь Валенсии; если в течение этих пятнадцати дней помощь не подойдет, Валенсия будет сдана при определенных условиях, или гарантиях, которые дает победитель: Ибн Джаххаф сохранит должность кадия и правителя города, как и прежде, но заведовать городскими налогами будет не он, а мавры — сторонники Сила и покойного эмира аль-Кадира, и они же будут контролировать городские ворота, поставив на них стражу из альмокаденов⁴² и пеших воинов, набранных среди мосарабов; что касается законов, податей, мер и монет мавров, то в них Родриго ничего не переменит. 18 мая 1094 г. эти предварительные условия были подписаны обеими сторонами.

Ибн Джаххаф нарушает договор. Сдача на милость победителя

Тем временем 13 июня время отсрочки истекло, а гонцы ни из Сарагосы, ни из Мурсии не вернулись. Ибн Джаххаф, питая иллюзорную надежду, предложил было горожанам подождать еще три дня, но они заявили, что больше не в силах держаться. С другой стороны, Кампеадор предупредил их, дав самые торжественные клятвы: если после назначенного срока пройдет хоть час, а они еще не сдадутся, он не считает себя обязанным выполнять принятые соглашения. Тем не менее через сутки после этого срока город еще не сдался.

Когда наконец участники переговоров вышли, чтобы сдать Валенсию Сиду, тот заявил, что не примет их, потому что больше не обязан соблюдать договоренности — ведь после назначенного срока прошло уже больше суток. Те, будучи не в состоянии ни минуты продолжать войну, объявили, что доверяются ему и пусть он делает с ними, что сочтет за благо. Но хоть они и сдались на милость победителя, Сид, движимый состраданием к столь упорным защитникам города и верный своей политике мягкого обращения с побежденными маврами, сказал им следующее: после того как город будет сдан, он, Сид, сделает им уступки, похожие на те, что содержались в аннулированном договоре, и велел им вернуться на следующий день, чтобы подписать капитуляцию и сдать город.

Капитуляция и сдача Валенсии

На следующий день, утром, Ибн Джаххаф со многими горожанами вышел из города, и акт капитуляции и сдачи был официально оформлен и подписан виднейшими представителями обоих вероисповеданий, христианского и мусульманского. Главные

⁴² Командиры небольших отрядов легкой пехоты — альмогаваров. — *Примеч. ред.*

условия были такими: побежденные получают аман⁴³ для себя и своего имущества, а Ибн Джаххаф передает Кампеадору все богатства аль-Кадира — такие, как эмирская казна, присвоенная кадием.

Ворота города открылись, и христиане вступили в них, чтобы занять все башни городской стены (это произошло 15 июня 1094 г.).

Первые уступки, которые Сид делает побежденным

На следующий день Кампеадор совершил торжественный въезд в город в сопровождении большого отряда своих воинов, а потом поднялся на самую высокую башню городской стены, откуда осмотрел весь город, то есть огороженный центр и окрестности.

На эту башню поспешили виднейшие мавры, чтобы поцеловать победителю руку и приветствовать его; он принял их с мягкой учтивостью. В отношении военной оккупации он им сказал, что велел заделать в башнях все окна, выходящие в город, чтобы любопытные взгляды христианских солдат не нарушали интимного покоя мавританских домов, и добавил, что поставил стражниками на башни христиан-мосарабов не потому, что кастильские воины его дома недостаточно благоразумны и сдержанны во всем, а потому, что мосарабы воспитывались среди мусульман, хорошо знают местный язык и обычаи, и этим стражникам он велел и просил их во всем уважать горожан.

Все мавры после приветственных поклонов неоднократно выражали Сиду благодарность и восхищение, заявляя, что никогда не видели ни более благородного человека, ни вождя, который бы привел с собой столь дисциплинированных воинов. В самом деле, Родриго теперь позволил сдавшемуся городу больше, чем было предусмотрено прежним, аннулированным договором: тогда оговаривалось только, что охрана стен будет возложена на мосарабов, а теперь Сид добавил меры по охране покоя мавританских жилищ.

Клятва Ибн Джаххафа

Уладив тем самым условия военной оккупации Валенсии, Кампеадор собирался сделать нечто подобное и в отношении той статьи аннулированного договора, которая касалась гражданского управления городом: Ибн Джаххаф по-прежнему должен был признаваться кадием, ему лично, его имуществу и семье гарантировалась безопасность, но теперь Сид требовал предварительной проверки.

Тот, как договаривались, передал Кампеадору богатства аль-Кадира, то есть сокровища эмирата, над которым он узурпировал власть, но утаил для себя одну величайшую драгоценность (несомненно, ту, которая была похищена с трупа монарха), и об этом сокрытии прознал Сид.

А ведь Сид в начале этой затяжной и мучительной осады письменно поклялся отомстить за убийство аль-Кадира. Он обвинил Ибн Джаххафа в преступлениях, как это делали и многие другие; вот почему, чтобы вновь признать Ибн Джаххафа кадием, он считал необходимым провести допрос, не скрыл ли тот известную особую драгоценность убитого. Кампеадор хотел придать этому акту такую же важность, как и подписанию договора о сдаче города, и потребовал от Ибн Джаххафа клятвы в присутствии самых уважаемых представителей обоих вероисповеданий. Ибн Джаххаф торжественно поклялся в своей невинности, заявив перед всеми, что у него этой драгоценности нет. Родриго пообещал оставить Ибн Джаххафа на посту кадия и уважать неприкосновенность его особы и имущества, но четко оговорил: если в дальнейшем он, Родриго, обнаружит у кадия эту компрометирующую драгоценность, то лишит его своего покровительства и

⁴³ Прощение, амнистию, охранную грамоту (арабск.). — Примеч. ред.

сохраняет за собой право пролить его кровь как цареубийцы. Это условие было подтверждено подписями самых высокопоставленных христиан и мусульман. Тем самым Сид давал знать, что убийство эмира — его вассала и протеже неминуемо будет наказано, как только найдутся виновные.

Кадий не думал, — пишет Ибн Бассам, — какие несчастья и испытания готовит ему судьба за эту опрометчивую клятву.

Речь Сиды о принципах управления городом

Прошло четыре дня оккупации, и Сид велел оповестить по городу и окрестностям, чтобы в понедельник, 19 июня, все уважаемые мужи собрались в предместье Виль-януэва, в загородном эмирском дворце, где он в это время остановился. Туда прибыли как горожане, так и держатели окрестных крепостей, и, когда все собрались, на помост перед ними, богато устланный коврами и дорожками вышел Сид, и, призвав всех слушать, начал важную речь. Ибн Алькама старательно зафиксировал ее, потому что в отсутствие договора о капитуляции (ведь он был аннулирован) те соглашения и установления, которые собирался ввести Сид, став хозяином города, должны были сделаться уставом, согласно которому он будет править.

«Я — человек, у которого никогда не было королевства, — сказал им Сид, — и ни у кого в моем роду его не было; но с того дня, когда я прибыл в этот город, я им гордился, страстно желал им владеть и молил нашего Господа, чтобы Он отдал мне его. И видите, каково могущество Бога: в день, когда я приехал осаждать Хубалью, у меня было всего четыре хлеба, а теперь мне Бог оказал такую милость, что я приобрел Валенсию и стал ее хозяином. И теперь, если я стану поступать с ней по справедливости и устремлять свои деяния к добру, Бог оставит ее мне; но если буду поступать дурно, кичиться и кривить душой, — знаю, Он ее у меня отберет.

Поэтому пусть отныне каждый из вас идет в свои вотчины и владеет ими, как привык: ибо я прикажу тем, кто собирает подати, чтобы не отбирали более чем десятину, как велит ваш закон».

Политику снижения податей проводил и Альфонс, чтобы побудить мавританские поселения, столь притесняемые своими таифскими эмирами, подчиниться ему; Сид теперь учитывал также религиозное понятие десятины, которое в качестве долга мусульманина вновь стали утверждать альморавиды.

Кампеадор продолжил речь заверением, что будет усердно заниматься вопросами управления и всегда *выслушает* тех, у кого будет к нему срочное дело. «Ведь я не закрываюсь с женами, чтобы пить и петь, как ваши государи, которых вы не можете увидеть в любой момент, когда вам понадобится. Я желаю сам разбираться во всех ваших делах, быть вам товарищем, беречь вас, как друг бережет друга и родственник — родственника.

Я желаю помогать вам и исцелять ваши горести, поэтому скорблю о крайней нужде, которую вы испытали, мне больно оттого, что вы страдали от сильного голода и большой смертности. Если бы то, что вы в конце концов сделали, вы бы сделали раньше, вы не дошли бы до таких бедствий, не платили бы тысячу динаров за каис⁴⁴ пшеницы; но я намерен добиться, чтобы вы покупали его за динар. И теперь живите в своей земле спокойно: я запретил своим людям брать в Валенсии в плен хоть мавра, хоть мавританку, а если кто-то пренебрежет этим запретом, возьмите пленного, освободите его и убейте того, кто его захватил, и вы не понесете за это никакого наказания». Запретив таким образом порабощение побежденных, военнопленных, Сид показал еще один пример уважения к мусульманам.

⁴⁴ Мера сыпучих тел, в Валенсии — 201 л. — *Примеч. пер.*

Закончив речь, Сид велел слушателям удалиться, и они разъехались — кто в Валенсию, кто в окрестные замки; все были очень довольны услышанными обещаниями. Даже самые недоверчивые освобождались от великого страха, жившего в их сердцах. Лишь самые завзятые приверженцы альморавидов уверяли, что столь благие заверения не могут, не должны воплотиться в жизнь.

Последствия провозглашения первого устава Валенсии

Эти и другие принципы управления завоеванным городом, сформулированные Сидом в речи и в договоре с Ибн Джаххафом, имеют историческое значение, потому что знаменуют появление более мягкого оккупационного режима, чем устанавливали прежде, например, Фернандо I в Коимбре и Альфонс VI в Толедо, и этот режим, введенный впервые, отчасти послужил образцом для ближайших преемников Сиды в деле Реконкисты, как мы покажем позже.

Но, с другой стороны, режим, в общих чертах установленный Сидом за первые четыре дня правления, столкнулся с двумя очень серьезными трудностями. Несомненно, именно глубокий раскол между происпанской, про-альморавидской и оппортунистической партиями в городе подтолкнул Сиду назначить себя кадием и верховным судьей, чтобы умерить их взаимную враждебность, а это в конечном итоге очень не понравилось побежденным. Кроме того, Сид, доводя политику благоприятствования до крайности, оставил город и мечеть в безусловном владении валенсийцев, что должно было показаться чрезмерным уже завоевателям.

Успехи альморавидов вопреки противодействию Альфонса. Осада Уэски

Теперь, чтобы оценить значение завоевания Валенсии, сравним его с тем, чего за это время добился император.

Альфонс не отказался от своей имперской политики. Его намерения сдержать наступление альморавидов в эмиратах Гранаде, Малаге и Севилье, а также в Мурсии потерпели крах, но теперь благодаря счастливой звезде, столько раз помогавшей ему, он добился легкого успеха: эмир Бадахоса Мутаваккиль, чувствуя себя под угрозой из-за растущих амбиций Юсуфа, не нашел иного спасения, кроме как довериться Альфонсу, и уступил ему три важные крепости — Сантарен, Лиссабон и Синтру, которые поочередно передал в апреле и мае 1093 г. и охранять которые было поручено зятю императора — Раймунду Бургундскому. Но, несмотря на получение столь ценного залога, Альфонс вновь оказался неважным покровителем: через несколько месяцев, в начале 1094 г., африканцы под командованием Сира ибн Абу Бекра, прославленного завоевателя Кордовы и Севильи, захватили Бадахос и убили Мутаваккиля. Не замедлил Сир в ноябре 1094 г. завоевать и Лиссабон, под стенами которого разбил — устроив страшную бойню и захватив много христиан — графа Раймунда, поспешившего на помощь крепости.

После уничтожения таифского Бадахосского эмирата, последнего эмирата на западе Пиренейского полуострова, аль-Андалус полностью попал под власть альморавидов, за исключением находящейся под протекторатом Сиды восточной части — Валенсии и трех эмиратов: Сарагосы, Тортосы и Альбаррасина.

Можно провести сравнение с другими событиями того времени. В мае 1094 г. король Арагона Санчо Рамирес начал осаду Уэски; и если осада Валенсии продолжалась всего девятнадцать месяцев, для взятия Уэски потребуются тридцать один, при том что в этом городе было меньше населения и он не получал никакой помощи от альморавидов.

4. ПЕРВОЕ ПОРАЖЕНИЕ АЛЬМОРАВИДОВ

Договор между Педро I Арагонским и Сидом

Через несколько дней после окружения Уэски король Арагона Санчо Рамирес умер; он скончался естественной смертью 4 июня 1094 г.

Прямо на общем собрании двора, созванном по случаю принесения присяги новым королем, Педро I — активный участник союза, который его покойный отец два года назад заключил с Кампеадором, — получил от наваррских и арагонских магнатов совет возобновить дружбу с кастильцем. К Силу тогда было приковано всеобщее внимание, потому что в те дни он как раз завершал завоевание Валенсии. Дружба бургосского рыцаря с Санчо Рамиресом и его сыном несколько ослабла, и магнаты сочли, что было бы разумно и полезно возобновить союзнические отношения с Родриго — несомненно, ради продолжения осады Уэски, принадлежащей эмиру Сарагосы, который считался другом Сиды.

Сообщив об этом Кампеадору, король Педро двинулся к побережью Средиземного моря, в свой замок Монтор-нес, а Сид поехал в Бурриану, где оба встретились и заключили договоры о взаимопомощи против любого врага.

Совершив это, тот и другой вернулись в свои земли, которые предполагали защищать, воспользовавшись преимуществами этого союза.

Юсуф решает вернуть Валенсию

При вести о взятии Сидом Валенсии, по словам Ибн Бассама, сердца всех мусульман наполнились скорбью и унижением. Эмиру аль-муслимин было направлено несколько писем, побуждающих его к действиям: авторы снова жаловались на Родриго, на его постоянные набеги, держащие все средиземноморское побережье аль-Андалу-са в неуверенности и тревоге. Юсуфа охватили гнев и печаль: великий город нужно было вернуть. Он выехал в Сеуту, чтобы быстро набрать для отправки на Пиренейский полуостров регулярные войска, командование которыми он возложил на своего племянника Мухаммеда ибн Ташфина. Одновременно он написал альморавидскому губернатору Гранады, властителю Альбаррасина и многим другим: пусть соединят свои силы с силами принца Мухаммеда и нанесут решительный удар по Валенсии и по Кампеадору.

К концу августа 1094 г. (всего через два месяца после сдачи!) до Валенсии донесли первые сведения, что в Мурсии собирается альморавидское войско. Христиане встревожились, и Сид начал готовиться к обороне.

Главные силы африканского войска высадились в Испании 13 сентября, за день до начала рамадана — месяца поста; выполняя приказ Юсуфа, они приняли в свой состав много андалусских отрядов и после этого двинулись, чтобы встать лагерем на обширной равнине более чем в лиге к западу от Валенсии.

Все мавры этого района поспешили к ним с ячменем для лошадей и с провизией, то продавая, а то отдавая их альморавидам-освободителям даром. Сид никогда не мог рассчитывать на верность партии непримиримых и понимал, что положение крайне опасно. Ибн Алькама рассказывает, что христиане, ужаснувшись зрелищу громадной массы врагов, подобной морю, которое вот-вот поглотит город, хотели покинуть Валенсию, и только Кампеадор при виде этого огромного войска не выказал никакого беспокойства и внушил спокойствие собратьям, предсказывая им победу. Тем не менее валенсийские мосарабы считали, что бегство завоевателей неизбежно, и всячески заискивали перед мусульманами. Высокомерие сторонников аль-моравидов переходило все границы; один валенсийский поэт писал: «Скажите Родриго, что правда скоро восторжествует. Гляньте, как он прибегает к гаданиям! Сабли альморавидов опровергнут предсказания, которые ему дают его птицы».

Конечно, Сид распространил сообщение, что получил хорошие предвестия; известно, что он верил в предсказания, как было свойственно многим воинам того времени. Но он мог предъявить и нечто более конкретное, чем пророчества: просьбы о

помощи были направлены Альфонсу VI и Педро I Арагонскому, и хоть Сид знал, что у обоих королей могут быть серьезные внутренние проблемы (Педро увяз в осаде Уэски), он часто доводил до сведения осаждающих новости о приближающихся подкреплениях.

Сражение при Куарте

Огромное войско Мухаммеда бездействовало в Куарте до окончания поста, то есть месяца рамадан. 14 октября с наступлением темноты альморавидские — сахарские, магрибинские, андалусские — отряды приветствовали появление новой луны месяца шавваль, проведя общую молитву и отпраздновав окончание поста.

Сразу же было приказано начать атаку на Валенсию. Каждый день враги кружили вокруг стен города, яростно, с оглушительными воплями штурмовали их и даже осмеливались обстреливать из луков дома христианских рыцарей. Кампеадор, обладая от природы мужественным сердцем, по словам латинского историка, ободрял своих людей, внушая им веру в благотворность молитв, которые приказал читать непрерывно и призывать в них милость Христа.

Так, в постоянных нападениях прошло десять дней. Мухаммед, исполненный презрения к осажденным, считал успех осады несомненным и не понимал, что его огромное войско боится непобедимого Кампеадора. Боевой дух падал, дезертирств становилось все больше. Узнав об этом, Сид решил не ждать подхода подкреплений из Кастилии и Арагона. Ночью 25 октября он вышел со своими рыцарями из города, скрываясь в густых садах, и часть своих вассалов отправил устроить засаду недалеко от лагеря Мухаммеда. Со всеми остальными он поутру выстроился в боевой порядок и атаковал; осаждающие были настолько лишены отваги, с какой действовали осажденные, что тревога вызвала в лагере много шума и сумятицы. Всадники вскочили на коней и выехали из лагеря, чтобы отразить атаку, а когда Сид подался назад, отступая к городу, они начали преследовать его, и лучших отрядов в лагере не осталось. Тогда христиане, сидевшие в засаде, ринулись на мавританские шатры, устроив такой натиск, что племянник Юсуфа, оставшийся по нездоровью в лагере, первым бросился в бегство. В войске мусульман раздались протяжные крики: мол, в лагерь вторглись враги — это подошло подкрепление из Кастилии. Все кинулись кто куда; ужас породил такое безумие, пишет Ибн Алькама, что мусульмане уже не воевали, а лишь разбегались. Панический ужас, описанный арабским историком, подтверждают клирики Сиды в грамоте, где упоминается эта победа и говорится, что она была достигнута с невероятной быстротой и при незначительных потерях со стороны христиан.

Должно быть, во время боя, при преследовании и в лагере, где часть войска сдалась, было взято несчетное множество пленных. Один документ, составленный в Арагоне в следующем году, утверждает, что Сид захватил всю мехалу, то есть альморавидское войско; автор, мешая латынь с арагонским диалектом, пишет: «Facta hec carta in anno quod venerunt illos almorabides ad Valencia, et arrancavit illos Rodiric Didaz, et presot tota lur almehalla»⁴⁵.

За счет добычи, взятой при этом разгроме, обогатились все люди Сиды — столько они захватили лошадей, мулов, оружия чужестранной формы, съестных припасов, ценнейших одежд, золота, серебра и неописуемых сокровищ.

Альфонс VI идет на помощь Сиду

Весть о великой победе быстро донеслась до Альфонса VI,—пишет Ибн Алькама, — настигнув его, когда он уже прошел большой отрезок пути до местоположения Родриго, двигаясь ему на помощь; арабский историк добавляет, что император получил

⁴⁵ Эта грамота составлена в год, когда эти альморавиды пришли к Валенсии, и Родирик Дидас напал на них и захватил всю аль-мехаллу (*искаж. лат.*).

свою пятую часть захваченной добычи. Это подтверждает достоверность сведений «Песни о Сиде», которая сообщает, что на следующий день после боя королю Альфонсу были отосланы большой шатер короля Марокко и двести лошадей, входящих в его долю, все с уздечками и седлами, к луке каждого из которых был подвешен меч.

Альфонс, воспользовавшись замешательством альмо-равидов после этого первого поражения, понесенного ими после восьми лет непрерывных побед, решил не распускать собранное войско и направился с ним в область Гранады, разорив территорию Гуадиса, откуда забрал несколько мосарабских семей, чтобы поселить их в земле Толедо.

Что касается побежденных, то Юсуф жестоко разгневался на своего племянника; напрасно остальные полководцы, бежавшие в Хативу и в Дению, писали ему очень обоснованные оправдания — он не желал им отвечать. Лишь гораздо позже он смирился с объяснением, что это поражение было предопределено Богом, и отправил Мухаммеду деньги, чтобы тот мог удержаться в Хативе.

В качестве эпилога к сражению при Куарте отметим: современные завистники заявили, что Сид был изгнанником-анархистом и что официальная власть, христианские короли, не интересовалась деятельностью отщепенца. Такое утверждение изобличает полное незнание сведений Ибн Алькамы о подкреплении, которое вел Альфонс VI, и о пятой части добычи, которая по праву принадлежала верховной власти, а также полное неведение о тесном союзе с королем Педро I Арагонским, которого мы увидим в бою рядом с Сидом в 1096 г., и о многих других вещах, уже упомянутых нами и которые предстоит упомянуть в дальнейшем. Нельзя забывать, что на Раймунда Беренгера III завоевание Валенсии произвело такое впечатление, что он женился на дочери завоевателя, сделав ее графиней Барселонской.

5. ВОЗМЕЗДИЕ ЗА АЛЬ-КАДИРА

Расследование обстоятельств смерти аль-Кадира

Как только Сид избавился от альморавидской угрозы, он вспомнил о своем настоящем политическом долге — не оставлять далее безнаказанными убийц аль-Кадира. Происпанской мусульманской партии, особенно тем многочисленным людям, которые были вынуждены покинуть город после переворота Ибн Джаххафа, тем, кто с первого дня осады поддерживал Сиду и кто присутствовал при произнесении им клятвы отомстить цареубийце, — всем им было необходимо выполнение этой клятвы, что дало бы им моральную опору в борьбе с партией кадия и партией Бени-Вахибов, поскольку эти партии подвергали их преследованиям и осыпали насмешками.

К тому же в цареубийстве многие, в том числе сам Сид, подозревали Ибн Джаххафа. Если Родриго и оставил кадия на его должности, то лишь с явной неохотой: общаться с этим человеком ему было тяжело. Мы знаем, что он считал Ибн Джаххафа глупцом, которому столь высокая должность не по плечу, и что он не мог доверять заверению в невинности, сделанному кадием, пока не выяснится, кто же в таком случае убил аль-Кадира.

Чтобы начать процесс об убийстве, нужно было найти тело убитого, знаменитый пояс султанши Зубайды и прочие драгоценности, о которых говорили, что их похитили с трупа эмира. Ибн Джаххаф, чтобы его утвердили в должности кадия, поклялся, что у него этого сокровища нет, и теперь все подозрения вели за пределы Валенсии, в замок Олокау, один из двух замков, куда аль-Кадир при угрозе переворота отправил большую часть своих богатств; этот замок отказался подчиняться Сиду, а в нем могли находиться важные личные драгоценности аль-Кадира, не найденные в других местах. Чтобы прояснить ситуацию и вернуть ту часть эмирской казны, которая по договору о капитуляции принадлежала ему, Сид напал на замок Олокау и захватил его; найденное там достояние аль-Кадира он по справедливости разделил со своими соратниками, но личной

драгоценности эмира, объекта поиска, среди этих богатств не оказалось. И как только подозрение в отношении Олокау отпало, Сид быстро выяснил, что искомую драгоценность прячет Ибн Джаххаф.

Сид отдает приказ об аресте кадия

После этого в день, когда валенсийские мавры явились к Сиду на очередную аудиенцию во дворец предместья Вильянуэва, тот потребовал от них выдать Ибн Джаххафа. «Ведь уже общеизвестно, — сказал он, — как он убил вашего государя эмира, и не следует, чтобы среди нас жил предатель, ибо предательством он бросает тень на вашу законопослушность; смотрите же, как я осуществляю свои полномочия».

В соответствии с договором, подписанным виднейшими представителями обоих вероисповеданий, если бы клятва Ибн Джаххафа об отсутствии у него особой драгоценности аль-Кадира оказалась ложной, Кампеадор более не должен был почитать его как кадия и вправе судить его; поэтому несколько валенсийских магнатов взяли вооруженных людей и направились к домам Ибн Джаххафа. Они встретили сопротивление, вступили в бой, взломали ворота, силой ворвались в дом, схватили кадия, его сына и многих его приверженцев и привели всех к Кампеадору. Это произошло 10 февраля 1095 г. Ибн Джаххаф сохранял пост кадия при Сиде восемь месяцев.

Родриго посадил Ибн Джаххафа под строгий арест и также распорядился схватить всех, о ком он знал, что они принимали участие в убийстве аль-Кадира.

Все эти аресты, проводимые маврами — сторонниками Сида, конечно, порой могли вызывать беспорядки из-за сопротивления других партий. Конечно, Сиду были нужны более верные гарантии безопасности, и когда видные люди Валенсии в очередной раз прибыли к нему в предместье Вильянуэва, он объявил им о своем решении переселиться в город, в алькасар, и занять все укрепления своими христианами, а не мосарабами, как прежде; впрочем, он обещал уважать все нравы и обычаи мусульман и позволять им беспрепятственно возделывать землю и разводить скот в их владениях, отдавая ему лишь десятую часть получаемых продуктов.

Мавры остались довольны; они подали прошения, какие сочли уместными, и Сид согласился на них.

Потом Сид торжественно въехал в Валенсию; перед ним несли его развернутое знамя, позади его на мулах везли все его доспехи, его окружали все его люди, идущие в строгом порядке, подняв копыя вертикально, с радостным видом. Родриго сошел с коня в алькасаре, его люди расположились в хороших домах, стоящих вокруг, а на самой высокой башне дворца заплескался флаг Сида.

Итак, к этому моменту Сид для Валенсии был таким же хозяином, как Альфонс для Толедо: по договору о капитуляции города мавры сохраняли свои дома, владения и главную мечеть, а Альфонсу принадлежали алькасар (*praesidium civitatis*⁴⁶) и Эмирский сад за мостом; аналогичным образом Сид теперь владел валенсийским алькасаром, а эмирские сады Вильянуэвы на другом берегу реки он присвоил еще раньше.

Таким образом, через восемь месяцев первый устав, который Сид дал Валенсии, — более либеральный, чем устав Толедо, — в силу обстоятельств начал ужесточаться.

Узники. Ибн Джаххафа уличают

Сид приказал доставить Ибн Джаххафа в Хубалью, где его пытали, пока он не признался в своем преступлении и в нарушении клятвы. Через два дня его вернули в тюрьму в садах Вильянуэвы, где Сид понудил его собственноручно написать перечень всего имущества, чтобы он дал показание о самой любимой драгоценности аль-Кадира, не

⁴⁶ Городская крепость, т. е. цитадель (*лат.*).

найденной среди вещей покойного эмира. Ибн Джаххаф письменно подтвердил, что у него есть несколько драгоценных бус (одни из которых, как мы покажем впоследствии, раньше принадлежали султанше Зубайде), перстней и прочих богатств, которые он взял у своего государя аль-Кадира, убив его. Состав преступления был налицо: Ибн Джаххаф признавался в цареубийстве. В соответствии с торжественной клятвой, принесенной в прошлом году, Сид должен был казнить бывшего кадия.

Но Сиду этого было мало. Ему были нужны все сокровища эмира, а в роковом перечне Ибн Джаххаф указал только на те, что находятся лично у него, умолчав о многих вещах, которые Сид, очень озлобленный против узника, приказал искать в домах его сообщников, где были найдены крупные тайники с золотом, драгоценными камнями и всевозможными богатствами.

В геройской душе Сида еще пылал тот огонь, что в старину сжигал души варварских героев — Вальтера, Сигурда⁴⁷, — неистовая жажда сокровищ; такая жажда была отличительным свойством того времени. Раньше не воевали, как теперь, с целью захвата промышленных районов, сырьевых колоний, рынков сбыта, словом, средств для непрерывного создания богатств: воевали прежде всего за уже произведенные и накопленные богатства — за ценности, которые носило при себе вражеское войско, чтобы содержать себя, за дань с поселений в виде простых продуктов, за замки, набитые сокровищами, вроде Олокау. Главной целью войны для победителя были богатства побежденного, и Сид не мог отказаться ни от сокровищ аль-Кадира, ни от сокровищ Ибн Джаххафа, после того как последний, уличенный в цареубийстве и клятвopеступлении, стал для него не более чем пленным врагом; его огромные богатства следовало разделить между христианами. И Сид их по справедливости раздал своим людям.

Казнь Ибн Джаххафа

Когда Ибн Джаххаф был уличен в своем преступлении, его вместе с другими узниками привели в алькасар.

Там собрался суд (*corte*), в состав которого входили христиане и мавры, прежде всего те, перед кем преступник давал ложную клятву, и Сид, величественно восседавший на помосте, приказал новому кадию города и виднейшим маврам судить того, кто убил их государя и преступил клятву, по своему закону. Кадий вынес приговор — побить камнями, и мавры сказали Сиду: «Мы поступили по закону, но вы, государь, делайте то, что сочтете за благо; просим вас лишь пощадить его сына — ведь в том, что совершил отец, ребенок не виноват: отпустите его». Сид из любви к ним простил мальчика с условием, что тог покинет город, потому что не хотел, чтобы здесь жил сын предателя. «Что касается Ибн Джаххафа, — добавил он, — наш христианский закон велит, чтобы его сожгли». Под конец виднейшие мавританские патриции поднялись, чтобы поцеловать ноги и руки Кампеадору в благодарность за милость, оказанную сыну преступника. Такое милосердие стоило благодарности, если учесть господствовавший в то время принцип семейной солидарности в отношении преступлений и наказаний. Законы и обычаи того времени, когда самым прочным основанием общественной жизни по сути была вассальная верность, были настолько жестоки к вассалам-изменникам, что для них любого наказания казалось мало: не только вся семья того, кто замышлял против короля, приговаривалась к смерти, но даже неодушевленные предметы должны были нести наказание — дом предателя следовало разрушить до фундамента. Цареубийцу (как гласит «Фуэро Куэнки») надо было сжечь «вместе со всей семьей», а в древности в городах Средиземноморья практика была такова, что перед сожжением преступника до пояса зарывали в землю —

⁴⁷ Вальтер Аквитанский — герой латинской поэмы IX в. «Вальтарий», бежавший из гуннского плена с богатствами Аттилы; Сигурд — герой древнескандинавского сказания «Старшая Эдда», захвативший сокровища карлика Андвари, убив дракона Фаф-нира, — *Примеч. ред.*

таким образом в 107 г. до н. э. казнили консула Метелла в Африке и в 43 г. до н. э. квестора Бальба в Гадесе.

Для казни Ибн Джаххафа вывели из Валенсии за город. Там вырыли яму, куда бывшего кадия закопали по грудь; подожгли связки дров, расставленные вокруг него, и когда огонь разгорелся, преступник, воскликнув: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного», своими руками сблизил пылающие головни, чтобы ускорить момент, когда душа покинет истерзанное тело.

Казнь совершилась в мае 1095 г.

Арабские историографы и современные арабисты отнеслись к этому поступку Сиды очень сурово.

Сторонник альморавидов Ибн Алькама осудил Кам-пеадора за казнь Ибн Джаххафа, написав, что единственной причиной ее была ненависть христианина к кадию, так долго выдерживавшему осаду города. Это чисто риторическая и поверхностная защита, потому что Ибн Алькама забывает то, что ранее написал сам: что Ибн Джаххафа судили «за убийство своего эмира» и что Сид поклялся отомстить за цареубийство. В наше время Дози обвинил Сиду в клятвопреступлении за то, что тот якобы не выполнил условий договора о сдаче Валенсии; для этого ученому арабисту пришлось исказить сообщение Ибн Бассама, на которое он опирается, в трех пунктах: 1) он лишает клятву, которую Сид потребовал от Ибн Джаххафа, характера предварительного условия сохранения кадия на своей должности; 2) он утверждает, что в клятве говорилось о богатствах вообще, а не об особой драгоценности убитого эмира (как пишет Ибн Бассам), о которой Дози вообще не упоминает; 3) он относит эту клятву к периоду времени *после* ареста Ибн Джаххафа, а Ибн Бассам — к периоду *до* ареста, и причиной этого ареста стало именно выявленное клятвопреступление. Несмотря на все это, Леви-Прювансаль, как ни удивительно, повторяет, что приговор кадию был «несправедливым и негуманным», хотя сам знаменитый арабист обнаружил и обнародовал несколько текстов, показывающих его неправоту: 1) «Историю таифских эмиров», где говорится, что Ибн Джаххаф, передав Сиду все сокровища аль-Кадира, утаил одно (состав преступления) и поклялся, что у него этой вещи нет, а позже это клятвопреступление раскрылось; 2) извлечения из Ибн Алькамы, утверждающего, что Ибн Джаххаф убил аль-Кадира, что его судили «за убийство своего эмира» и что он был приговорен по закону христиан к сожжению живьем. Итак, Сид был обязан сжечь цареубийцу и не был в этом жесток. Не будем переносить современных представлений на старинные времена: Сиду не могло прийти в голову отправить Ибн Джаххафа на электрический стул.

Сид выполнил свой долг сеньора, отомстив за смерть верного данника. Но строгое наказание, к которому он прибегнул, хоть и законное, было ошибочным в политическом отношении. Страдания и смерть преступника облагородили его образ, и в тот период, который в народе иронически называют «пора похвал», по адресу дискредитированного кадия зазвучали сочувственные панегирики даже со стороны его главных противников; сам старик Ибн Тахир, бывший эмир Мурсии, забыв, что прежде желал наказания для узурпатора Кривоногого, теперь красноречиво оплакивал его, утверждая, что тот защищал несчастных, прощал обиды и правил кротко.

Уже никто не хотел помнить об эгоизме и бездарности покойного. Злейшие враги восхищались безропотной смертью того, кого презирали при жизни. «Да соизволит Бог, — писал Ибн Бассам, — занести последние страдания кадия на страницу его добрых дел и счесть их достаточными, чтобы загладить его прежние грехи».

Мертвый Ибн Джаххаф мог стать для Сиды опаснее, чем живой. Теперь мятежный дух мусульман приобрел вдохновляющую его память о мученике.

6. СИД УКРЕПЛЯЕТ СВОЮ ВЛАСТЬ В ВАЛЕНСИИ

Новые козни Юсуфа. Восстание в Валенсии

Многие валенсийцы, прежде извлекавшие выгоду и I произвола Ибн Джаххафа, вместе с несгибаемыми приверженцами Бени-Вахибов по-прежнему твердо надеялись на альморавидов как на освободителей, а те в свою очередь использовали любой повод для вмешательства в дела обоих крупных городов, недавно попавших под власть христиан, — Толедо и Валенсии.

Как поэтически выражается Ибн Бассам, «Валенсия была для Юсуфа словно соринка в глазу, докучавшая ему всю жизнь; он мог думать только о ней; его язык и его руки были только ей и заняты; он посылал войска, он посылал деньги, чтобы вернуть ее, и результаты этих попыток были очень неравноценны». Похоже, в расчете на какую-либо реакцию альморавидов в Валенсии в 1095 г. вспыхнуло восстание. Подавив его, Сид оставил всех лояльных мавров на месте, но мятежники должны были перебраться в предместья, где жили христиане, а те — переехать жить в город.

Переселение христиан вскоре повлекло за собой новую перемену: они заняли главную мечеть, приспособив для отправления христианского культа. Сид это сделал сразу же, в 1096 г. Император Альфонс тоже христианизовал главную мечеть Толедо через несколько недель после сдачи города, хотя по договору обязывался почитать мавританский храм.

Валенсия Сиды подчиняется Испанской империи

Заняв через два года после сдачи города алькасар, часть жилых домов и главную мечеть, христиане стали настоящими хозяевами Валенсии, и первое, что сделал Сид в качестве абсолютного властителя города, — вновь заявил, что является вассалом императора, признав перед маврами «верховенство короля дона Альфонса Кастильского, моего сеньора, коего да хранит Бог многие лета»; это заявление зафиксировал историк Ибн Алькама, и оно соответствует тому, что изложено в старинной «Песни», где Альвар Аньес по указанию Сиды преподносит королю недавно приобретенную Валенсию: мол, Сид

Признает вас сеньором, вассалом — себя.
(*Стих 1339*)

Сид, отказавшись от права воевать с изгнавшим его королем, всегда упорно утверждал, что он королевский вассал. Теперь он передавал королю превосходный форпост против альморавидов, собираясь здесь служить ему, не жалея своих войск и даже жизни своего сына.

Окончательный устав для мавров

Сид, отдавая первые распоряжения и заключая договоры с побежденными валенсийцами в первые дни после сдачи города, следовал новой политике наибольшего благоприятствования, очень характерной для кастильского завоевателя: он желал, чтобы мавры города и христиане предместий сосуществовали мирно, без грабежей, при режиме вассального подчинения, а он сам бы добросовестно вершил правосудие.

Теперь же эта первоначальная политика Сиды — сосуществование без грабежа — в силу изменившихся обстоятельств оказалась непригодной. Альморавиды, подчинив себе испанских мавров, обострили этнический характер борьбы между маврами и христианами и, преследуя мосарабов, разжигали религиозную ненависть. Режим вассального подчинения без грабежей пришлось ужесточить.

Договоры о капитуляции XII в., навязанные Альфонсом Воителем Туделе в 1115 г., Сарагосе в 1118 г. и в подражание ему графом Барселонским — Тортосе в 1148 г., по сути

воспроизводили окончательный устав Валенсии, а отчасти и устав Толедо: авторы этих договоров использовали опыт Сида. Так, эти уставы оставляли побежденным маврам их кадия и прочих магистратов при условии принесения присяги на верность; оставляли им недвижимость, а данникам — десятину; признавали их законы и обычаи; запрещали захват пленных внутри города — все, как Сид учредил в Валенсии. Но, кроме того, если маврам и позволяли по-прежнему жить в своих домах и молиться в главной мечети, как в начале своего завоевания сделали Сид и Альфонс в Толедо, авторы этих документов не дожидались, чтобы изгнание мавров в предместья и освящение мечети произошли стихийно и сумбурно, как в Валенсии и

Толедо, — эти договоры, опережая события, предвосхищали их и назначали для них срок: в течение года после сдачи мавры должны были покинуть свои дома и свою мечеть и перебраться на жительство в предместья, за стены города. В соответствии с этими соглашениями XII в. мавры Туделы, Сарагосы и Тортосы через год после капитуляции оказались в таком же положении, как мавры Валенсии через два года после того, как сдались, но у первых было преимущество: в Туделе, Сарагосе и Тортосе благодаря опыту и должной предусмотрительности ситуация разрешилась мирно, тогда как в Валенсии потребовались потрясения. Для объяснения влияния Сида, обнаруженного нами в этих договорах XII в., следует учесть, что их автор, Альфонс Воитель, в молодости побывал у Родриго в Валенсии, как мы увидим позже; вероятно, он здесь говорил с кастильцем о положении побежденных мавров, и в этих беседах вызревали будущие договоры о капитуляции Туделы и Сарагосы; после их воспроизвел в отношении Тортосы Раймунд Беренгер, сын зятя Кампеадора.

7. НОВЫЕ ПОБЕДЫ И ЗАВОЕВАНИЯ

На помощь Сиду идет Педро I

Сид всегда поддерживал очень тесные связи с королем Педро Арагонским и его братом, инфантом Альфонсом.

Педро только что, 26 ноября 1096 г., захватил Уэску — после очень продолжительной осады и после сражения при Алькорасе, в котором он победил эмира Сарагосы и его союзника, графа Гарсию Ордоньеса, прибывших на помощь осажденному городу. Когда все были заняты обустройством управления только что завоеванным городом, в Уэску прибыл посланник Сида с просьбой о военной помощи ввиду новой опасности, грозящей югу Валенсийской области со стороны альморавидов. Наваррские и арагонские рикос омбрес, утомленные как чрезвычайно долгой осадой, так и недавней битвой, которую им пришлось выдержать, не хотели идти в Валенсию, но король Педро, человек, лишенный и толики эгоизма, поражавший всех как чистосердечием, так и неколебимым мужеством, не мог и подумать о нарушении договора с Сидом и упустить возможность для столь великой службы Богу, как помощь величайшему христианскому рыцарю, которая не позволит тому погибнуть; поэтому в присутствии всего двора он обещал посланнику Кампеадора, что в течение двенадцати дней будет в Валенсии. Сказано — сделано: не забыв оставить в Уэске сильный гарнизон, он с частью наваррских и арагонских воинов, только что выигравших бой с Мустаином, направился к берегам Средиземного моря. С ним поехал и его брат Альфонс. Инфант Альфонс, будущий король по прозвищу Воитель, будущий завоеватель Туделы и Сарагосы, которому при Алькорасе было поручено командовать авангардом, теперь будет учиться у Сида, как обращаться с покоренными маврами и какова тактика альмо-равидов, которая через какое-то время, при Фраге⁴⁸, окажется столь роковой для него.

⁴⁸ Осадив Фрагу в 1134 г., Альфонс I понес тяжелое поражение от альморавидов. — *Примеч. ред.*

Подкрепление прибыло в Валенсию до истечения обещанных двенадцати дней. Помогая Кампеадору, арагонцы отдаляли опасность, которой вторжение африканцев могло со временем грозить их собственным границам.

Помощь Пенья-Каделье

Сид принял в Валенсии своего царственного гостя с величайшими почестями, и оба двинули войска на помощь замку Пенья-Каделье. Этот замок, который Сид отстроил в 1091 г. для охраны двух перевалов — через Хативу и через Гандию, — которыми только и можно было пройти с юга на валенсийскую равнину, в то время из-за нехватки припасов был бы не в состоянии выстоять, если бы альмо-равиды из Дении вновь перешли сьерру Беникадель, которую защищал замок.

Чтобы добраться до Пеньи-Каделье, Сид выбрал кратчайший путь — через Хативу. Но, приблизившись к этому городу, он обнаружил, что проход перекрыл племянник Юсуфа — Мухаммед, побежденный при Куарте Мухаммед держал гарнизон в Хативе и подготовил значительное войско в 30 000 всадников, альморавидских и андалусских, вооруженных до зубов. К югу от Хативы долину сдавливали горы, и в теснине между ними, ширина которой едва достигала половины лиги, помещались только река и римская дорога, идущая почти по берегу; альморавиды заняли высоты, господствующие над дорогой, и идти дальше для христиан было чрезмерно рискованно.

Однако Сид пошел. Пока христиане проходили ущелье, мавры со своих гор шумно издавали воинственные кличи, но за весь день так и не спустились, чтобы завязать бой, — то ли потому, что Сид укреплял каждую занимаемую позицию, то ли, возможно, пока не считали нужным атаковать, чтобы он не вернулся назад, а вступил бы в горный район, где его будет легко загнать в тупик и уничтожить.

Так Кампеадор и король Педро невредимыми достигли долины Альбайды. Они отправили отряды в набег в разные стороны, добыли в окружающем районе скота и съестных припасов и поместили это все под охрану стен Пеньи-Каделье, в изобилии снабдив провизией ее укрепления.

Сражение при Байрене

Для возвращения в Валенсию Сид выбрал более широкий путь, чтобы избежать теснин Хативы, где оставалось вражеское войско. Поэтому он направился к морю и разбил свой лагерь, вместе с лагерем короля Педро, перед высотами Байрена.

Здесь пройти тоже было трудно. Теперь три укрепленных здания разрушенного замка Байрен расположены на вершинах, а башни и стены спускаются вниз и идут вдоль дороги, зажатой между горой с одной стороны и болотистой местностью с другой; ныне все это побережье — заболоченная низина, где растет тростник и разводят рис, но во времена Сиды море (которое с каждым годом заметно отступает от валенсийского берега) должно было доходить почти до дороги, потому что еще в XIII в. у монастыря Байрена могли причаливать галеры. Этот проход, столь трудный для Сиды, сегодня довольно широк, хоть и поуже Фермопильского, с которым так нелегко пришлось Ксерксу, — наносы так расширили Фермопильское ущелье, что теперь его не узнать.

Двинувшись столь трудным путем, христиане Сиды и короля Педро направились к мысу и укреплениям Кулье-ры, белевшим вдалеке на горизонте и сулившим ровную дорогу до Валенсии; но, еще не выбравшись из этих теснин, в самой опасной из них они встретили Мухаммеда со всем его войском, готовым к бою. Палатки мусульман были поставлены у подножия высокой горы Мондубер, которая возвышается близ берега на 840 метров и отроги которой окаймляют дорогу с запада; сверху мавры могли обстреливать походную колонну из всех видов своего оружия, а на востоке, в морских эстуариях, стояло множество африканских и андалусских кораблей, державших дорогу под прицелом

арбалетов. С помощью вражеского флота проход здесь был заперт еще прочнее, чем на входе через Хативу, и в рядах христиан распространились уныние и страх. Но Родриго сумел и в этой мрачной ситуации увидеть возможность победы; он надел кольчугу, поднялся на боевого коня и поехал вдоль своих оробевших воинов. И опять произошло чудо: вера в непогрешимость вождя пересилила бывшее замешательство, и все ринулись в битву. До полудня король Педро и Родриго с главными силами упорно атаковали, и наконец мусульмане начали подаваться назад, а потом бросились в бегство. Их поражение было полным, как и поражение при Куарте; многие пали от меча, многие погибли, пытаясь переправиться через реку Харако, а огромное большинство, ища спасения на кораблях, утонуло в болотах или в морских волнах.

Христиане взяли обильную добычу; самой важной ее частью были кони, мулы и оружие хорошо оснащенного мусульманского войска.

После возвращения в Валенсию, уже беспрепятственного, христиане несколько дней отдыхали. Теперь настала очередь Сиды помочь королю Педро, и оба направились на север, к плоским берегам Кастельона, где, как мы знаем, арагонский король имел несколько замков в качестве тыловых баз для борьбы с альморавидами и где один из этих замков, Монторнес, поднял мятеж. Союзники осадили этот замок, взяли его и принудили к повиновению. После этого в январе 1097 г. король Педро двинулся в свое государство, а Сид вернулся в Валенсию.

Неудача Альфонса при Консуэгре

Тем временем император Альфонс, вынужденный перейти к обороне, еще раз оказался в опасности.

Юсуф в четвертый раз пересек пролив и, находясь в Кордове, собирался напасть на область Толедо. Альфонс поспешил ему навстречу. Кампеадор послал к нему своего сына Диего (молодого человека лет двадцати двух) с воинским отрядом; сам он не мог оставить Валенсию, как показывают его соображения, изложенные старинным хуг-ларом по другому поводу:

А я не покину земли валенсийской:
Недешево мною она добыта
И глупо ее оставлять беззащитной.
(*Стихи 1470-1472*)

Со своей стороны Эмир аль-муслимин, избегая нового личного столкновения с христианским императором, поручил командовать походом полководцу Мухаммеду ибн аль-Хаджу, вверив ему сильное войско из альморавидов и андалусцев всего Пиренейского полуострова. «Если Бог судил, чтобы они были разбиты, — сказал благочестивый и осторожный Юсуф, — я останусь позади, чтобы прикрывать их отступление».

Едва мусульмане перешли толедскую границу, как перед Консуэгрой они встретили Альфонса. И вновь альмо-равидская тактика оказалась губительной для христиан: «В их авангарде, — сообщает «Китаб аль-иктифа», — Всемогуший распространил смятение», и мусульмане наголову разбили их. Там погиб сын Кампеадора. Этот разгром произошел в субботу, 15 августа 1097 г., в день Богородицы; король Альфонс бежал в Консуэгру, и альморавиды осаждали ее восемь дней, пока наконец не ушли.

В области Толедо случилась и еще одна беда. Прежде чем вернуться в Африку, Юсуф отправил своего сына Ибн Айшу, губернатора Мурсии, в окрестности Куэнки; здесь альморавидский полководец сразился с Альваром Аньесом, командующим на территории, начинающейся от крепостей Сорита и Сантавер, и разгромил его, разграбив христианский лагерь и взяв богатую добычу.

Новое вторжение альморавидов в Валенсию. Поражение при Альсире

Победив при Куэнке, Ибн Айша двинулся во владения Сиды. Несмотря на поражение при Байрене, альморавиды не могли забыть о Валенсии, «соринке в глазу Юсуфа». Ибн Айша пошел к Альсире; там он встретил отряд из войска Кампеадора и разбил его, нанеся почти сокрушительное поражение.

Когда беглецы из Альсиры достигли Валенсии, Сид опечалился чуть не до смерти. Несчастье, постигшее его вассалов, потеря сына, а в довершение всего разгром войск короля и Альвара Аньеса — все это одно за другим легло тяжелым грузом на его сердце, словно непомерная расплата за удачу всей жизни, наполненной чудесными победами. Смерть единственного сына тогда означала не только утрату надежды увековечить себя в грядущих поколениях — это горе усугублялось еще и тем, что влекло за собой непоправимый крах социальной значимости: семья в то время воспринималась не просто как сообщество близких людей, но как необходимая организация, которая обеспечивает своим членам взаимопомощь против агрессии со стороны всех остальных и прежде всего гарантирует месть, обязательную расплату за любое оскорбление, невозможность которой в «Романсеро» в основном и удручает старого отца, разыскивающего на поле боя тело любимого сына:

Будь проклята женщина, родившая всего одного сына;
Если его убьют враги, отомстить за него будет некому.

Сид берет Альменару

Но Сид был еще в состоянии отомстить альморавидам за сына.

Отправив разведку по области Валенсии с целью защитить ее от врагов, он узнал, что альморавидскому каиду Хативы помогали каиды Мурвьедро и Альменары. Сид направился к этим крепостям; он осадил неверный город Альменару, после трехмесячной осады взял его и всех, кто добровольно сдался, выселил из города, позволив им свободно уйти (дата — декабрь 1097 г.?).

В благодарность за победу он заложил там церковь, посвященную Деве Марии, после чего вышел из Альменары, говоря всем, что идет в Валенсию отдыхать.

Под Мурвьедро

Но когда христианское войско вступило в тень Мурвьедро и проходило под вершиной, увенчанной гигантскими укреплениями, массивными башнями и тысячелетними стенами («Муро Вьехо» — «Старая стена»), которые видели еще схватки иберов и карфагенян, Кампеадор поднял руку, остановив своих командиров: в Валенсию они не вернуться, пока не захватят Мурвьедро и там не будет отслужена месса.

Люди Сиды немедленно и внезапно осадили город и крепость, верность которых оказалась столь непрочной, и принялись непрестанно штурмовать их, используя мечи и осадные машины. Все входы и выходы для осажденных оказались перекрыты, и они, уже страдая от голода, вступили с Сидом в переговоры, чтобы вымолить у него отсрочку, во время которой они могли бы попросить помощи у тех, кто способен им ее оказать: «Если за это время никто не придет освободить нас из твоих рук, мы станем твоими и будем служить тебе; но имей в виду, что крепость Мурвьедро широко известна, так что сдать ее тебе прямо сейчас мы не можем — если ты не дашь нам отсрочку, мы все скорее умрем, чем сдадимся, и лишь после смерти последнего ты сможешь войти в город». Сид, всегда готовый дать врагам возможность убедиться в их бессилии, согласился, что Мурвьедро по своей военной значимости, превращающей его в центр всего валенсийского мусульман-

ского округа, заслуживает отсрочки; и, уверенный, что горожанам все равно ничто не поможет, он дал им тридцать дней — с 1 по 30 апреля 1098 г.

Отсрочка для просьб о помощи

Мавры Мурвьедро спешно разослали послание за посланием: африканскому императору Юсуфу; его сыну, кайду Мурсии, и другим альморавидским эмирам; королю Альфонсу; Мусгаину Сарагосскому; эмиру Ибн Разину, более всех обязанному прийти, потому что замок принадлежал ему; графу Барселонскому. И пока срок шел, посланцы возвращались в Мурвьедро с такими ответами: все, что велел им передать Альфонс, — чтобы на него не рассчитывали, так как он предпочтет видеть Мурвьедро владением Родриго, чем владением какого-либо мавританского эмира. Мустаин, чью всегдашнюю амбициозность Сид заблаговременно пресек — пригрозив ему смертью, если двинется на помощь осажденным, — ответил: пусть мужаются и достойно борются против сильного врага, но он лично со своей стороны не расположен вступать в схватку с непобедимым воином. Ибн Разин тоже дал очень дельный совет: пусть держатся, сколько смогут, но он прийти им на помощь не сумеет. Альморавидские кайды ответили лучше: они все придут, они с радостью помогут Мурвьедро... но надо, чтобы через море переправился Юсуф, Эмир всех мусульман, ибо они убеждены, что без него ввязываться и бой с Кампеадором бессмысленно. Что ответил Юсуф, мы не знаем, но, судя по тому, какой оборот приняла в свое время попытка помочь Валенсии, могущественный эмир меньше всего желал встречаться с тираном Родриго, на голову которого усердно призывал проклятия Аллаха. Наконец, граф Барселонский ответил осажденным кое-что получше. Этот титул носил уже не бывший противник, а после друг Сиды, которому мы посвятили столько строк: к тому времени Беренгер, обвиненный в убийстве брата, как мы уже упоминали, был осужден судом императора Альфонса и как уличенный изменник выслан в Святую землю, и теперь графом стал его племянник, сын жертвы, уже достигший совершеннолетия, которого назовут Раймундом III Великим. В порыве энтузиазма, понятного в его шестнадцатилетнем возрасте, и оценив большую дань, которую заплатили ему жители Мурвьедро, он искренне велел передать им кое-что обнадеживающее: «Знайте, что, хоть я и не осмелюсь сразиться с Родриго, я пойду и осажу его замок Оропесу, а когда он пойдет со мной биться, вы сможете в изобилии запастись продуктами».

И граф, спустившись к побережью Кастильона, сдержал свое слово. Вот только Сид не принял этой агрессии всерьез и не подумал идти на помощь Оропесе: достаточно было одному рыцарю привезти в лагерь графа ложную весть, что воевать с ним идет Родриго, чтобы молодой Раймунд, не рискуя проверять эту новость, крайне спешно снял осаду и вернулся в свою землю, вполне уверенный, что достаточно помог осажденным.

Новые отсрочки. Мурвьедро сдается на милость победителя

Так миновало тридцать дней отсрочки, и Сид потребовал от жителей Мурвьедро сдать замок, но они, солгав, сказали ему, что еще не все гонцы, отправленные с просьбами о помощи, вернулись и что они молят его о новой отсрочке. Хотя Сид хорошо знал, что они лгут, он предоставил им то, о чем они просили: «Я даю вам еще двенадцать дней отсрочки, чтобы все видели, что я не боюсь никого из ваших королей; тогда у них не будет никаких отговорок, почему они не пришли на помощь. Но я воистину говорю вам: если по прошествии этих двенадцати дней вы не сдадите мне замок немедленно, то всех вас, кто только попадет ко мне в руки, я велю сжечь живьем или без пощады обезглавить».

Видно, эта угроза подействовала слабо, потому что 12 мая, когда срок истек и Сид потребовал сдачи, жители Мурвьедро в последней надежде на помощь ответили: уже близится Троица (в тот год выпавшая на 16 мая), вот в этот торжественный для христиан

день они и сдадут замок полностью на милость победителя, если ни один мавританский эмир не пожелает прийти к ним на помощь. Сид согласился, поскольку теперь выдвинул условия, выполнение которых требовало больше времени: «Пусть так, я не вступлю в ваш замок даже на Троицу; добавляю вам еще сорок дней — до Иванова дня, но к этому сроку вы не только сдадите мне укрепления, но и уйдете из города; за это время возьмите своих жен и детей и все свои богатства и идите с миром куда пожелаете; равным образом освободите мне и замок, куда я по милости Бога вступлю на Иванов день». Услышав, что можно забрать все движимое имущество, мавры почтительно поблагодарили Сиду за проявленное милосердие.

Когда настал день Рождества Иоанна Крестителя (24 июня 1098 г.), Сид выслал вперед своих рыцарей, чтобы они поднялись на замковую гору и заняли внешние укрепления. Когда с самых высоких башен послышались крики радости и выражения благодарности, которую возносили к небу завоеватели-христиане, Кампеадор лично со своими военачальниками вступил в крепость и на одной из больших площадей велел отслужить здесь мессу и заложить красивую церковь, посвященную святому Иоанну.

После того как Сид стал полным хозяином исключительно важной крепости Мурвьедро, валенсийская территория оказалась в полной безопасности.

Глава V

МОЙ СИД - ПРАВИТЕЛЬ ВАЛЕНСИИ

1. СИД ВОССТАНАВЛИВАЕТ ПОЗИЦИИ ХРИСТИАНСТВА И ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Мосарабский епископ

После того как Сид захватил Мурвьедро и тем самым укрепил свою власть в Леванте, он задумал дополнить организацию христианской церкви в Валенсии, восстановив в ней кафедру епископа.

Во главе клира у валенсийских мосарабов издавна стоял епископ. Мы видели, что в 1090 г. Сид собирал налог на содержание мосарабского епископа и что тот покинул Валенсию, когда произошел переворот Ибн Джаххафа.

Архиепископ Толедский и дон Иероним

Поскольку мосарабская христианская община пришла в полный упадок, Сид теперь собрался возродить ее и, так же как король Альфонс, но имея для этого более веские причины, обратил свои взоры на клонийцев. Он обратился за советом к Бернарду де Седираку, тому самому клонийцу, с которым он познакомился на Бургосском соборе 1080 г., когда тот был аббатом Саагуна, и с которым после общался в Толедо уже как с архиепископом. Кампеадор должен был направиться именно к нему, потому что Валенсия с римских и вестготских времен была викарным диоцезом, подчиненным Толедо.

Дон Бернард, вернувшись в свою землю из поездки в Южную Францию, привез с собой группу молодых и ученых клириков, которых смог там набрать, чтобы заполнить вакансии в толедской церкви. Вскоре они заняли самые важные кафедры христианской Испании. Из Муассака (монастыря, очень активно проводящего испанское влияние) он привез Геральда, который потом стал архиепископом Браги, а после был канонизован; из Буржа привез Петра, позже занявшего кафедру Осмы и тоже ставшего святым; из Ажена — Бернарда, Петра и Раймунда, после занявших епископские кафедры соответственно Сантьяго, Сеговии и Толедо; из Перигора привез Иеронима, который был более склонен к поиску приключений и сильнее проникнут крестоносным духом, почему и предпочел направиться в Валенсию и разделить опасности с Кампеадором.

Историк Родриго Толедский говорит об этих клириках как об «ученых мужах (*viros litteratos*)», а хутлар Сид хвалит дона Иеронима как «сведущего в мудрости книжной», но добавляет, что тот был «отважен» и просил Кампеадора о чести наносить первые удары в сражениях:

Но затем я покинул родную землю,
Чтобы вместе с вами разить неверных:
Свой орден и меч мне прославить хотелось.
(*Stix 1290*)

Таким образом, надо полагать, дон Иероним действительно сражался при осадах Альменары и Мурвьедро, потому что по распоряжению архиепископа Толедского должен был прибыть в Валенсию в 1097 г.

Сид, разумеется, хорошо принял дона Иеронима и сделал ему кое-какой личный подарок: мы знаем, что он подарил епископу фруктовый сад на территории Хубальи.

Преподнесение валенсийского собора в дар церкви

В 1098 г. после захвата Мурвьедро Сид посвятил себя грандиозной перестройке главной валенсийской мечети, ставшей христианским храмом в 1096 г., с целью сделать ее кафедральной церковью, поставив под заступничество Девы Марии и передав на попечение французскому клирику.

В этой церкви клир и народ, согласно тогдашним обычаям, избрали и по всем канонам провозгласили дона Иеронима епископом. Получив после этого особые привилегии от папы Урбана II, он отслужил в церкви-мечети епископальную мессу. При описании этой достопамятной церемонии историк Сид упоминает «благозвучные хвалебные песнопения и сладчайшее пение хора, каждый участник которого был исполнен воодушевления и с величайшим восторгом призывал славить Христа, коему причитается честь и слава во веки веков».

На этом пышном празднестве Сид («*Ego Rodericus Campidoctor et Princeps*») одарил новый епископский престол драгоценными принадлежностями для отправления культа, а также многочисленными имениями, селениями и плодовыми садами в районах Валенсии, Альсиры, Хубальи, Мурвьедро, Альменары и Буррианы; кроме того, он пожаловал всем, кто сможет, право дарить церкви свои владения, хоть освобождение земель от налогов и было невыгодно Сиду как сеньору этой территории. Дарственная грамота снабжена вступлением, составленным в столь же высокопарном стиле, характерном для испанской Реконкисты, как и королевские грамоты о восстановлении соборов в Толедо (1085 г.) и Уэске (1096 г.), и даже соперничающем с ними в напыщенности. В этом вступлении, торжественно провозглашающем высокие крестоносные идеалы, которым в своих деяниях следовал Сид, говорится, что по своим великим грехам Испания жестоким мечом сынов Агари была ввергнута в рабство, в коем и пребывала, пока по прошествии четырехсот лет сего бедствия Предвечный Отец, смилостивившись над своим народом, не вдохновил непобедимейшего князя Родриго Кампеадора сделаться мстителем за оное бесчестие и распространять христианскую веру, и после многих превосходных побед, дарованных ему небом, оный сумел завоевать богатейший и многолюдный город Валенсию и после быстрой и чудесной победы над бесчисленным воинством альморавидов и варваров со всей Испании превратил мечеть в церковь и даровал ее дону Иерониму.

Сид подписал собственноручно грамоту, и это тем ценнее, что автографов того времени почти не сохранилось. Хотя в графологию мы не верим, но эти строки властно воскрешают в наших душах образ их автора и праздничную торжественность, в условиях которой они были написаны, — толстые штрихи очень неодинакового размера ложатся под пером воина на пергамент все резче и тверже, строка отклоняется от прямой линии и

образует линию волнистую, таинственно вторя душевным тревогам того, кто водил пером: «Я, Родриго, вместе со своей супругой, подтверждаю то, что написано выше (*Ego Ruderico, cum conjugue mea, afirmo os quod superius scriptum est*)»; простая формула, начертанная в момент религиозного подъема героической души, производит на нас глубокое впечатление как бесценная реликвия, сохранившийся в веках единственный след, непосредственно оставленный той непобедимой рукой, которая сдержала волну альмора-видов, изваяла границы и королевства, по справедливости пресекла бесчинства королей и знати.

2. ДВОР КАМПЕАДОРА

Кастильские, леонские, португальские и арагонские рыцари

Кроме этой, ни одной грамоты, выпущенной Сидом в Валенсии, не сохранилось, и подписали ее только неизвестные лица — Муньо, Мартин, Фернандо, — которые все несомненно были клириками, потому что никто из них не привел рыцарского патронима. В свою очередь, автор «Истории Родриго» упорно воздерживается от упоминания кого-либо из капитанов Кампеадора, поскольку писал ее в стиле старинных королевских хроник, составители которых, рабски сосредоточиваясь на персоне описываемого монарха, более не называли по именам никого в королевстве. И коль скоро это так, отметим мимоходом: если в «История Родриго» нет никаких упоминаний об Альваре Аньесе, это еще не значит (как кое-кто мог подумать), что племянник Сида никогда не разделял изгнания со своим дядей, не был при нем в начале ссылки и периодически не наезжал в Валенсию.

Для поиска дополнительных сведений нам следует еще-раз обратиться к старинной «Песни»: ведь ее автор — почти современник героя. Из нее мы выясняем, что в состав *cort* (двора) моего Сида в Валенсии — то есть в число тех вассалов, чье общество сеньор чаще всего разделял в залах алькасара, — входили епископ дон Иероним, Альвар Аньес и «много других, кто ест Сидов хлеб». Таким образом, двор состоял в основном из личной дружины, уже описанной нами при помощи того же поэта и состоящей из родственников, как альферес Сидова войска Педро Бермудес, и воспитанников, как Муньо Густиос («Вращен в моем доме ты в добрый час»), знатный астуриец, женатый на сестре Химены. В нее входили также приближенные с давних пор вассалы, такие, как бургосец Мартин Антолинес или Альвар Сальвадорес, брат графа Гонсало, предательски убитого в Руэде.

Этот двор, самый ближний, сообщество вернейших вассалов, искренне разделял все чувства сеньора: радость от успешного исхода войны, полученную обиду, ощущение ответственности за решение. Даже предполагаемый брак собственных дочерей Сид раньше обсудил со своими племянниками Альваром Аньесом и Педро Бермудесом, чем с Хименой.

К этим персонажам, имена которых сообщает нам поэзия того времени, мы можем добавить еще одного, известного по историческим документам, — Мартина Фернандеса, алькайда Пенья-Кадьельи, который, судя по его фамилии, тоже был кастильцем, как и дружинники.

Но двор Сида вовсе не состоял исключительно из кастильцев. От Ибн Алькамы мы знаем о четырех арагонских рыцарях, входивших в состав гарнизона Валенсии вместе с кастильцами, когда произошел переворот Ибн Джаххафа, а старинная «Песнь» сообщает нам, что араговец Галинд Гарсиас, сеньор Эстады, вместе с кастильцем Альваром Сальвадоресом оставался охранять город. Оказывать этой поэме большое доверие нас побуждают такие совпадения: из двадцати восьми христианских рыцарей, упомянутых в ней, двадцать четыре реально существовали во времена героя — это подтверждено историческими документами, а в отношении остальных четырех ничто не опровергает

такой возможности. Подобная достоверность означает, что «Песнь» — текст очень старинный и возник во времена, близкие к сидовским.

Значит, «Песнь», видимо, говорит правду, утверждая, что при Сиде находился также португальский рыцарь Мартин Муньос из Монтемайора. Грамоты подтверждают, что Мартин Муньос действительно существовал, и сообщают кое-что о его жизни. Он был зятем мосарабского алуазира Сиснандо, первого графа Португалии, и по смерти последнего в 1091 г. стал графом Коимбры. Мы обнаруживаем, что позже, уже в феврале 1094 г., в Коимбре Мартина сменил граф Раймунд Бургундский, зять короля, управлявший всей Галисией и Португалией. Далее Мартин Муньос упоминается только в августе 1094 г. как губернатор Ароки, а потом он, видимо, покинул Португалию, чтобы присоединиться к герою, молва о котором после упорной осады и завоевания им Валенсии облетела всю Испанию.

Изгнание, обособление от кастильских царедворцев расширило сферу деятельности Сиды, усилив притягательность его личности для жителей всех областей Испании: «К нему, — пишет Ибн Алькама, — присоединялось великое множество народа, ибо они слышали, что он хочет вступить в землю мавров». В этом проявился его характер общеиспанского героя. Существенно важно, что в войске изгнанника наряду с кастильцами сражались астуриец Муньо Густиос, арагонские рыцари Санчо Рамиреса и Педро I и португальцы графа Коимбры и Монтемайора. Старинная «Песнь» говорит об этом так:

Лихо бился, в седле золоченом сидя,
Мой Сид Руй Диас, славный воитель, [...]
Бургосец смелый Мартин Антолинес,
Воспитанник Сиды Муньо Густиос,
Мартин Муньос, Монтемайора властитель, [...]
Храбрец арагонский Галинд Гарсиас...
(*Стихи 733, 734, 736-738, 741. С. 628, 629*)

Эти героические строки, краткие, как девиз на гербе, могли бы для испанцев стать тем же, чем для эллинов сделался гомеровский список кораблей. Военные предприятия Сиды, в которых участвовали рыцари из разных областей, хоть и были затеяны по инициативе одного человека, представляют собой пример той общеиспанской солидарности, которая позже столь же широко проявлялась в самые трудные моменты Реконкисты, объединяя различные государства Пиренейского полуострова.

Каррионцы и дочери Сиды. Поэзия и реальность

«История Родриго» о дочерях героя даже не упоминает. Зато в старинной «Песни» браку этих дочерей посвящен отдельный сюжет, и к ней нам поневоле придется обратиться то и дело, если мы хотим что-либо узнать о частной жизни Сиды.

Но именно в рассказе об этих браках поэма, столь достоверная в своей основе и в главной сюжетной линии, где во всех эпизодах действуют персонажи, которые существовали на самом деле и вели себя приблизительно так, как сказано в поэме, — словно бы откровенно удаляется от подлинной реальности, повествуя, как инфанты Карриона, братья Диего и Фернандо Гонсалесы, женились на дочерях Сиды, потом бросили их и были за это опозорены при дворе короля Альфонса. Однако, может быть, этот рассказ не настолько фантастичен, каким кажется: пока что я выяснил, что оба инфанта Карриона, появление которых в поэме историки считают анахронизмом или вымыслом, были реальными лицами и современниками дочерей Сиды.

Имена двух молодых людей Диего и Фернандо Гонсалесов часто встречаются вместе, как имена братьев, в подписях к грамотам того периода, когда они прилежно сле-

довали за двором короля Альфонса, — с 1094 по 1105 год; обычно они появляются вместе с подписями Педро Ансу-реса — графа Карриона, Гарсии Ордоньеса — графа Нахеры и Альвара Диаса, то есть тех рикос омбрес, которые, согласно «Песни», были лидерами каррионской группировки. Эти два брата именуется в грамотах «графскими сыновьями», и к их именам прибавляется «*de schola regis*», то есть «из свиты короля»; несомненно, это те самые братья Диего и Фернандо Гонсалесы, о которых старинная поэма говорит, что «при дворе они в силе» и что они «от графов Каррионских [...] родились» как «дети графа до-на Гонсало Ансуреса», а значит, они племянники Педро Ансуреса, вместе с которым подписывали грамоты. Певец Сиды именуется обоим *инфантами Карриона*, потому что в то время «инфантами» называли всех молодых людей знатного происхождения.

Какой может быть историческая основа рассказа о происшествии в лесу Корпес

Рассказ о том, как дочери Сиды были брошены в дубовом лесу Корпес, поэт узнал через сорок лет после смерти героя, из местного предания, бытовавшего в Сан-Эстебан-де-Гормас; невозможно поверить, чтобы оно было целиком вымышлено. Даже при самой осторожной интерпретации истории оскорбления в лесу Корпес можно допустить, что в ее основе лежит какая-то сильная обида, которую Кампеадор в лице его родных претерпел от Бени-Гомесов. Возможно, предпринимались переговоры о браке между дочерьми Сиды и инфантами Карриона, племянниками Педро Ансуреса. Нам определенно известно, что этот леонский магнат одно время был другом кастильского рыцаря, когда в 1074 г. выступил поручителем в договоре о приданом Сиды для брака с Хименой, и мы также знаем, что позже, когда в 1092 г. Сид напал на Риоху, тот же Педро Ансурес выступил в союзе с Гарсией Ордоньесом как враг бургосского изгнанника; хуглар тоже изображает их союзниками в сцене заседания толедских кортесов. Здесь, как и в других деталях, блестяще подтверждается достоверность поэмы, верно отражающей и личные отношения персонажей, и смену их дружбы с Кампеадором на ненависть к нему.

В таком случае можно предположить, что брачный договор между Бени-Гомесами и Сидом — если он существовал, во что я верю, — мог появиться не тогда, когда Сид захватил Валенсию и в результате его положение упрочилось и отношение к нему короля стало неизменно дружеским, а раньше, когда из-за прихотливого чередования фавора и немилости у Альфонса придворные гарсии ордоньесы и педро ансуресы могли мгновенно сменять почтение к герою на пренебрежение к нему; если так, то в самый благоприятный момент для переговоров с Сидом, за которым последовала новая опала, допустим, между 1089 и 1092 гг., могли быть затеяны переговоры о браке, позже со скандалом прерванные, что гораздо более вероятно, чем запятанный и расторгнутый брак.

Кристина и Рамиро Наваррский

Что касается исторически достоверных браков обеих дочерей Сиды, то старшая дочь, Кристина Родригес, вышла за Рамиро, инфанта Наваррского, внука короля Гарсии Атапуэркского и сына другого инфанта Рамиро, предательски убитого в Руэде. Чаще всего в браках жена по социальному положению была знатнее мужа (случай Химены); здесь мы видим обратное как результат большой власти и высокого престижа, приобретенных Кампеадором.

Поскольку королевства Наварра и Арагон в то время были объединены, инфант Рамиро владел сеньорией Мон-сон на арагонской земле. Должно быть, переговоры о его браке провел король Педро, верный друг Сиды.

Сын Кристины поднялся на наваррский трон: Гарсия Рамирес царствовал с 1134 по 1150 г. Благодаря дочери этого Гарсии — Бланки, правнучки Кампеадора, вышедшей за короля Кастилии Санчо III, — потомство Сиды заняло не только трон Кастилии и Леона в

лице Фернандо Святого, но также престолы Франции в лице Людовика Святого и Португалии в лице Альфонса III⁴⁹.

Когда эти родственные связи уже завязывались и после помолвки Бланки и Санчо в 1140 г. все осознали, что потомки Сида неминуемо взойдут на трон, автор ранней поэмы написал:

Рожденный в час добрый стал всюду известен. [...]
Монархи испанские — Сидово семя.
(*Стихи 3722, 3724*)

Мария и Раймунд Беренгер Великий

Вторая дочь Сида, Мария Родригес, вышла за графа Барселоны Раймунда Беренгера III Великого, который, как мы видели, в 1098 г. под Оропесой выступил противником Кампеадора. Тогда графу было шестнадцать лет, а дочери Сида — восемнадцать-девятнадцать.

Через недолгое время после этой враждебной вылазки под Оропесу Раймунд Великий, «муж приятнейший, великодушнейший и весьма прославленный в военном деле», должно быть, начал переговоры о женитьбе на Марии, потому что в следующем году Сид умер, а свадьбу, по всей вероятности, сыграли до его смерти. Граф несомненно рассчитывал с помощью брака удовлетворить свои притязания на мавританские земли, от которых его дядя, граф Беренгер, был вынужден отказаться в пользу Сида, — притязания, к которым он уже возвращался, когда получил от Мурвьедро дань, чтобы открыть против Кампеадора враждебные действия. Впрочем, брачные союзы между каталонскими князьями и кастильцами или леонцами были не редкостью.

Барселонские грамоты за 1103 г. представляют Марию Родригес, графиню Барселонскую, супругу Раймунда Великого, и сообщают о двух внучках Кампеадора, родившихся в семье барселонских графов. Одна из них, названная, как и бабка, Хименой (Эйсеменой), вышла во Франции за Роже III, графа Фуа.

3. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

Костюмы и роскошь

Благодаря тому, что слогу автора «Песни о Кампеадоре» порой свойственна живописность, мы уже изобразили героя на поле битвы — от прочих воинов его отличают шлем с диадемой из электрума и щит с гербом в виде разъяренного дракона; благодаря другому старинному поэту, автору «Песни о моем Сиде», нам известен и придворный наряд героя. Среди рыцарей, которые, чтобы предстать перед королем Альфонсом, одевались в «цветное платье», в великолепные шубы и роскошные плащи, выделяется внушительная фигура Кампеадора с «бородой длинной», чей костюм подробно описан автором: чулки из доброго сукна, башмаки исключительной работы, рубаха из тончайшего рансаля, окаймленная золотом и серебром по воротнику и манжетам, красивый бриаль из сиглатона с золотым шитьем; бросается в глаза надетая на бриаль особая одежда, характерная для Родриго, — алая шуба с золотыми полосами: «мой Сид Кампеадор всегда ее надевает», а поверх всего — непревзойденной ценности плащ.

⁴⁹ Альфонс VIII Кастильский, сын этой Бланки, выдал одну дочь, Беренгелу, за Альфонса IX Леонского, чьим сыном был Фернандо III Святой, король Кастилии и Леона, другую, Бланку, за Людовика VIII Французского, и она стала матерью Людовика IX Святого, а третью, Урраку, за Альфонса II Португальского, и она родила Альфонса III. — *Примеч. ред.*

Чего-либо специфически восточного в этих одеждах не ощущается. Сиглатон, затканый золотом, на Востоке действительно носили часто, но к тому времени он уже распространился не только по Испании, но и по всей остальной Европе.

Где с неизбежностью, надо полагать, был замечен восточный колорит — так это в интерьере валенсийского алькасара. Наши хроники прославили в веках скамью со спинкой из покоев Сида, выточенную из слоновой кости и ранее принадлежавшую внуку Мамуна, эмира Толедо. Старинная поэма в свою очередь описывает нам залы алькасара, украшенные ради торжеств «резными скамьями» и «*encortinadas*», то есть роскошными коврами из пурпура и парчи; эти блистательные приготовления заставляют хуглара воскликнуть:

Счастлив, кто зван в хоромы такие. (*Стих 2208*)

Эти ковры, как сообщает он нам, покрывали не только стены, но и пол. Стенные ковры были на Западе далеко не редкостью, но устилать пол коврами было в обычае только у мусульман и жителей Пиренейского полуострова, а в остальной Европе этот обычай распространился лишь после крестовых походов; еще в XIII в. ковры на полу, украшавшие покои приехавшего в Лондон толедского прелата, вызывали там восхищение как экзотическая роскошь. Возможно, Сид очень любил пышные ковры. Ибн Аль-кама тоже особо отмечает, что помост, на котором Кампеадор принимал знатных валенсийцев, был украшен «ковриками и дорожками», а латинский хронист выделяет среди даров, преподнесенных героем валенсийскому собору, два причудливых шелковых ковра с богатейшим золотым шитьем, подобных которым, по его словам, в изобильной и торговой Валенсии никогда не видели; несомненно это были восточные ковры из сокровищницы аль-Кадира, может быть, прежде украшавшие толедский алькасар и привезенные в Испанию после разграбления дворца Аббасидов в Багдаде, как и знаменитый пояс султанши Зубайды.

Пояс султанши

Самым выдающимся образцом восточной роскоши при дворе Кампеадора был пояс султанши Зубайды, переживший, как известно, с VIII по XV в. ряд трагических перипетий; отчасти мы их уже пересказали — ведь эта драгоценность, надетая на аль-Кадира, когда он погиб, должна была сыграть роль главной улики в процессе Ибн Джаххафа. В качестве необходимого дополнения кратко опишем дальнейшие приключения этого пояса.

Когда огромная масса богатств, которые казненный кадий приобрел царевубийством и поборами, была разделена между христианами, Сиду достались личные драгоценности покойного аль-Кадира; во всяком случае, этот пояс, чудо азиатского ювелирного искусства, когда-то, на празднествах в Багдаде, чувственной красотой переливов цвети обвивавший стан султанши Зубайды, теперь, в Валенсии, должен был время от времени улаждать женское тщеславие Химены, знатной астурийки.

Но позже, когда Химена покинула город на Средиземном море, она увезла с собой в Кастилию и знаменитую драгоценность, которая, уже ослепив алькасары Аббасидов в Багдаде, Омейядов в Кордове, Бени Зу-н-Нунов и Толедо и Валенсии, теперь засверкала во дворце кастильских королей, неизвестно как попав туда; если в свое время она вызвала вожделение Ибн Джаххафа, то теперь соблазнила другого выдающегося охотника за сокровищами — коннетабля Альваро де Луно. Когда в 1453 г. того обезглавили, король Хуан II, как некогда Сид, в свою очередь стал разыскивать спрятанные богатства казненного коннетабля, и в последнем из найденных тайников, самом секретном из всех, укрытом меж двух колонн мадридского алькасара, нашлась великая сокровищница кастильских королей старинных времен, среди драгоценностей которой главной оказалась «набедренная повязка, вся из золота, жемчуга и драгоценных камней, принадлежавшая

Сиду Руй Диасу». Это сообщение, приведенное в «Четвертой Всеобщей хронике», становится неожиданным подтверждением того, что Сид все-таки нашел среди имущества Ибн Джаххафа великолепную драгоценность султанши Зубайды, пояс, которым аль-Кафир опоясался незадолго до своего убийства, — как уже можно было предположить на основании текстов Ибн Алькамы и Ибн Бассама, сообщающих о найденном сокровище как о доказательстве царубийства.

Эта запись о находках в старинном мадридском алькасаре — последний миг в истории, когда у нас перед глазами блеснул этот обворожительный пояс, ассоциирующийся с красотой и кровью и воскрешающий в нашей памяти столько трагедий: труп халифа аль-Амина, оскверненный в его багдадском дворце; голову эмира аль-Кадира, покоящуюся без погребения на дне пруда валенсийского сада; мучительную казнь Ибн Джаххафа; тело могущественного дон Альваро де Луны, рухнувшего в собственную кровь на плаху Вальядолида. Дальше мы ничего не знаем. Вероятно, роковые чары несравненной восточной драгоценности очень скоро прекратились, и, возможно, ее конец был очень благородным. Может быть, дочь Хуана II Изабелла Католическая, которая, как известно, была большой любительницей роскошных поясов, блистала «набедренной повязкой, принадлежавшей Сиду», на каком-нибудь пышном торжестве; может быть, поскольку эта великая королева не раз закладывала ожерелья, короны и столовую посуду ради завоевания Басы и в других случаях нехватки денег в казне, пояс багдадской султанши использовали для нужд католической войны, разнизав экзотическую и крайне дорогую драгоценность, чтобы ее было легче продать.

Арабизовался ли Сид?

Кампеадор слушал не только поэтов или хугларов, поющих на романском языке, и клириков, говорящих по-латыни, но также мусульманских литераторов и, несомненно, мавританских поэтов.

Правда, весьма почитая христианскую веру, власть и славу, он не поддавался властному очарованию арабских сирен, как это скандальным образом сделали иностранные завоеватели Барбастро в 1065 г.⁵⁰; в альхаме Валенсии Сид упрекнул андалусских эмиров за пристрастие к музыке, из-за которого они забывали прочие дела: «Ведь я не закрываюсь с женами, чтобы пить и петь, как ваши государи».

И по другим поводам Сид также не выказывал особой склонности к чему-либо арабскому, как, например, его большой друг — король Педро Арагонский, всегда подписывавшийся по-арабски. Тем не менее, поскольку мусульманская культура в то время была намного богаче в научном и художественном отношении, чем христианская, последняя неизбежно должна была пополняться за счет первой и получать от нее мощные импульсы; и если бы такой человек, как Сид, проведя семнадцать лет жизни среди мусульман, не перенял у них ничего, кроме внешних сторон жизни, то есть блеска завоеванных богатств, он показал бы пример изрядной бесчувственности. Ибн Бас-сам уверяет, что Сид восхищался арабской литературой; с ней кастилец должен был познакомиться еще в Сарагосе, на придворных литературных конкурсах Бени-Худов. Позже, в алькасаре Валенсии, Кампеадор нашел обилие литературы — ведь аль-Кафир был великим библиофилом и дошел в своем произволе до того, что конфисковал для своего дворца библиотеку мудреца Мухаммеда ибн Хайяна, насчитывавшую 143 меры книг.

⁵⁰ В 1064 г. на Барбастро была отправлена многонациональная экспедиция в составе итальянцев, норманнов, французов и испанцев; ею командовал Гильом де Монтрей. Экспедиция имела статус «предкрестового похода», призвал к нему папа Александр II, а инспирировал его король Арагона Санчо Рамирес, который как вассал папы должен был стать сеньором этого города. Летом 1064 г. город действительно был взят, но уже в апреле 1065 г. эмир Сарагосы аль-Муктадир отбил его у христиан. - *Примеч. ред.*

Круг чтения Кампеадора

Масдеу имел слабое представление о Средних веках, если считал, что Сид был невежественным альмогаваром. Мы уже отметили, что он был знатоком права и мог пользоваться вестготским кодексом.

Кроме того, упомянутый Ибн Бассам сообщает нам, что Кампеадор велел читать себе героические рассказы арабов. Это указание очень ценно, потому что свидетельствует, что знатные рыцари XI в. уже практиковали обычай, распространенный в XIII и XIV вв., — слушать во время еды или отдыха чтение историй о великих подвигах или кантар-де-хеста (героические песни) хугларов. Сид, несомненно, слушал также песни о Фернанде Гонсалесе, об инфантах Саласа или об инфанте Гарсии.

В разделе труда Ибн Бассама, подтверждающем, что при дворе Сида активно читали книги, говорится: «Рассказывают, что в присутствии Кампеадора штудировали книги; ему читали о подвигах и деяниях древних храбрецов Аравии, слушая же историю Мухаллаба⁵¹, он выказывал восторг, исполнялся восхищения и преклонения перед этим героем». В этой истории, относящейся к первому веку существования ислама, Сид видел много общего с историей собственной жизни. Витязь из Басры, спаситель Ирака в мучительной девятнадцатилетней войне, тоже умел побеждать, когда, казалось, все безнадежно потеряно; Му-халлаб тоже стал жертвой зависти омейядских правителей Ирака, но по меньшей мере мог рассчитывать на уважение и решительную поддержку со стороны халифа.

4. КОНЕЦ ВАЛЕНСИЙСКОЙ СЕНЬОРИИ

Несколько фраз Сида

Угрожающая фраза Кампеадора, приобретшая широкую известность в мусульманском мире, известна нам по пересказу двух авторов. Согласно Ибн Алькаме, тот слышал в Валенсии, как Сид сказал: «Я заставлю подчиняться себе всех властителей, какие только есть в Андалусии, все они должны стать моими; и коль скоро король Родриго царствовал, не принадлежа к королевскому роду, я тоже буду царствовать и стану вторым королем Родриго». Этот валенсийский историк, всегда с удовольствием злословивший по любому поводу, зафиксировал фразу завоевателя в такой форме, словно бы ее автора распирало личное честолюбие, что противоречит целому ряду свидетельств, согласно которым Сид всегда признавал себя вассалом короля Альфонса. Однако сравнение себя самого со своим тезкой, вестготским королем, в устах Родриго де Бивара звучало не раз, и уже Ибн Бассам, более склонный к восторгам и менее язвительный, чем Ибн Алькама, вспомнил эту фразу, в которой упоминалось два одинаковых имени, в более краткой форме, и теперь она свидетельствовала не о личной кичливости, а о грандиозных планах: «Один Родриго потерял этот полуостров, другой Родриго спасет его», — эти слова грозно прозвучали по всему аль-Андалусу. Сид мечтал о полном отвоевании отчей земли, намереваясь прийти на смену Альфонсу, при котором в течение долгого периода — двадцати трех последних лет его царствования — Реконкиста была остановлена и христиане утрачивали позиции.

Другую, еще более горделивую фразу, посвященную Реконкисте, передает нам христианский хуглар, утверждая, что она была произнесена при дворе той же Валенсии в присутствии епископа Иеронима и рыцарей дружины: «Благодарение Богу, Господу вседержителю, — сказал Сид, — прежде я был беден, теперь у меня есть сокровища, земля и положение. Я побеждаю в битвах, соизволением Творца, и все меня очень боятся. Там, в Марокко, в земле мечетей, каждую ночь страшатся моего набега; но к ним я не

⁵¹ Аль-Мухаллаб ибн Абу Суфра (628—702) — арабский полководец. Действовал в Ираке, неоднократно ходил в походы в Мавераннахр, воевал с мятежными хариджитами. — *Примеч. ред.*

собираюсь, я останусь в Валенсии, а они будут платить мне дань — мне или тому, кому я захочу».

Он действительно остановил и устрасил альморавидов, и самому Юсуфу пришлось стерпеть надменные письма от Кампеадора, но неукротимой энергии последнего вскоре предстояло угаснуть, и желания, которыми он горел, не исполнились.

Смерть Сиды

В год, последующий за годом покорения Валенсии Сидом, один валенсийский мавр уже утешался, предрекая, что жизнь победителя долго не продлится. Хотя Кампеадор еще будет активно действовать, добиваясь своих самых необыкновенных побед, пронизательный мавр уже разглядел, как изнемог этот человек, изо всех сил старавшийся делать все поскорей, сжигавший жизнь в огне собственного пыла, истерзанный завистливостью и враждебностью сильнейших мира сего. К тому же физическое здоровье героя было подорвано тяжелой болезнью, перенесенной в Дароке, серьезной раной в шею, полученной в Альбарра-сине, другими столкновениями с опасностями, в которых он никогда не жалел сил и проявлял отчаянную смелость.

Сид умер преждевременно, когда ему исполнилось всего пятьдесят шесть лет; он скончался в Валенсии, на завоеванной им земле, в воскресенье, 10 июля 1099 г. До годовщины взятия Мурвьедро оставалось несколько дней.

Родичи и вассалы очень громко и неистово выражали горе по случаю смерти сеньора. В те времена, когда солидарность на основе родственных и вассальных уз имела значение фундаментальное и когда к событиям относились крайне серьезно, рассматривая каждое как составную часть извечного миропорядка, выражение скорби доходило до пределов, уже непостижимых для нас: мужчины били себя в грудь, разрывали на себе одежды, рвали волосы на голове, женщины ногтями расцарапывали себе в кровь щеки, посыпали лица пеплом, все кричали душераздирающими голосами, и эти стенания длились несколько дней. Хроника монастыря Майезе в Пуату, в центре Франции, свидетельствует, что смерть Сиды по резонансу, какой она имела, относится к великим историческим событиям и что она потрясла два исторических мира: «В Испании, в Валенсии, скончался граф Родриго, и его смерть вызвала величайшую скорбь у христиан и великую радость среди врагов-мусульман».

Реконкиста и крестовые походы

Горе по случаю смерти Сиды постигло христиан посреди триумфа, которым завершился Первый крестовый поход. Это великое воинское движение, поставившее себе целью отпор мусульманам Востока, было полным аналогом и отчасти следствием движения против альморавидов, начатого Альфонсом VI и Сидом на Западе, и именно тогда достигло своего кульминационного момента. В один месяц с Сидом умер и папа Урбан II, с таким рвением проповедовавший крестовый поход, и в тот же год Готфрид Бульонский основал Иерусалимское королевство, окруженное мусульманскими владениями, представлявшее собой как бы воспроизведение на Востоке валенсийской сеньории, за несколько лет до этого основанной Кампеадором на Западе.

И если Иерусалимское королевство, опиравшееся на энтузиазм и на силы всего христианского мира, оказалось недолговечным, как могла та же судьба не постигнуть валенсийскую сеньорию, которую поддерживали только силы кастильского изгнанника? Тем не менее во владении, завоеванном с таким трудом, Сид организовал столь прочную оборону, что даже после смерти гениального завоевателя ее смогла около трех лет защищать его супруга Химена.

К несчастью, в Испании крестоносное движение в поддержку дела Кампеадора не возникло. Притягательность новой моды и сильнейшее почитание Святой земли при-

влекали в Сирию даже испанских рыцарей, заставляя их забывать о собственной войне с маврами аль-Авдалуса, уже достаточно им приевшейся. Сам король Педро Арагонский принял крест в 1101 г., намереваясь идти в Иерусалим, в то время как жена его великого друга нуждалась в помощи, чтобы защитить христианство в Валенсии от атак альморавидов. Интерес к Святой земле был настолько велик, что папам пришлось не раз запрещать испанским рыцарям отправляться в Палестину, напоминая им, что участие в многовековом крестовом походе на Западе не менее похвально в глазах Бога, чем участие в новом крестовом походе на Востоке.

Химена защищает Валенсию

Химена, по-видимому, получила какую-то поддержку от своего зятя Раймунда Беренгера Барселонского, некоторое время помогавшего ей удерживать Валенсию. Но она и одна держалась уверенно.

21 мая 1101 г. Химена, поклявшись душой Кампеадора и спасением собственной души и душ ее дочерей и сыновей (то есть покойного сына и зятьев, хоть их она и не упоминает), собственноручно подтвердила, что Валенсийский собор и его епископ Иероним будут получать десятину, дарованную Сидом, и добавила десятину с владений, городов и замков, каковые они либо их потомки держат и будут держать либо с Божьей помощью приобретут позже на земле или на море. Вдова Кампеадора привыкла мечтать о новых завоеваниях; но, возможно, в действительности этот дар был принесен в тревожный момент ради помощи свыше в борьбе с окружавшими Валенсию опасностями. Грамота была составлена в мае, и после этого не прошло пяти месяцев, как город был окружен альморавидами.

Эмир аль-муслимин Юсуф, по-прежнему желавший вернуть себе город Кампеадора, направил против него с сильным войском ламтунского полководца Маздали, на которого династия Ибн Ташфинов возлагала большие надежды. Маздали напал на Валенсию в августе 1101 г. и держал город в плотной блокаде шесть месяцев, атакуя его со всех сторон.

Химена выдерживала осаду, пока запасы не подошли к концу, и тогда, вспомнив не барселонского зятя, а только императора, она послала епископа Иеронима к Альфонсу, прося его оказать помощь и желая передать ему Валенсию. Император, услышав послание своей кузины⁵², поспешил лично принять город, которого он столь домогался и который десять лет назад хотел отобрать силой у своего вассала. С его прибытием осаждающие отошли к Кульере.

Химена поцеловала ноги королю — своему освободителю, бывшему врагу — и принесла ему мольбу взять христиан этой области под свое покровительство. Альфонс пробыл в Валенсии весь апрель 1102 г., выступил к Кульере, выдержал несколько стычек с Маздали и, сделав из них выводы, решил оставить город, не видя среди своих военачальников никого, кто отважился бы удерживать позицию, столь удаленную от его королевства. Наконец избавившись от зависти, обуревавшей его при жизни Сида, Альфонс понял, что не может даже удержать того подарка, который преподнесла ему вдова великого вассала.

Валенсия оставлена

Все христиане города забрали свое движимое имущество; Химена и рыцари Кампеадора взяли сокровища аль-Кадира и огромные богатства, приобретенные в ходе завоевания, многие из которых оказались у короля, — мы знаем, что пояс султанши Багдада и мечи Сида попали к сокровищнице кастильских королей. 1—4 мая 1102 г. все христиане

⁵² Ошибка автора: Химена приходилась Альфонсу VI не кузиной, а двоюродной племянницей, как, впрочем, уже говорилось ранее. — *Примеч. ред.*

вышли из Валенсии с войском Альфонса и направились в Толедо; они везли с собой тело Кампеадора, чтобы дать ему вечное упокоение в Кастилии, откуда герой при жизни был изгнан королем, возвращавшим теперь на родину его останки.

Эвакуируя город, Альфонс приказал поджечь его, и 5 мая Маздали поспешил немедленно занять обугленные развалины; за ним вернулись многие видные мусульмане, бежавшие со своей родины, потому что не могли жить вместе с христианами.

Возможно, другие люди Сиды еще удерживали некоторые населенные пункты области, будучи предоставлены сами себе. Ибн Хафаджа из Альсиры, ранее в своих стихах оплакавший завоевание Кампеадора, теперь воспел бедствия войны, положившей счастливый конец ненавистной эпохе успехов Сиды.

«Туча победы уже разражается ливнем; вновь воздвигается столп веры. Неверного силой изгоняют из Валенсии, и город, отпавший было от ислама, разрывает печальные покровы, укрывавшие его. Клинок меча — сверкающий, как чистый поток, — очищает землю от соприкосновения с неверным народом. Лишь это омовение в воде меча могло вновь сделать ее чистой и верной закону. Идет ожесточенное сражение. Сколько женщин раздирает от скорби свои туники! Дева с восхитительными бедрами плачет по любовнику — антилопа, веки которой не нуждаются в иных красках, кроме ее собственного очарования; в великой печали она рвет свое жемчужное ожерелье; но слезы, которые она проливает, блестят на ее обнаженной груди подобно драгоценностям».

Через два месяца после ухода Альфонса и Химены столица еще не поднялась из руин. Бывший эмир Мурсии, старый Ибн Тахир, поделился с другом своей радостью оттого, что Бог позволил вновь вписать Валенсию в перечень мусульманских городов: «Многобожники покрыли прекрасный город черными одеяниями пожара; его страдающее сердце бьется среди тлеющих углей».

Эпилог

Мой Сид — правитель Валенсии

Дози в одном из приступов «сидофобии» — более кратковременном, нежели другие, — заявил, что завоевание Валенсии не имело смысла. «Сид, — пишет Дози, — завоевал великолепный город, но что от этого выиграли испанцы? Отряды Сиды захватили здесь большую добычу, но Испания не приобрела ничего, потому что арабы вернули себе Валенсию вскоре после смерти Родриго». Нелепость этого суждения представилась очевидной самому автору, коль скоро при подготовке второго издания своего труда он убрал эти слова.

Завоевание Валенсии было прежде всего воодушевляющим примером мужества и героизма. Это было самое необычайное предприятие, какое в Испании осуществил человек, не носящий королевской короны, — по словам Су-риты, ученейшего арагонского историка, который сверх того признает, что даже если бы король Кастилии, самый сильный в Испании, задействовал ради этого всю свою мощь, ему было бы очень трудно завоевать город, расположенный столь глубоко на мавританской территории и один из самых населенных. Мы теперь уже знаем, что Альфонс задействовал всю свою мощь и ничего не добился.

То, что придает деянию героический характер, наделяя его качествами высокого образца, — не успех и тем более не долговременность результатов. Герой является героем не потому, что его завоевания или созданное им оказываются устойчивыми. В этом его может превзойти какой-нибудь заурядный полководец или магистрат, которому выпало на долю осуществить действие, уже назревшее са мо по себе. Альфонс VI, Альвар Аньес, Бени-Гомесы, графы Генрих и Раймунд Бургундские, захватив Толедо и, несмотря на крупные неудачи, удержав его, добились более прочного успеха, нежели Сид; но, хоть все они были важнейшими деталями в сложном механизме государства, никто из них не смог

сохраниться в памяти людей, кроме узкого круга эрудированных историков. А слава Сиды оказалась громче, причем с того самого момента, когда этот официальный механизм отторг его. Изгнание, лишив рыцаря всякой королевской поддержки, тем самым полностью освободило его собственные силы, и эпическая поэзия получила возможность превознести в изгнаннике — как залог уверенности в ходе борьбы с врагом — необычайное личное мужество, проявившееся и в этом, и в других делах, чрезвычайно важных для нации. Вот почему Валенсию, хоть она и была потеряна после смерти героя, потомки назвали Валенсией Сиды.

Герой ведет борьбу во имя чего-то, чего нельзя добиться быстро, всегда бросает вызов, постоянно вступает в конфликты, которых не может разрешить раз и навсегда, и оценивать его следует исключительно за энергичность и за то, что для людей, которые столкнутся с теми же конфликтами в будущем, он послужит знаменем. Его дело живет до тех пор, пока с героя берут пример. Самый выдающийся современник Сиды, Папа Римский Григорий VII, умер в величайшем забвении, пережив крушение всех своих планов, и тем не менее он тоже был в своем роде героем — великим вдохновителем тех, кто продолжил его борьбу за реорганизацию христианства, борьбу, в которой он сам остался далеко не победителем.

После способности героя служить примером для подражания следует рассмотреть практические результаты его деятельности.

Несмотря на преждевременную смерть героя, последствия его завоевания имели величайшее значение. Вспомним, что ислам тогда вновь обрел чрезвычайное могущество: турки на Востоке разоряли владения императора Византии, захватывали его подданных и лишали его провинций, равных по площади всей Испании; берберы на Западе разоряли владения императора Испании и отражали его нападения. Обе оконечности Средиземного моря вновь подверглись агрессии, как во времена первой экспансии арабов, но из этого трудного положения Европу спасли на Западе — Сид, а на Востоке — крестоносцы: все они действовали совместно ради общей цели.

Гвиберт Ножанский сообщает, что папа Урбан II с беспокойством воспринял вести о вторжениях альморавидов в Испанию, и с учетом этого некоторые предполагают, что крестовые походы на Восток были первоначально задуманы как военная диверсия для ослабления африканской угрозы, запланированная Папой, не очень хорошо представлявшим состояние разобщенности, в каком пребывал мусульманский мир. Но, хоть эта гипотеза оказалась не совсем верной, бесспорно следующее: если тюрки интересовали только Восток, альморавиды долгие годы оставались угрозой, которая могла перехлестнуть Пиренеи, — так думали, когда в 1087 г. готовили большую французскую экспедицию и когда в 1089 г. сам Урбан II выдавал индульгенции для войны в Испании; понятно и то, что Сид, основав свое Валенсийское княжество среди земель, принадлежащих маврам, первым осуществил ту же идею, которую впоследствии реализовали крестоносцы, создав свои государства в Иерусалиме, Антиохии, Эдессе и Триполи.

Конечно, это княжество Сиды было эфемерным и своего создателя пережило ненадолго; но эфемерными были и княжества на Востоке, а если они просуществовали немного дольше, так это потому, что крестоносцы опирались на поддержку всей Европы, тогда как Сид не имел поддержки даже со стороны своего короля Альфонса. Крестоносцы образовали свои государства в борьбе с мелкими эмиратами — меньшими, чем наши таифские, а как только против них выступила сплоченная держава, как это произошло во времена Саладина, они падали, и ни Ричард Львиное Сердце, ни Филипп Август во главе войск Англии, Франции, Германии не смогли вернуть себе власть в Иерусалиме и Эдессе. Сид же создал и отстоял дело своих рук в борьбе как с таифскими эмиратами, так и с огромной империей, находящейся на вершине могущества, с Юсуфом ибн Ташфином, одним из величайших завоевателей в исламском мире.

Наконец, валенсийская сеньория Сиды имела более непосредственное значение для Европы, послужив своего рода волнорезом для альморавидского прилива. Сам Ибн Бассам и «История Родриго» единодушно оценивают завоевание Валенсии Кампеадором как деяние, остановившее вторжение африканцев и помешавшее им достигнуть Лериды и Сарагосы — последних мусульманских рубежей того времени. Единство мнения арабского и латинского историков, оставшееся незамеченным, служит порукой точности этой оценки. Именно тогда натиск африканцев был самым неустойчивым, и если бы они вышли в бассейн Эбро, то для Арагона и Барселоны, государств несравненно более слабых, чем Кастилия, настали бы гораздо худшие дни, нежели день Саграхаса. Угроза, которой Альфонс VI пугал французских сеньоров, — что, мол, захватчики перейдут Пиренеи, — могла стать реальностью. Не зная об этой угрозе короля Альфонса, немецкий историк В. Э. Юбер тем не менее придает завоеваниям Сиды особое значение, расценивая их как дамбу против мусульманского наступления, грозившего не только Испании, но и Западной Европе. Приблизительно то же самое, должно быть, думали и современники, коль скоро в глубине Франции хроника, которую мы уже цитировали, зафиксировала смерть испанского героя, оценив ее как событие, взволновавшее оба мира — христианский и исламский: «В Испании, близ Валенсии, скончался граф Родриго, что исторгло величайшие стенания у христиан и принесло радость врагам-язычникам».

Итого: действия Сиды в Валенсии спасли в кризисный момент Испанию, а может быть, и Южную Европу, дали христианам возможность подготовиться к борьбе с новой военной тактикой, созданной Юсуфом, и продержаться до тех пор, пока кочевники Сахары не отравились ядом оседлой цивилизации и не утратили природную силу.

Лицом к лицу с альморавидами

Иные осуждают отношения Сиды с маврами, не понимая твердых правил его поведения. С мусульманами испанского происхождения Сид стремился сосуществовать, действуя по справедливости, щепетильно уважая их веру, обычаи, законы и собственность. Будучи знатоком не только христианского, но и мусульманского права, он, заседа в суде в Валенсии, разбирал тяжбы между побежденными. В выступлении перед валенсийскими маврами, которые сдались ему на милость победителя, Сид проявил крайнюю сдержанность; единственным выражением высокомерия по отношению к тем, кто покорился ему, было заявление, что он нравственно выше мавританских князей, истощающих народ непосильными поборами и распущенных в частной жизни: «Ведь если я сохраню право в Валенсии, Бог оставит ее мне, а если буду творить в ней зло, кичиться и кривить душой, — знаю, он ее у меня отберет». Даже Ибн Алькама, всегда столь недоброжелательный, признает, что с покоренными валенсийцами Сид «вел себя настолько справедливо и по закону», что ни у кого не возникло ни малейшей обиды ни на него, ни на его чиновников. Но испанские мавры открыли Гибралтарский пролив альморавидам, и по отношению к этому сговору Сид занял иную позицию, враждебную и решительную: война с захватчиками не может закончиться мирным сосуществованием с ними — а только изгнанием африканского агрессора. Всякий раз, когда испанские мавры вступали в союз с Юсуфом, Сид отказывался заключать с ними мир, пока они не порвут всякие отношения с чужеземцами.

Самым показательным эпизодом, где проявились оба этих принципа поведения Сиды, был переворот в Валенсии, сопровождавшийся убийством эмира аль-Кадира, подчинявшегося христианину, и передачей города альморавидам. Своей торжественной клятвой Кампеадор возвел осаду Валенсии в ранг правосудной кары за царубийство и похода во имя изгнания африканских захватчиков. Так обращение к принципу справедливости и интересам Испании придало крупнейшему военному предприятию героя характер борьбы во имя идеала. Когда альморавиды были изгнаны из города, первое, что Сид предложил сдавшимся валенсийцам, — честное сосуществование. Но так как после этого

побежденные вновь начали интриговать с африканцами, Сид перестал благоволить к горожанам. Кампеадор просто повел себя с побежденными по-другому, но «сидофобы» этот естественный поступок расценивают как произвол, утверждая, что последний и лежал в основе его большой политики.

В борьбе с этим непримиримым врагом особо проявился и военный гений героя.

Ибн Бассам точно определяет необыкновенный характер, присущий победам Сиды: «Знаменам Родриго — прокляни его Бог! — благоприятствовала победа... и с небольшим числом воинов он истреблял многочисленные армии». Нагляднее всего это высочайшее искусство управления малыми силами, это техническое превосходство Кампеадора над всеми остальными стало заметно благодаря появлению новой и непревзойденной боевой тактики с использованием больших людских масс, тактики, которую привез Юсуф, приведя в Испанию своих альморавидов. В то время все князья, кастильские, леонские и бургундские, сражавшиеся на нашей земле в авангарде, двадцать три года постоянно терпели поражения — при Саграхасе, Альмодоваре, Хаэне, Лиссабоне, Консуэгре, Малагоне, Уклесе; они потеряли территории Лиссабона, Сантарена, Куэнки, Уклеса, Оканьи, Калатравы; один только Сид устоял в непосредственном столкновении с этой новой тактикой, только он разбил и взял в плен войска сахарских вождей при Куарте и при Байрене, только он сковал страхом Юсуфа в Африке и заставил Абу Бекра отступить, не доводя дело до схватки, только он отвоевал у альморавидов Валенсию, Альменару и Мурвьедро. Уже одно это сравнение явно обнаруживает гений Сиды, стратегия которого никогда не давала сбоев.

Героическая энергия

В этих великих столкновениях с альморавидами Сид особо проявил себя в качестве *преподавателя храбрости* (*catedratico de valentia*), как его назвал в своей апофтегме Хуан Руфо, задолго предвосхитив выражение *учитель энергии*, отнесенное к Наполеону⁵³, но которое можно было бы отнести и к завоевателю Валенсии. Во всех жизнеописаниях Сиды рассказывается, что герой лично принимал участие во всех своих предприятиях. На поле боя он подвергал серьезнейшей опасности свое тело, а в делах управления брал на себя целый набор обязанностей.

Благодаря удивительному напряжению сил ему удалось справиться со сложнейшими проблемами Леванта, над которыми безуспешно бились император, Альвар Аньес, монархи Арагона, Сарагосы, Дении и граф Барселоны. Отвергнув тщетные притязания всех остальных, Сид установил свой протекторат над вождельной для многих и раздробленной левантийской областью и удержал его, проявив величайшую стойкость; то, что он с таким трудом создавал, дважды уничтожалось, и оба раза груз проблем казался неподъемным: в первый раз это было связано с завистливым гневом Альфонса, во второй — с поползновениями Юсуфа, но оба раза Сид терпеливо все восстанавливал.

Кампеадор кажется неразумным, когда один, без поддержки какой-либо государственной организации, подступает к Валенсии — без средств, даже без дневного запаса провизии, исполненный решимости вернуть себе власть, которой его лишили во второй раз, и на сей раз ему противостоит такой враг, которого не смогли одолеть сильнейшие государства Испании; Сид в одиночку намерен сделать то, чего не сумел сделать христианский император, и сделать это в противоборстве с императором мусульманским. Этот октябрьский день 1092 года увидел проявление высшего героизма. Твердая воля одолела капризную фортуна с ее резкими перепадами настроения, пригвоздила ее своевольное колесо к месту, и сметающий все, сокрушительный бег времени словно замер.

⁵³ «Учителем энергии и возбудителем душ» (*professeur d'enehgie et excitateur d'ames*) назвал Наполеона в своем романе-трилогии «Без корней» в 1897 г. французский писатель-реакционер Морис Баррес (1862—1923). — *Примеч. ред.*

Лучшую похвалу сверхчеловеческой энергии Сида дает Ибн Бассам. Со страстным восхищением, смешанным с ненавистью, он пишет через десять лет после смерти героя: «Могущество этого тирана давило все сильнее; тяжелым бременем оно легло на прибрежные районы и на горные плато, вселяя страх в души и тех, кто был рядом, и тех, кто находился далеко. Его неумное честолюбие, его неистовая жажда власти наполняли сердца ужасом. Однако неизменная и разумная энергичность, мужественная твердость характера и геройская отвага делали этого человека — бич своего времени — чудом среди величайших чудес Бога».

Так враг-мусульманин — подобно Мандзони в оде, посвященной Наполеону, — благоговейно склоняет голову перед глубоким следом созидательного духа, который Господь запечатлел в этом герое⁵⁴.

Никакой пророк не принимается в своем отечестве⁵⁵

В начале своей деятельности Сид полностью посвятил себя политической жизни и борьбе за удовлетворение претензий Кастилии к Леону и Наварре. Он определил исход кризисного момента испанской истории: благодаря победам Сида как альфереса Санчо II политическая гегемония, ранее традиционно принадлежавшая Леону, перешла к Кастилии.

Король Санчо и его альферес были замечательной парой: король воплощал смелое честолюбие, вассал — умеренность и удачу. Оба намеревались перекроить карту Испании по своему вкусу. И хотя история есть в огромной мере порождение коллективного начала и лишь в малой — индивидуального, мы имеем полное право предположить: если бы эту удачливую пару не разбило убийство в Саморе, вторжение из Африки было бы остановлено и Реконкиста закончилась бы намного раньше.

Но в результате предательского убийства Санчо II и изгнания его альфереса единство Кастилии и ее Кампеадора было разорвано. Разорвано по тяжелой вине Альфонса VI, как отчетливо видели современники и как сформулировала в знаменитой похвале изгнаннику старинная «Песнь»:

Честной он вассал, да сеньором обижен.
(*Стих 20*)

Однако виноват в этом не только лично монарх. Когда леонский король взшел на трон Кастилии, кастильское общество приняло сторону сильного и отшатнулось от Сида, более не желая признавать достоинств изгнанника.

Непонятый и отторгнутый, Кампеадор был вынужден покинуть Кастилию и проявлять активность в отдаленных землях; он искал поддержку в иностранных королевствах, где с трудом обрел союзников — сначала графа Барселонского, а потом короля Арагона: каталонцы и арагонцы, поначалу настроенные враждебно, все-таки оценили героя раньше кастильцев Альфонса.

Это перемещение сферы деятельности Сида и области, где он стал известен, отражено в литературе. Дюмериль и Мила давно заметили, что первая известная песня, повествующая о Сиде, «Песнь о Кампеадоре (*Carmen Campidoctoris*)», написанная поллатыни сафической строфой, имеет не кастильское, а каталонское происхождение. Позже я (безотносительно к «*Carmen*») доказал, что второй поэтический документ, «Песнь о моем Сиде», тоже был написан на территории, которая в то время называлась Кастилией,

⁵⁴ Мандзони, Алессандро (1785—1873) — классик итальянской литературы, поэт и писатель. Имеется в виду ода «Пятое мая» (1821) на смерть Наполеона: «Он славен был. По праву ли? — / Решат потомки. Мы же / Перед всеильным Господом / Главы склоняем ниже, / Что духом созидательным / Его не обошел» (пер. Е. Солоновича). — *Примеч. пер.*

⁵⁵ Лк.4:24.

но в эстремадуре, то есть в пограничной области, в земле Мединасели, причем поэтом, который даже говорил не так, как кастильцы из Бургоса, — вплоть до того, что он иначе произносил дифтонг *ue*. Теперь, изучая исторические источники информации о Сиде (помимо двух вышеуказанных), я с удивлением обнаружил, что первый исторический текст, посвященный Сиду, «Истории Родриго», тоже происходит не из старинной Кастилии — области, жителей которой автор обвиняет в зависти к герою и непонимании его, — а из районов, пограничных с Сарагосой и Леридой, то есть из тех мест, где Сид действовал во второй половине жизни.

Отсюда весьма очевидно вытекает важное соображение: первый и самый активный очаг восхищения Сидом находился не в Бургосе, а намного дальше, в землях Сарагосы и в той местности, которую позже назвали Каталонией, то есть на границах Леванта, которые Сид защищал и охранял в последние годы жизни. В эти годы Кастилия, место первых подвигов Родриго, старалась подладиться к властному характеру императора, и бургосцы, не отличавшиеся достаточной гибкостью, как Мартин Антолинес, были вынуждены оставить родину вместе с Сидом. Таким образом, Бургос, официальный Бургос, осознал, что его сын — герой, лишь услышав его восхваления извне. Древняя истина, что в своем отечестве никого не признают пророком, пока его не увековечат за границей, не имеет иных исключений, кроме случая пророков местного масштаба, домашних знаменитостей, конечно, до чрезвычайности славных у себя в стране, но не за ее пределами.

Альфонс VI и Сид

Главный виновник непризнания Сида, Альфонс VI, наносил тем самым немалый вред самому себе. Мы уже видели, какие неудачи его преследовали в ходе борьбы с альморавидами при жизни изгнанника. После смерти последнего папа Пасхалий II письменно выразил в 1100 г. Альфонсу сочувствие в связи с победами африканцев; в том же году Генрих Бургундский, зять Альфонса, потерпел тяжелое поражение при Малагоне, а в 1108 г. под Уклесом разгромили Гарсию Ордоньеса.

В этой катастрофе «заклятый недруг» Сида Гарсия Ордоньес, которому Альфонс всегда оказывал все официальные почести и который всегда демонстрировал крайнюю заурядность и бездарность, погиб, а вместе с ним и единственный отпрыск Альфонса мужского пола, сын мавританки Зайды. В результате этого поражения были потеряны Уклес, Уэте, Оканья, Куэнка — все земли, переданные Альфонсу мавританкой Зайдой, теперь оказались под властью альморавидов, в пику которым Мутамид в свое время уступил эти крепости, когда его невестка нашла убежище у Альфонса. Король умер от горя через год после смерти единственного сына.

Конечно, Альфонс был не из тех королей, чьим единственным фиктивным достоинством является высшая должность и которые для своих подданных в их повседневной жизни составляют лишь бесполезное бремя; он в сражениях не щадил своей крови и крови единственного сына, и этого для нас достаточно, чтобы понять, до какой степени он испытывал благородное чувство ответственности, которую налагал его сан. Как правитель он показал себя решительным продолжателем дела обновления Испании, дела, которое начали его отец и дед, как рыцарь был неутомимым воителем, как светский человек имел полный комплект счастливых качеств, позволяющих ему всегда оставаться любимцем фортуны и вызывать симпатии многих; громкие царевубийства в Кастилии и в Наварре, ошибки эмира Толедо, позднее и бесполезное раскаяние эмиров Севильи и Бадахоса, разочаровавшихся в альморавидах, — все это оказалось очень на руку Альфонсу. Но, с другой стороны, поскольку в детстве Альфонс был любимцем родителей и сестер, которые его до крайности переоценивали, он вырос эгоистом, себялюбцем. Так, он высокомерно вел себя с андалусскими эмирами и настолько третировал их, что это их подтолкнуло просить вмешательства альмо-равидов, не раз проявлял неблагодарность по отношению к своим постоянным союзникам — королям Арагона и в довершение всего

отличался обычным пороком правителей, лишенных великодушия: ради своего удобства и по небрежению они всегда возвышают бездарностей — как во дворцах, где имеются гаремы, так и в тех, где держат камарилью. Альфонс предпочитал людей неспособных, и бойня при Уклесе стала для него последней, но не единственной расплатой за неумную антипатию к Сиду, всегда непобедимому, и за пристрастие к Гарсии Ордоньесу, всегда терпящему поражения.

Это предпочтение, которое Альфонс VI испытывал к послушной бездарности, вкуче с неприязнью к герою не объясняется до конца ни ловкими интригами графа Нахеры (если они были), ни вероятными изъянами и природными свойствами биварского инфансона. Хороший правитель должен был бы скорее сдерживать или терпеть подобные недостатки, чем игнорировать непобедимого полководца, тем более что вассал всегда и неизменно демонстрировал покорность суверену, как единодушно утверждают Ибн Алькама, «История Родриго» и «Песнь». Главное объяснение этой антипатии Альфонса — непонимание, зависть, за которые его порицают три других документа того же времени. Подобная завистливость выглядит непостижимой в короле, который по праву мог быть удовлетворен собственными достоинствами — настолько высокими, что поверхностный наблюдатель мог бы поставить его выше героя — объекта зависти; но причины, по которым в столь великом короле законное чувство гордости своим превосходством могло быть омрачено досадой из-за своей неполноценности, действительно существовали. Оценим его долгое царствование, разделив на три периода.

1. 1065-1072. Семь лет слабой активности, по истечении которых Альфонс, несколько раз побежденный своим братом Санчо и Сидом, потерял трон. «Комментарий к истории Силоса» утверждает, что это Альфонс из зависти к брату развязал братоубийственные войны и что брата убили по его наущению. Официальная история сообщает, что Альфонс в ущерб Санчо не выполнил условий, согласованных перед битвой при Льянтаде, а после обманом захватил другого своего брата Гарсию и восемнадцать лет держал в заточении, обеспечив себе власть над королевствами, разобщенными отцом. Подобные действия обличают человека властного, идущего напролом, и эти черты характера ярко проявятся во втором периоде.

2. 1072—1086. Четырнадцать лет императорского величия. Избавившись от Санчо и Гарсии, завладев их землями, Альфонс смог осуществлять непрерывное и успешное воздействие на таифские государства, заслуженно увенчавшееся взятием Толедо. Из этой удачливой деятельности он систематически исключает Сиду, сначала обрекая его на бездействие, потом изгнав, потом загнав в угол и унижив в изгнании; причиной этому была зависть, как дружно утверждают «Песнь о Кампеадоре» и «История Родриго». Впрочем, превращая в качестве императора таифских эмиров в своих вассалов, Альфонс отнюдь не выступал как инициатор и никаких культурных новшеств не вводил; он был в чистом виде продолжателем дела отца и брата, продолжателем самым усердным, но неоригинальным — он не увидел ничего сверх того, что видел его отец. Копытами своего коня он триумфально попирает песок Гибралтарского пролива, но не догадался бросить взгляд на Африку. Не ведая о силе, породившей в то время мусульманскую реакцию в Азии и Африке, он, ужесточив налоговую систему отца и брата, довел мавров до отчаяния, а когда в Альхесирасе возникла африканская угроза, которой для Фернандо I не существовало, не сумел найти решений, каких требовала новая ситуация. Если бы он так упорно не отказывался восхищаться чужими заслугами, если бы приложил усилия, чтобы возложить охрану пролива на Сиду, тот бы удержался там еще успешнее, чем в Валенсии, аль-моравиды никогда бы не переправились в Испанию, а Реконкиста завершилась бы успехом через недолгое время.

3. 1086-1109. Двадцать три года поражений от альморавидов, двадцать три года, о которых молчат официальные хронисты. Этот период, более долгий, чем два других вместе взятые, показал, что Альфонс не сумел приспособиться к новым особенностям борьбы ислама и христианства, которые возникли в результате африканского нашествия.

Терпя поражение за поражением, он оставил все земли Толедского эмирата к югу от Тахо, а также территории вокруг Лиссабона и Сантарена. Это не неспособность, а просто отсутствие подавляющего превосходства: ведь столь же непобедимыми альморавиды были для Альвара Аньеса, для обоих бургундских зятьев короля и для остальных полководцев. Один только Сид проявил прозорливость и изобретательность, только он нашел новые военные и политические приемы, чтобы победить и утратить альморавидов, чтобы завоевать новые земли и удержать их, и эти удачные методы войны и управления, изобретенные в то время Сидом, позже применили Альфонс I Арагонский и Раймунд Беренгер Барселонский.

В этом делении долгого царствования Альфонса на три части его слава завоевателя Толедо заполняет центральное полотно триптиха, но на боковых картинах более всего выделяются фигуры Санчо II и Сида. Убийство одного и изгнание другого и были условием возникновения этой славы. Так что зависть императора к двум этим лицам, о которой сообщают упомянутые тексты, занимает среди чувств Альфонса не ничтожно малое, а довольно заметное место. В основе сильной личности этого выдающегося и энергичного человека лежал не разумный эгоизм, который сдерживал бы альтруистические поползновения, но патологический эгоцентризм, отчего чужие успехи его всегда удручали. Такое себялюбие не мешало ему, когда нужно было иметь дело всего лишь с разобщенными таифскими эмиратами, но стало роковым, когда благодаря поддержке африканцев мусульмане вновь воспрянули духом. Оказав предпочтение Гарсии Ордоньесу перед Кампеадором, он в сорок шесть лет и до семидесяти обрек себя на бесполезное прозябание. Высокомерное и необдуманное угнетение им мавров привело к вторжению альморавидов, а его завистливость лишила его помощи единственного человека, который этих альморавидов умел побеждать.

В целом император Альфонс был незаурядным монархом, но поскольку он решил, что не сможет быть великим, пока не удалит от себя других великих, а прежде всего потому, что изгнал Сида, тот выдвинулся на первый план, и боковая фигура триптиха засверкала ярче, чем центральная. Вот почему «История Испании», составленная по повелению Мудрого Короля⁵⁶, посвятила Сиду вчетверо больше места, чем Альфонсу VI. На пьедестале великого королевства Альфонс выглядит великим, но его личных достоинств недостаточно, чтобы сравниться с Родриго, который даже в изгнании и опале возвышается над ним.

Триумф Сида над завистниками

Одной из основных тем, к которым обращались современники, прославлявшие Сида, была враждебность и завистливость некоторых графов. «Песнь о Кампеадоре», поэма, написанная при жизни героя, посвящена победам Родриго в сражениях с графами, «спорах с графами (comitum lites)», — наваррским, кастильским, барселонским; основной сюжет песен о Сиде в «Поэме о завоевании Альмерии», написанной через пятьдесят лет после смерти Сида, — тоже победа над графами: «покорил графов (comites domuit)». «Песнь о Кампеадоре», «История Родриго» и «Песнь о моем Сиде» все препятствия, которые чинились герою, начиная с изгнания, объясняют завистью магнатов, «великих при дворе (maiores curiae)», «завистливых кастильцев (castellani invidentes)», «злых местурерос».

Изгнание Сида представляет собой нередкий случай нарушения социального единства. Наконец-то появляется превосходный и необходимый всем человек, однако центр, где ему бы следовало действовать, его отторгает. Испания произвела на свет настоящего непобедимого полководца, но его силу подрывало противодействие графов Нахеры, Оки, Карриона; ему не удалось объединиться с графами Барселонскими ради покорения Леванта, и он не сумел убедить императора Леона избрать его и тем самым избежать бедствий Саграхаса, Хаэна, Консуэгры и Лиссабона.

⁵⁶ По распоряжению короля Кастилии Альфонса X Мудрого (1221-1284) была составлена первая «Всеобщая хроника Испании». — *Примеч. ред.*

В Испании подобная дезорганизация встречается чаще, чем в других странах, потому что для народов Пиренейского полуострова характерны недопонимание значения солидарности, завистливость со стороны тех, кто чувствует себя приниженным, и чванство со стороны тех, кто считает себя выше других. Уже Страбон характеризовал иберов как людей высокомерных, неуклюжих в качестве союзников, более необщительных, чем сами эллины. Но, несмотря на проявление этого всегдашнего коллективного порока, случай Сиды — пример, внушающий оптимизм.

Да, в этом случае зависть как подрывное начало в обществе показала величайшее могущество. Сиды завидовали многие из равных ему, вплоть до родственников; завидовали ему и те, кто при дворе имел более высокое положение, вплоть до самого императора. Они отвергали его с ощутимой яростью, даже во вред себе, о чем свидетельствуют тяжелые поражения. Понятно, что слово «зависть», столь часто используемое латинским историком, подразумевает и полное непонимание истинных ценностей: «*castellani invidentes*»⁵⁷. Всякий, кто неспособен вникнуть в суть дела или пожертвовать собой, чтобы дать дорогу лучшему впереди хорошего или посредственного, — *in-vidente*, человек, который плохо видит: таков завистник, ставящий заслоны излучению энергии, таков император, слишком уверенный, что любое дело можно поручить любому, не желающий делать различие между Родриго и Гарсией Ордоньесом и ради удобства предпочитающий людей, которые меньше выделяются, таков и граф Нахеры, оттесняющий того, кто лучше, чем он.

Но у Сиды это завистливое непонимание не вызвало ни уныния, ни злобы. Став изгнанником, он не искал мести, хоть бы и дозволенной законом, и даже не удалился в шатры бездействия, как Ахилл, другой эллинский герой, когда им пренебрегли; он также, в отличие от Ахилла, не желал беды тем, кто его недооценил. Совсем напротив: Сид несколько раз приходил на помощь королю, изгнавшему его, а поскольку земляки упорно его не принимали, посвятил себя самостоятельной деятельности — единственному прибежищу изгоя: он действовал в одном направлении с теми, кто им пренебрег, вопреки их желанию, однако свою деятельность, подобно сокровищу, перенес в удаленное место, недоступное для древоотца и вора.

Презируемый графами Карриона, Нахеры, Барселоны как более низкородный, Сид возвел благородство дел на более высокую ступень, чем благородство происхождения; он искал необходимой ему дружественной и энергичной поддержки у изгнанников, оказавшихся в еще худшем положении, искал ее в братском чувстве к той массе незнатных людей, что окружала его, и в своей любви к простому народу дошел до изысканной учтивости, будучи столь же вежлив со своим поваром, сколь предан и тверд перед лицом враждебно настроенного императора. Окруженный этими людьми, он и совершал свои подвиги, а когда завоеванные им земли уже составили королевство, он преподнес его своему несправедливому суверену, признав «верховенство своего короля дона Альфонса». Когда Сид направляется в толедскую долину, чтобы примириться с королем, и унижается перед ним, если верить описаниям этой сцены, которой старинные поэты отдавали предпочтение как первостепенно важной, он совершает свой самый героический подвиг — убивает в себе дикий индивидуализм. Утвердив вопреки завистникам свою власть великими победами, он не превозносится, исполнившись эгоистической презрительности, а добровольно смиряется перед недостойным человеком, не понимающим его, ибо признает то высшее бытие, которое индивидуум, сколь бы выдающимся он ни был, должен обрести в составе общества, и страстно желает обрести его. Очень далекий от мысли, что вся окружающая жизнь не имеет иной цели, кроме подготовки к приходу сверхчеловека, он чувствует, что самая сильная личность — ничто без народа, ради которого она живет. Народ в своей целостности, включающей великих и малых, в своей исторической длительности является той сферой, из которой произрастает героизм и где

⁵⁷ В латинском языке слово *invidens* означает и «завистник», и «незрячий». — *Примеч. пер.*

он обретает бессмертие. Самые древние песни о завистливых графах, как и старинная «История Родриго», сообщают нам, как в конечном счете Кампеадор достигает признания и дружбы одного за другим двух графов Барселонских, первоначально побежденных, как достигает согласия и самого эффективного союза также с двумя арагонскими королями, прежде враждебными, наконец, как обретает благосклонное понимание и решительную поддержку своего императора, и можно уверенно предположить, что после того, как он стал другом короля, его друзьями стали и царедворцы из группировки Гарсии Ордоньеса. Итак, сколь медленным и нелегким был путь к победе над противниками, столь же полной была сама эта победа.

Заключение

Стараясь опереться на суждения современников, мы обнаружили в уже упоминавшейся «Поэме об Альмерии» краткое отступление, где приводится мнение о непобедимом Кампеадоре, которое люди того времени сформировали на основе его эпической славы, и указываются два направления, на которых он расходовал свою несокрушимую энергию, — покорение мавров и покорение враждебных графов:

Сам Родерик, часто называемый «моим Сидом», которого воспевают, ибо враги никогда не одолевают его, который покори́л мавров, покори́л также наших графов...

Здесь Сид поначалу превозносится за неслыханные победы над альморавидами, а потом — как благородный победитель завистливой знати, для чего потребовался героизм не меньший, чем для полевых сражений.

История, полностью подтвержденная документами, и поэзия того времени единодушно делают особый упор на этой двояком аспекте деятельности Сида, в эпоху величайших кризисов — как внутри страны, так и внешних — установившего вместе с Санчо II на полуострове гегемонию Кастилии в борьбе с наследственным верховенством Леона, поставившего благородство дел выше благородства крови, укротившего окружающую его завистливость, добившись для осуществления своего валенсийского предприятия сотрудничества всех христианских государей против общих врагов, и остановившего сокрушительное нашествие африканских агрессоров, утвердив верховенство европейской Испании над исламской.

Вот что за подвиги Сид содеял.

На этом рассказ наш пришел к завершенью.

(Стих 3729-3730)

Именной указатель

А

Аббаиды см. тж. Бени-Аббады

Аббасиды, династия багдадских халифов (750-1258)

Абдаллах ибн Ясин (1015\1020—1059), основатель движения альморавидов

Абу Бекр см. Сир Абу Бекр ибн Ташфин Абульфалак, каид Руэды

Абу-ль-Хасан ибн Вахиб, председатель альхамы Валенсии

Абу Насир, альморавидский каид

Александр II (ум. 1073), в миру Ансельмо из Баджо, Папа Римский с 1061 г.

Алон Грамматик (XI в.), испанский грамматик

Аль-Амин, Мухаммед (787-813), багдадский халиф с 809 г.

Альвар Альварес, племянник и дружинник Сида

Альвар Аньес (ум. 1114), племянник Сида, кастильский полководец

Альвар Диас, сеньор Оки, брат Химены

Альвар Сальвадорес, кастилец, дружинник Сида

Альваро де Луна (1383-1453), граф, фаворит короля Хуана II Кастильского
Аль-Кадир, Яхья II (ум. 1092), эмир Толедо в 1075-1085 гг., эмир Валенсии с 1086
г.

Альмансор (Мухаммед ибн Абу Амир аль-Мансур, ок. 938— 1002), полководец и
фактический правитель Кордовского халифата

Альфонс I Воитель (1073-1134), король Арагона с 1104 г.

Альфонс (Афонсу) III (1210—1279), король Португалии с 1247 г.

Альфонс V Благородный (994-1028), король Леона с 999 г.

Альфонс VI Смелый (1040-1109), король Леона с 1065 г. И Кастилии с 1072 г.,
император Испании

Альфонс IX (1171-1230), король Леона с 1188 г.

Аль-Хаджиб, Мундзир (аль-Мунзир Имад ад-даула) (ум. 1090), эмир Лериды и
Дении с 1081 г.

Анайя Суарес, рыцарь из Галисии Ариас Гонсало, граф, губернатор Саморы,
доверенное лицо короля Фернандо I

Б

Бальб, древнеримский квестор (ум. 43 до н. э.)

Бельидо Адольфо (Дольфос), рыцарь из Саморы, убийца короля Леона и Кастилии

Санчо II

Бени-Аббады (Аббаиды), династия правителей Севильи

Бени-Вахибы, знатный валенсийский род

Бени-Гомесы, знатный кастильский род

Бени-Зу-н-Нуны (Зуннуиды), династия правителей Толедо и Валенсии

Бени-Худы (Худиды), династия правителей Сарагосы

Беренгер Раймунд II Братоубийца (1053-1099), граф Барселоны в 1076-1096 гг.

Бернард, епископ Сантьяго

Бернард де Седирак (де Совете; ум. 1124), архиепископ Толедский с 1086 г.,
папский легат в Испании с 1096 г.

Бланка Наваррская (11347—1156), дочь короля Наварры Гарсии V, жена Санчо III

Бласко Гарсес, майордом Санчо I Рамиреса

В

Велес де Гевара, Педро (XV в.)

Г

Газали, Абу Хамид Мухаммед ибн Мухаммед аль- (1058/1059—1111), арабский
теолог и философ

Галиндо Гарсия (Галинд Гарсиас), арагонский рыцарь

Гарсия III Атапуэркский, или Нахерский (ок. 1020-1054), король Наварры с 1035 г.

Гарсия IV Восстановитель (ок.1110—1150), король Наварры с 1134г.

Гарсия Диас, кастильский рыцарь

Гарсия Ордоньес (ум. 1108), граф Нахеры

Гарсия Санчес (ум. 1091), номинальный король Наварры, сын Санчо IV

Гарсия Фернандес (10427-1090), король Галисии в 1065-1071 и 1072-1073 гг.

Гарсия Хименес, кастильский рыцарь, комендант Аледо

Гвиберт Ножанский (1053-1124), французский хронист

Генрих IV (1050-1106), германский император с 1056 г.

Генрих Бургундский (1066-1112), граф Португалии с 1093 г.

Геральд, св., архиепископ Браги с конца XI в.

Гильдебранд см. Григорий VII

Гильдуин IV (ум. 1063), граф Мондидье и Руси

Гильом-Раймунд (ум. 1095), граф Сердани
Гомес Диас (ок. 935-986), граф Салданьи и Карриона
Гонсало Ансурес, граф Карриона
Гонсало Сальвадорес (ум. 1083), граф Буребы и Лары
Готфрид Бульонский (ок.1060-1100), герцог Нижне-Лотарингский с 1089 г., один из предводителей Первого крестового похода
Григорий VII (ок. 1021-1085), св., в миру Гильдебранд, Папа Римский с 1073 г., церковный реформатор, боровшийся за независимость Церкви от светских властей
Гуго Простодушный (Кандид), кардинал, противник реформ Папы Римского Григория VII

Д

Диего Гонсалес, инфант Карриона
Диего Родригес, граф Овьедский, отец Химены
Диего Родригес (1075-1097), сын Сида
Диего из Ориолеса, монах монастыря Сан-Мильян
Диоклетиан, Гай Аврелий Валерий (245-316), римский император в 284-305 гг.
Дози, Рейнхарт Питер Анн (1820-1883), голландский арабист и исламовед
Доминик Силосский (1000-1073), св., с 1041 г. настоятель монастыря Сан-Себастьян в Силосе
Домициан, Тит Флавий (51-96), римский император с 81 г.
Дюмериль, Эдельстан (1799-1871), французский медиевист, историк литературы

З

Зайда (Изабелла) (10617-1107?), жена Фатха аль-Мамуна, позже наложница Альфонса VI
Зириды (Бени-Зири), династия правителей Гранады
Зубайда (Зеби-аль-Кеватин) (ум. 831), жена халифа Харуна ар-Рашида

И

Ибн Айша, Абу Абдаллах Мухаммед, наместник Мурсии, сын Юсуфа ибн Ташфина
Ибн Алаббар (1198—?), арабский хронист
Ибн аль-Гассаль (настоящее имя Абдаллах ибн Фарадж аль-Яхсуби), андалусский арабский поэт
Ибн Алькама, Мухаммед ибн Альджалат (1036/37-1116), арабский историк и хронист
Ибн Альфарадж, визирь Валенсии
Ибн Бассам, Абу-ль-Хасан Али (ум. 1147), арабский историк и хронист, автор «Сокровищницы достоинств жителей Андалусии»
Ибн Джаххаф, Джафар (ум. 1095), кадий Валенсии, ее правитель в 1092-1094 гг.
Ибн Касим, Абдаллах II Яхья аль-Даула (ум. 1092), эмир Аль-пуэнте с 1049 г.
Ибн Лупон, эмир Мурвьедро
Ибн Разин, Абу Мерван Абд аль-Малик ибн Худайль Джабр аль-Даула (ум. 1103), эмир Альбаррасина и Санта-Марии-де-Ориенте с 1044 г.
Ибн Рашик, правитель Мурсии до 1091 г.
Ибн Тахир, Мухаммед I ибн Ахмад, эмир Мурсии в 1063-1078 гг.
Ибн Хазм (994-1064), арабский андалусский писатель и философ
Ибн Хальдун, Абд ар-Рахман Абу Зейд (1332—1406), арабский государственный деятель, философ и историк
Ибн Хафаджа (1058-1139), андалусский арабский поэт

Ибн Шалиб, Амрам бен Исаак (ум. 1082), еврей, кастильский дипломат и секретарь короля Альфонса VI

Иероним, епископ Валенсии

Изабелла Католичка (1451-1504), королева Кастилии с 1474 г. и Арагона с 1479 г.

Иньиго Санчес, сеньор Монклюса, знатный арагонец

Иосиф ибн Цаддик из Аревало (XV в.), еврейский хронист, раввин

К

Карл I Великий (742-814), император франков с 800 г.

Конде, Хосе Антонио (1765-1820), испанский филолог и востоковед

Констанция Бургундская (1046-1093), вторая жена (с 1081 г.) Альфонса VI

Кристина Родригес, дочь Сида, жена инфанта Рамиро Наваррского

Кристина Фернандес, мать Химены Диас

Ксеркс I (ок.519-465 до н. э.), царь Персии с 486 г. до н. э.

Л

Леви-Провансаль, Эварист (1894-1956), французский востоковед-арабист

Лукас Туйский (XIII в.), епископ г. Туй в Галисии, богослов и хронист, автор «Хроника мира»

Людовик I Благочестивый (778-840), император франков с 814г.

Людовик IX Святой (1215-1270), король Франции с 1226 г.

М

Маздали ибн Тиланкан (Саланкан) (ум. 1115), полководец альморавидов

Мамун, Абу-ль-Хасан Яхья I ибн Исмаил аль- (ум. 1075), эмир Толедо с 1043 г.

Мандзони, Алессандро (1785-1873), итальянский поэт и писатель

Марий, Гай (156 до н.э.-86 до н.э.), древнеримский полководец и политический деятель

Мария Родригес (ум. 1106), дочь Сида, жена Раймунда Берен-гера III

Мартин, валенсийский клирик

Мартин Антолинес, рыцарь из Бургоса, дружинник Сида

Мартин Муньос из Монтемайора, португалец, граф Коимбры, соратник Сида

Мартин Фернандес, алькайд замка Пенья-Каделья

Масдеу, Хуан Франсиско (1744-1817), испанский историк

Метелл, древнеримский консул (ум. 107 до н.э.)

Мила-и-Фонтанальс, Мануэль (1818-1884), испанский филолог и литературовед

Музаффар ибн Булуггин, Абдаллах аль- (1056-1100?) , эмир Гранады в 1073-1090

гг.

Музаффар ибн Худ, Юсуф аль- (ум. 1082), эмир Лериды в 1047-1079 гг.

Муктадир ибн Худ, Ахмад I аль- (ум. 1081), эмир Сарагосы с 1046 г.

Муньо, валенсийский клирик

Муньо Густиос, асгуриец, воспитанник и дружинник Сида

Мустаин II ибн Худ, Ахмад II аль- (ум. 1110), эмир Сарагосы с 1085 г.

Мутаваюсиль ибн аль-Афтас, Омар ибн Мухаммед ибн Абдаллах аль- (ум. 1094), эмир Бадахосас 1072г.

Мутамид ибн Аббад, Абу-ль-Касим Мухаммед II аль- (1040-1095), эмир Севильи в 1069-1091 гг.

Мутамин ибн Худ, Юсуф аль- (ум. 1085), эмир Сарагосы с 1081 г.

Мутасим ибн Сумади, Абу Яхья Мухаммед аль- (1037?-), эмир Альмерии в 1051-1091 гг.

Мухаллаб ибн АбуСуффра, аль- (628-702), иракский арабский полководец

Мухаммед ибн аль-Хадж, Абу Абдаллах (ум. 1115), полководец альморавидов

Мухаммед ибн Ибрагим ибн Ташфин, Абу Абдаллах, полководец альморавидов, племянник Юсуфа

Н

Нумериан, Марк Аврелий Нумерий (ум. 284), римский император Востока с 283 г.
Нуньо Португальский, граф Нуньо Суарес, рыцарь из Леона

О

Омейяды, династия кордовских халифов (661-750 гг.)
Ордоньо II (873-925), король Галисии с 910 г. и Леона с 914 г.

П

Пасхалий II (ум. 1118), Римский Папа с 1099 г.
Педро Ансурес (ок. 1037-1117/1118), граф Вальядолида, Карриона, Садданы, Льебаны и Саморы
Педро (Перо) Бермудес, альферес Сиды
Педро I Католик (1069-1104), король Арагона и Памплоны с 1094 г.
Пелагий Овьедский (ум. 1143), епископ Овьедо, хронист, автор «Хроники королей Леона», охватывающей период с 982 по 1109гг.
Петр из Осмы (ум. 1109), св., архидьякон Толедского собора, с 1101 г. епископ Осмы

Р

Раймунд Беренгер II Голова-Из-Пакли (1053—1082), граф Барселоны с 1076 г.
Раймунд Беренгер III Великий (1082-1131), граф Барселоны с 1097 г.
Раймунд Беренгер IV Святой (1113—1162), граф Барселоны с 1131г.
Раймунд Бургундский (1065-1107), граф Галисии с 1087 г., зять Альфонса VI
Рамиро I (ум. 1063), король Арагона с 1035 г.
Рамиро (1047?-1083), инфант Наварры, сеньор Калаорры
Рамиро (1057?—1116), инфант Наварры, сеньор Монсона
Рамон, инфант Наварры, сеньор Мурильо и Камероса, убийца Санчо IV
Рамон де Барбара, каталонский рыцарь
Ричард I Львиное Сердце (1157—1199), король Англии с 1189 г., один из предводителей Третьего крестового похода
Родриго (Родерих) (ум. 713), король Толедского королевства вестготов с 710 г.
Родриго Диас, граф Овьедский, брат Химены, жены Сиды
Родриго Хименес де Рада (1170-1247), архиепископ Толедский с 1208 г., хронист
Роже III (1090?-1148), граф Фуа с 1124 г.
Роланд, граф Бретонской марки, военачальник франкского императора Карла Великого
Роман IV Диоген (ум. 1072), византийский император с 1067 г.
Румайкия (Итимад) (1046?-1092?), жена аль-Мутамида

С

Саладин (Салах ад-Дин Юсуф ибн Айюб) (1138-1193), султан Египта с 1176 г.
Санча (10137-1067), королева Леона с 1037 г., жена Фернандо I с 1032 г.
Санчо I Рамирес (1043-1094), король Арагона с 1063 г., король Памплоны с 1076 г.
Санчо II Сильный (1037?-1072), король Кастилии с 1065 г.
Санчо III Великий (991-1035), король Наварры с 1000 г., король Испании
Санчо III Желанный (1134-1058), король Кастилии с 1057 г.
Санчо IV Гарсия Пеньяленский (1038—1076), король Наварры с 1054г.
Сир ибн Абу Бекр ибн Ташфин (ум. 1114), полководец альмо-равидов

Сиснандо Давидес (ум. 1091), алуазир Коимбры, граф Португалии, позже губернатор Толедо

Страбон (64/63—ок. 20 до н. э.), древнегреческий географ и историк

Сумаиды (Бени-Сумади), династия правителей Альмерии

Сурита-и-Кастро, Хоронимо (1512-1580), испанский историк и хронист

Т

Тамим ибн Булуггин (1055?—), эмир Малаги в 1073-1090 гг.

Тиберий, Клавдий Нерон (42 до н.э.-37 н.э.), римский император с 14 н.э.

Туртуши, Абу Бакр ат- (1059-1126), арабский богослов, правовед и моралист, автор трактата «Светоча государей»

У

Урбан II (ок. 1042-1099), блаж., в миру Оддон де Лажери, папа римский с 1088 г.

Уррака (10347-1101), дочь Фернандо I, правительница Саморы

Уррака Гарсес (ум. 1108), жена Гарсии Ордоньеса, сестра Санчо IV Наваррского, сеньора Альберите

Ф

Фатх аль-Мамун (ум. 1091), правитель Кордовы, сын аль-Мутамида

Фелес Муньос, племянник и дружинник Сиды

Фелиция де Руси (1042?-1086), королева Арагона, вторая жена (с 1076 г.) Санчо I Рамиреса

Фернан Гонсалес (ум. 970), первый граф Кастилии с 923 г.

Фернандо I Великий (ум. 1065), король Кастилии с 1035 г. и Леона с 1037 г., император Испании

Фернандо III Святой (12017-1252), король Кастилии с 1217 г.

Фернандо Ансурес, знатный кастилец

Фернандо Гонсалес, инфант Карриона

Фернандо Диас, граф Овьедский, брат Химены, жены Сиды

Филипп II Август (1165—1223), король Франции с 1180 г.

Х

Хайме I Завоеватель (1208—1276), король Арагона и граф Барселоны с 1213 г.

Харун ар-Рашид (766-809), багдадский халиф с 786 г.

Хиль из Саморы, Хуан (ок.1240—ок. 1320), монах-францисканец, историк, секретарь Альфонса X Кастильского

Химена (1054?-1115), урожденная Диас, жена Сиды с 1074 г.

Химена (Эйссемена) (1105-1149), дочь Марии Родригес, внучка Сиды

Химено Гарсес, рыцарь из Памплоны

Хиральдо Алеман, барон де Сервельон, рыцарь на службе графа Барселонского

Хуан II (1405-1454), король Кастилии с 1406 г.

Хуан Мануэль (1282—1348), испанский писатель и государственный деятель

Хуан Руфо Гутьеррес (1547- после 1620), испанский поэт

Э

Эбль II (1050—1104), граф де Руси, французский военачальник, участвовавший в крестовом походе в Испанию

Эльвира (1038?-1101), дочь Фернандо I, правительница Торо

Эрменголь (Арменголь) IV Герпский (1056—1092), граф Урхельский с 1065 г.

Ю

Юбер, Виктор-Эме (1800—1869), немецкий историк литературы и общественный деятель

Юсуф ибн Ташфин (1009-1106), глава альморавидов, Эмир аль-муслимин